

ISSN 2414-5815

ПРАВО
ЭКОНОМИКА
ПСИХОЛОГИЯ

научно-практический журнал

№ 3(19)

2020

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год
Издается с января 2015 года

2020 № 3(19)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
В.В. Богатырева

Редакционная коллегия:

А.А. Бочков (ответственный за раздел «Право»),
Э.В. Павлыш (ответственный за раздел «Экономика»),
С.Л. Богомаз (ответственный за раздел «Психология»),
В.Н. Бибило, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
П.В. Гурценков, Д.М. Демичев,
А.Г. Егорова, В.С. Елисеев, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, Н.В. Кухтова,
С.В. Лауткина, Г.В. Лосик,
А.Н. Пастушеня, Л.А. Пергаменчик,
Л.Ф. Трацевская, И.А. Фурманов,
И.И. Шматков, В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:

Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахименко (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Ю.Н. Карандашев (Польша),
Т.В. Сенько (Польша),
В.А. Моляко (Украина),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
В.А. Мазилев (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:

Московский пр-т, 33,
210038, г. Витебск, Беларусь
Тел.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Журнал зарегистрирован
в Министерстве информации
Республики Беларусь
за № 1806 от 08.02.2016

П Р А В О

- Bochkov A.A., Gurshchenkov P.V., Bochkova G.Sh.** Methodological and doctrinal bases of legal liability 3
- Ивашкевич Е.Ф., Кабышко Н.В.** Современные конституционные процессы в странах постсоветского пространства 13
- Сабуня Р.М.** Глобальный договор ООН о безопасной, упорядоченной и легальной миграции: правовой анализ 22
- Стаценко В.Г.** Киберкриминология как область криминологического знания: объект исследования и перспективы развития 29
- Ребицкая Е.В.** Государственные предприятия как субъекты обеспечения защиты прав человека в бизнес-сфере 35

Э К О Н О М И К А

- Борисенко-Клепач Н.М.** Оценка развития инклюзивного туризма на макроуровне посредством системы индикаторов 41
- Забродская Н.Г., Липницкий Л.А.** Влияние внешней, внутренней и маятниковой миграции населения на рынок труда Республики Беларусь 48
- Салахова Ю.Ш.** Теоретико-методологические основы исследования содержания человеческого потенциала и его роли в формировании человеческого капитала 55
- Трацевская Л.Ф., Колесниченко А.И.** Имидж региона как инструмент внешнеэкономической стратегии: Витебская область 61
- Янкевич Е.М.** Основные аспекты системного взаимодействия сферы туризма и региональной экономики 67

П С И Х О Л О Г И Я

- Богомаз С.Л., Оленина О.Е.** Тревожность как стратегия поведения личности с ограниченными возможностями здоровья 78
- Валитова И.Е.** Содержание образа Я у матерей, имеющих детей раннего возраста с отклонениями в развитии 83
- Кияшко М.А.** Исследование ценностных ориентаций и академической мотивации студентов-психологов 90
- Косаревская Т.Е., Ткач М.Г.** Психологические адаптационные характеристики лиц с ограниченными физическими возможностями 100
- Соколович Е.А.** Мотивация достижения успеха и мотивация избегания неудач у индивидов с разными уровнями и видами перфекционизма в период ранней взрослости 105

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year
Published since January 2015

2020 № 3(19)

Founder: Educational Establishment
“Vitebsk State P.M. Masherov University”

Editor-in-Chief:
V.V. Bogatyreva

Editorial Board:

A.A. Bochkov (in charge
of the Law Studies section),
E.V. Pavlysh (in charge
of the Economics Studies section),
S.L. Bogomaz (in charge
of the Psychology Studies section),
V.N. Biblo, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
P.V. Gurschenkov, D.M. Demichev,
A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, N.V. Kukhtova,
S.V. Lautkina, G.V. Losik,
A.N. Pastushenia, L.A. Pergamenschik,
L.F. Tratsevskaya, I.A. Furmanov,
I.I. Shmatkov, V.A. Yanchuk, G.A. Yasheva

Editorial Council:

T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhlmenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
Yu.N. Karandashev (Poland),
T.V. Senko (Poland),
V.A. Mollako (Ukraine),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vlnnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
V.A. Mazilov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
“Law. Economics. Psychology”
is included in the List of scientific publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:

33 Moskovsky Prospect,
210038 Vitebsk, Belarus
Tel.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

LAW

- Бочков А.А., Гурценков П.В., Бочкова Г.Ш.** Методологические и доктринальные основы юридической ответственности 3
- Ivashkevich E.F., Kabyshko N.V.** Contemporary Constitutional Processes in the Post-Soviet Countries 13
- Saboune R.M.** Un Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration: Legal Analysis 22
- Statsenko V.G.** Cyber Criminology as a Field of Criminological Knowledge: the Research Object and Prospects of the Developments 29
- Rebitskaya E.V.** State Owned Companies as Subjects of Ensuring Human Rights Protection in Business Sphere 35

ECONOMICS

- Borysenko-Klepach N.M.** Evaluation of Inclusive Tourism Development on the Macro Level Based on the Indicator System .. 41
- Zabrodskaya N.G., Lipnitski L.A.** The Impact of External, Internal and Pendulum Migration on the Labor Market of the Republic of Belarus 48
- Salakhova Yu.Sh.** Theoretical and Methodological Bases of the Research on the Content of Human Potential and its Role in the Formation of Human Potential 55
- Tratsevskaya L.F., Kolesnichenko A.I.** Image of the Region as a Tool of Foreign Economic Strategy: Vitebsk Region 61
- Yankevich E.M.** Basic Aspects of System Interaction of the Sphere of Tourism and Regional Economy 67

PSYCHOLOGY

- Bogomaz S.L., Olenina O.E.** Anxiety as a Strategy of the Behavior of the Person With Health Disabilities 78
- Valitova I.E.** Content of Mothers' who Have Early Age Children with Disabilities Self Image 83
- Kiyashko M.A.** The Study of Psychology Students' Value Orientations and Academic Motivation 90
- Kosarevskaya T.E., Tkach M.G.** Psychological Adaptation Characteristics of People With Health Limitations 100
- Sokolovich E.A.** Individuals' With Different Levels and Types of Perfectionism Motivation for Success and Failure Avoiding in Early Adulthood 105

Methodological and doctrinal bases of legal liability

Bochkov A.A., Gurshchenkov P.V., Bochkova G.Sh.

Institution of education "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"

Ensuring legal legality and law and order, and fighting against offenses in a digital society put the problems of legal responsibility in the doctrinal, legislative and law enforcement sphere in order to update and effectively solve them.

The purpose of the article is to study problematic issues of legal liability in order to develop the main directions of improvement.

Material and methods. The material was the legislative acts of the Republic of Belarus and foreign countries on the subject of research, the doctrines of leading experts in this field, the results of comparative victimological research conducted by the authors. Methods: dialectic-materialistic, general scientific, comparative, interpretation of law, legal modeling.

Results and discussion. The implementation of legal responsibility is the most important indicator of the viability of state and law, their legality and legitimacy.

The new digital society needs a new doctrine, a memetic of legal responsibility that is legally fixed and effectively implemented through an electronic law enforcement mechanism.

Conclusion. Analyzing the existing national and foreign experience, anticipating the trends of social development, it is necessary to update the intersectoral institute of legal responsibility and fill it with new conceptual, legislative and law enforcement content, while preserving the time-tested main provisions.

Keywords: responsibility, social responsibility, positive responsibility, negative responsibility, legal responsibility, state coercion, punishment, criminal liability of a legal entity, criminal misdemeanor.

Методологические и доктринальные основы юридической ответственности

Бочков А.А., Гурщенок П.В., Бочкова Г.Ш.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машиерова»

Обеспечение правовой законности и правопорядка, борьба с правонарушениями в условиях цифрового общества ставят проблемы юридической ответственности в доктринальную, законодательную и правоприменительную плоскость с целью их актуализации и эффективного решения.

Цель статьи – изучение проблемных вопросов юридической ответственности для выработки основных направлений совершенствования.

Материал и методы. Материалом послужили законодательные акты Республики Беларусь и зарубежных стран по теме исследования, доктрины ведущих специалистов в данной области, результаты компаративистского виктимологического исследования, проведенного авторами. Методы: диалектико-материалистический, общенаучный, компаративистский, толкования норм права, правового моделирования.

Результаты и их обсуждение. Реализация юридической ответственности выступает важнейшим показателем жизнеспособности государства и права, их легальности и легитимности.

Новое цифровое общество нуждается в новой доктрине, меметике юридической ответственности, законодательно закрепленной и эффективно реализуемой с помощью электронного правоприменительного механизма.

Заключение. Анализируя имеющийся национальный и зарубежный опыт, предвидя тенденции общественного развития, необходимо актуализировать межотраслевой институт юридической ответственности и наполнить его новым концептуально-законодательно-правоприменительным содержанием, с сохранением прошедших проверку времени определяющих положений.

Ключевые слова: ответственность, социальная ответственность, позитивная ответственность, негативная ответственность, юридическая ответственность, государственное принуждение, наказание, уголовная ответственность юридического лица, уголовный проступок.

The problem of legal liability is traditionally one of the most controversial and exciting issues, relevant in theoretical and practical terms. Its solution determines the quality, degree of development of the legal system, compliance with laws, the effectiveness of crime combat, the

level of law and order. It answers the questions: "who, for what, to whom, when, and to what extent is responsible?" It has had a long history of criminalization and humanization of society. Many of its aspects are interpreted in different ways: the concept, subjects, time, grounds, features, principles, conditions, types. The indicator

of effectiveness is the inevitability of liability, its legality and fairness. The legal literature deals with the problems of positive and negative liability, public and private, constitutional and legal, environmental, procedural liability, compensation to the victim, etc. Russian and Belarusian scientists raise the issues of fixing the concepts “criminal misdemeanor”, “criminal liability of a legal entity” in the criminal code, the expediency of including public danger as a mandatory feature of an administrative offense, etc. In the conditions of digital transformation of public relations, there appears the issue of legal liability of electronic persons, robotic objects, and artificial intelligence units. Within the framework of electronic court and digital law enforcement, attempts are being made to create an automated mechanism that assigns certain types of legal liability without human intervention.

The task is to transform negative responsibility into positive, based on the fulfillment of duty, on moral values, legal conviction of the population in the legality and legitimacy of state power in the framework of interaction between the rule of law and civil society. We need to update the legislative regulation of legal liability (liberalization, criminalization), the definition of the subject (individual or collective), the object and content.

The purpose of the article is to study problematic issues of legal liability in order to develop the main directions of improvement.

Materials and methods. Doctrinal, legislative, comparative material of victimological research was analyzed on the basis of dialectical-materialistic, general scientific and private scientific methods.

Results and discussion. Freedom, justice, responsibility, duty, honor, conscience are fundamental, interconnected concepts that humanity is concerned with at all times. Through the prism of these spiritual and moral categories, we evaluate all our actions. History knows examples of selfless service to the Motherland, an idea, a family, a loved one, of impeccable fulfillment of one's duty, selfless courage, nobility and responsibility. In contrast, there are cases of egregious irresponsibility, cowardice, betrayal, meanness and indifference. A person, as an individual manifestation of socially significant qualities, correlates his behavior with his own motives and goals, the behavior of other people, their interests, needs and values.

The fight against corruption, the de-bureaucratization of the state apparatus, increasing responsibility and efficiency, strengthening order and discipline in work communities are a constant demand of the President of the Republic of Belarus and the government.

The regulatory system does not only provide the subject with rights and freedoms but also requires a responsible attitude from him. Fulfillment of certain duties implies efficient activity, volitional effort, exertion of mental and physical forces. Non-observance of the rules of behavior established in society entails responsibility.

The etymology of the word *responsibility* comes from the obligation, the need to respond, to account for one's actions and deeds, the onset of possible consequences for something. This is an obligation imposed on someone or taken by someone to report on any actions and the ability to take the blame for possible adverse consequences. A responsible person is a person endowed with rights, opportunities and, who, as a result, bears a certain responsibility. A subject is characterized by a highly developed sense of duty, conscientiously performing his duties. It is a person associated with understanding of the importance of something, meeting the requirements, zealously carrying out his duties.

Social responsibility is a set of mutual requirements for individuals, social groups, society and state regarding the implementation of established general rules of conduct. It has an objective, historically determined, country character, based on the characteristics of national culture, customs, traditions, religious beliefs.

According to the classics of Marxism-Leninism, one cannot live in society and be free from society. The regulation of community, the establishment of order following from the principles of legality and expediency, requires the establishment of a measure of responsibility. Its form and content depend on objective and subjective factors. Objective factors are dictated by social laws and regularities, the needs of economy, politics, national and cultural values. Subjective are associated with the level of maturity and activity of the subjective factor. For those in power, this is honesty, integrity, a desire to serve the people, for the governed, this is consciousness, discipline, willingness to conscientiously fulfill their duties. Responsibility is based on the performance of duties. Irresponsible conduct leads to anarchy, chaos, outrage and death. Responsibility compels enforcement, acting as the main means of preserving a whole and a part.

An objective prerequisite for the implementation of social responsibility is the regulation of activities carried out through a system of rights and obligations. Its purpose is to combine the interests of various actors to create a regulated order. The subjective prerequisite is associated with an awareness on an individual level of the need for responsibility and submission to accepted rules of behavior, traditions, customs and rituals. It involves freedom of choice, will and activity of the individual.

The development of society in conditions of unpredictability, risk, entropy (regulated chaos), the interconnection, interdependence of all elements of the global world system, significantly increases the price of decisions, the degree of social responsibility of each subject. Often the collapse of one link of the public pyramid leads to the collapse of all links. The manager's irresponsible decisions cost the life, health, property, the fate of hundreds and thousands of people, their well-being and mood.

The commercialization of social relations leads to their individualization, the loss of the moral component. It is necessary to distinguish the Protestant ethics of civilized capitalism with its enterprise, profitability, honesty, punctuality, personal responsibility, designed for the future and Marxist ethics with its predation, callous attitude, the cult of the "golden calf", the desire to make profit here and now without thinking about tomorrow, which generates irresponsibility at the individual and social level. At the same time, the nature of capitalism, which at 100% profit violates all human laws, and at 300% could commit any crime, if not threatened by the gallows, has not been changed [1, p. 770].

Assignment of responsibility is the implementation of established rights and obligations aimed at maintaining peace, order, stability in society, creating conditions for prosperity and progress. It makes one account for violating social norms, makes a person disciplined and organized, and threatens with unfavorable consequences and deprivations. The spiritual foundations of responsibility are decency, conscience, faith and justice.

Social responsibility is a complex, multidimensional category, characterized by historical, philosophical, moral, religious, legal content. It is relevant in theoretical, methodological and practical terms. It has generic, species, institutional, and specific characteristics.

Its meaning is not only the consolidation of existing orders, but also the adherence to social, national, moral, religious ideals and universal values, implying responsibility to God, history, people, country, party, the younger generation, family, etc. Responsibility is aimed at maintaining legal continuity, encouraging, stimulating socially useful behavior and condemning, punishing, blocking antisocial behavior. It is closely related to the compliance with order, discipline, organization, generally binding rules of conduct, a system of traditions and priorities.

The following types of social responsibility are distinguished – historical, political, civil, legal, moral, religious, corporate, party, professional, material and spiritual, internal and external, authorities and people, the state and the individual, parents

and children, etc. It exists at the individual, family, group, class, social, national, regional, world levels.

Social responsibility is defined in positive (prospective) terms. Prospectus, translated from English, means the future, program, plan of something. Some authors speak not about prospective, but perspective responsibility. It is the opposite of the negative (retrospective – from Latin).

Positive responsibility is seen as service, the true purpose of a person, duty, the fulfillment of creative potential, the realization of the makings, abilities, meaning of life, the performance of one's duties. It assumes responsibility for the fate of the country, the future of children, conscientious performance of professional duties. A positive responsibility lies in the embodiment of the plan laid down by God, nature, parents, the humanistic purpose of man. It is characterized by a positive orientation of the subject's attitude to committed acts in the future. It does not have so much legal, but rather deep spiritual, moral, religious content, and is typical for the majority of the population, as it unites society into one organic whole. It is deeply rooted in the human psyche as a bio-psycho-social being, based on imperative-attributive experiences (L.I. Petrazhitsky).

Positive responsibility is based on universal human values: moral (the concept of good, evil, conscience, justice, humanism); civil (a sense of patriotism, love for the Motherland, an active life position), religious (faith in God, heaven, hell, love of one's neighbor, compassion, humility), legal (legitimacy, legality of law, democracy of state power, principle of formal equality, presumption of innocence). There is a directly proportional relationship between the level of morality, citizenship, religiosity, the legal development of society and the level of its responsibility. Positive responsibility is based on legal conviction, skills of lawful behavior, social activity. Retrospective – on a system of punishments, deprivations, restrictions and rewards. It should be noted that at the constitutional level the state and its citizens assume mutual social responsibility for what is happening in the country.

Article 2 of the Constitution of the Russian Federation states that the recognition, observance and protection of human and civil rights and freedoms is the duty of the state. Article 2 of the Constitution of the Republic of Belarus proclaims that the state is responsible to the citizen for creating the conditions for the free and dignified development of the individual, and the citizen is responsible to the state for the strict fulfillment of the obligations imposed on him by the Constitution.

The basic law emphasizes the responsibility of state bodies and individuals performing public

functions for actions that violate the rights and freedoms of the individual (Article 59). The Government of the Republic of Belarus in its activities is accountable to the President of the Republic of Belarus and is responsible to the Parliament (Article 106).

According to Article 3 of the Constitution of Turkmenistan, the state is responsible to every citizen and ensures the creation of conditions for the free development of the individual, protects life, honor, dignity and freedom, personal inviolability, natural and inalienable rights of a citizen. Each citizen is responsible to the state for the fulfillment of the duties entrusted to him by the Constitution and laws. In terms of responsibility and significance, the obligation of the state and an official is higher than that of an individual and a group, and in terms of volume, potential, source the latter play a decisive role.

In practice, most often we are to speak about the responsibility of a citizen, organization and much less often about that of the state. The state's failure to fulfill its obligations undermines the faith of citizens in the justice of the authorities, respect for democracy, promotes unlawful behavior, reduces the level of social activity, weakens the active life position.

In legal literature one can come across such terms as responsible decision, responsible post, responsible employee, responsible position, authority or official authority. In the Civil Code of the Republic of Belarus there are concepts of a limited liability company, a company with additional liability, liability for violation of obligations, subsidiary liability, etc.

A special type of social responsibility is legal responsibility. It is believed that the institution of legal liability took root from the foundations of Roman law of obligations.

Legal responsibility involves answers to the questions: who, what for, to whom, to what extent is responsible. Individual and collective entities, teams, states, the world community, individuals, legal entities are held accountable. However, society did not come to this immediately. Such a remnant of the primitive communal system as anthropomorphism – humanizing objects and natural phenomena, endowing them with the physical and spiritual qualities of man, – has been preserved for a long time. So, in antiquity and the Middle Ages not only people were held liable, but also animals and objects. For example, in the VII–VI centuries BC. in ancient Greek city-states animals, stones, and metal tools (knives, axes, swords) that caused death without the proven involvement of a human hand could be sued. If the guilt was proven, the animal was killed, and inanimate objects that were considered “criminals” after certain rituals

were thrown out of Attica. Among the ancient Greeks, there was a legend according to which, until the guilty was punished and removed from the country (even if it was a spear, an axe or a stone), the souls of the dead wander among close relatives and fellow citizens, sit on their neck, strangle them, unleash plague and other misfortunes upon the city. This continues until the murder is avenged [2, p. 87]. It is known that the Persian king Xerxes, who wanted to conquer Greece, ordered to whip the sea for the destruction of the crossing by sea waves.

On November 12, 1623, the uprising in the city of Vitebsk, caused by the forcible conversion of the Orthodox population to the Uniate faith, resulted in the assassination of the Uniate Archbishop Iosafat Kuntsevich. The uprising began at the signal of the bells of the Town Hall and the Russian Orthodox churches and was put down. The city was deprived of Magdeburg law and the rebels were subjected to severe punishment

In memory of Josaphat Kuntsevich, all the bells were moulded into one, on which the inscription “about this atrocity” was made. The bell was handed over to the Prechistensky Cathedral Church, where the deceased Archbishop was put to death. The churches were allowed to have bells only with the consent of the Kiev Metropolitan [3, p. 123–124].

Interestingly, in 1405, a bull was hanged in France for goring a man. In Slovenia in 1864, the last death penalty on animals took place [4, p. 314].

Responsibility for guilt, as a rule, was imposed on the individual, but could have a collective character and also apply to the family, commune, community of people. So, according to ancient Roman law, all slaves living in the house were subject to death for the murder of a slave owner. During the suppression of slave uprisings, all slaves in the areas involved in the uprising were executed, regardless of their guilt. Thus, having captured, thanks to treason, the rebellious Sicilian city of Taurus, the Romans subjected all the slaves in the city to sophisticated torture, and then threw them from the fortress wall, sparing neither women nor children [2, p. 136, 158].

According to *Russkaya Pravda*, the whole family of an outlaw was given up for looting. If a murdered person was found on the territory of the community, then all members paid the “common fine”. In ancient China, for serious crimes such as treason, rebellion and conspiracy, collective responsibility extended to the kin of father, mother and wife. In the beginning, the offender was responsible to the victim and his relatives (“golovshchina” according to “*Russian Pravda*” as a fee for the relative of the murdered man’s head), then they paid a fine (*vira*) to the state represented by the prince.

Then criminal and administrative liability to the state was envisaged, which was related with the compensation of material and moral harm to the victim.

In Stalin's times, besides the "enemies of the people", responsibility was also borne by their sons and children. A lot of restrictions were introduced for children of the "enemies of the people".

It is known that on the territory of the Grand Duchy of Lithuania until the middle of the XVth century state crime punishment extended to all family members. According to the Privilege of Casimir of 1447 and the Judicial Code of Casimir of 1468, the principle of objective imputation of guilt was limited, in accordance with which an attempt was made to individualize punishment and establish personal responsibility.

The problem of compensation for harm to the victim is currently not fully resolved and requires additional research. The data of the victimological survey in the Russian Federation and the Republic of Belarus, conducted under the guidance of the authors, show that up to 70% of victims of crimes did not receive compensation for material damage caused by the crime through the court.

The analysis of criminal cases examined by the courts of the Vitebsk and Smolensk regions showed that the damage caused by the crime was not compensated within the criminal cases examined in relation to 34% of Russian and 37% of Belarusian victims [5, p. 249–334].

The head is responsible for the fate of the enterprise or institution, and the occupation of some posts requires verification not only of the applicant, but also of his close relatives. Fear of legal responsibility by heads of organizations, institutions, executive authorities, ministry employees, their unwillingness to take risks, make independent decisions, fetters their activity, initiative, artificially creates a shortage of leading personnel.

The problem of legal liability for most members of society is of practical relevance. According to some foreign criminologists, 80–90% of people at least once in their life commit acts prohibited by the criminal code [6, p. 603]. Almost 100% of the adult population commits offenses. Thus, each person throughout his life is repeatedly brought to legal liability. He must know his rights and obligations.

Debatable is the question of the appropriateness of dividing legal responsibility into positive (realized in lawful behavior) and negative (law enforcement, realized through the implementation of sanctions of the legal norm), considered as a legal reaction of the state to a committed offense. Positive legal liability is associated with the obligation to comply with legal requirements. Being voluntary, the most common,

it makes up the main element of socially significant behavior and is characteristic of most members of society. It is part of social responsibility and assumes a positive orientation and unity of its main types. It is based on moral and religious norms.

The basis of prospective legal liability is a deep awareness of the validity of legal requirements. Willingness to fulfill legal duties is based on belief in their legality, validity, sense of duty, legal conviction, positive, approving attitude of citizens to state public authority and the legal system. Positive responsibility as a duty and obligation to society and the state means that the subject understands justice and the need to fulfill social requirements, the deprivations that he will have to endure if he does not cope with the tasks assigned to him and is not ready for their fulfillment [7, p. 489].

A measure of positive legal responsibility is subjective rights, legal obligations, legal interests, as the manifestation of freedom of the individual and society [8]. It harnesses the potential of the state and civil society, requires the voluntariness, consciousness and conviction of citizens, their social and legal activity and initiative. An obligation is understood as requirements imposed on someone, and providing for certain acts (action or inaction), unconditional for fulfillment (obligation of the organization, obligation of parents, obligation of the state, duty of a citizen).

This is a measure of the proper (necessary) behavior of the subject as the bearer of the obligation to commit actions prescribed by law, or to refrain from actions. In this case, the obligation is regarded as a type of legal relationship in which one person is obliged to perform certain actions in favor of another (debtor in favor of the creditor, defendant in favor of the plaintiff). Often duty is interpreted as a synonym for responsibility.

Subjective law is interpreted as the possible, most beneficial behavior of a person within the authorizing norm. The obligation of the state, state body, official, organization, person automatically implies legal liability in case of non-compliance. For civil servants, improper fulfillment of their rights, or abuse of their right, official duties is the basis of legal liability.

There are no rights without duties and obligations without rights. For their implementation, the activities of the subjects are required. Therefore, the content of legal relations is not just a totality of subjective rights and legal obligations, but the activity of the parties aimed at their implementation. At the same time, both the authorized and the obliged parties have the right and obligation.

The use of rights involves the performance of duties. According to Article 24 of the Constitution

of the Republic of Belarus, everyone has the right to life. The state protects human life from any illegal encroachment. In turn, the protection of the state is the obligation and sacred duty of a citizen of the Republic of Belarus (Article 57).

Thus, the principles which act as a measure of positive legal responsibility for participants in civil relations are the rule of law, the social orientation of the regulation of economic activity, the priority of public interests, the equality of participants in civil relations, inviolability of property, freedom of contract, good faith and reasonableness, etc. (Article 2 of the Civil Code of the Republic of Belarus).

For example, the Code of Criminal Procedure (CCP) of the Republic of Belarus establishes the procedure for the activities of bodies conducting criminal proceedings, as well as the rights and obligations of participants in criminal proceedings (Article 1).

Proponents of positive legal responsibility advocate deep reconsideration of the theory and practice of this social institution. Filling the norm of law with spiritual content, the conviction of the population in the legitimacy, democracy of public authority, the justice and inevitability of responsibility, the automation of the work of the law enforcement mechanism creates the prerequisites for the effective implementation of the functions of the state and law.

It is impossible to ensure negative liability only by punitive measures without the willingness of the population to take positive legal liability. If the state apparatus is mired in corruption and merged with the mafia, there is no clear law enforcement mechanism, and the majority of the population does not comply with the law, it will be impossible to implement legality, establish the rule of law and achieve legal liability. Undoubtedly, the consideration of legal responsibility by supporters of the positive direction will help to understand this complex and multifaceted phenomenon better, to identify the mechanism, stimulating factors of mass lawful behavior, and outline a system of educational activities.

Critics of the theory of positive responsibility come from the fact that legal responsibility cannot be a speculative, abstract institution. An attempt to give legal responsibility a positive (perspective) meaning, in their opinion, will lead to the dissolution, confusion of legal responsibility with other types (social, civil, moral, religious), the loss of its specificity [9, p. 631–632].

They proceed from the fact that legal liability is in a causal relationship with the offense and its symptoms (wrongfulness, deed, guilt, punishment). Responsibility comes only for specific committed

acts prohibited by the rule of law. Therefore, legal responsibility cannot be considered in a positive way, it exists only in the negative [10, p. 710–712], although it is possible to speak about spiritual aspects, the subjective side of the offense. The task of law enforcement is to focus attention on the fight against offenses, their prevention, the inevitability of negative legal liability associated with punishments and restrictions. Its execution is based on deprivation, penalties, traditions, habits.

The concept of “legal” in domestic and foreign legal literature is interpreted differently. There is no universally accepted definition.

Often legal liability is defined as a measure of state coercion, based on legal and social condemnation of the behavior of the offender and expressed in the establishment of certain negative consequences for him in the form of restrictions. Some authors characterize it as the offender’s subjective duty to undergo the unpleasant, punitive consequences of guilty illegal behavior [11, p. 361]. Others consider that legal responsibility is regulated by law and caused by the offense, the law enforcement relationship between the state represented by its special bodies and the offender, who is entrusted with the obligation to undergo appropriate deprivation and adverse consequences. On the one side of legal responsibility are authorized state bodies (court, prosecutor’s office, police, administration of enterprises and institutions) that have the legal capacity to influence measures, and on the other – an offender, as a required party, undergoing deprivations of personal, organizational and property character [12].

Legal liability is also regarded as applying to offenders coercive measures prescribed by law in the established procedural order. It is defined as the occurrence of legal consequences associated with the compulsory performance of duties caused by the implementation of the sanction of a legal norm. It is understood as a set of legal norms that presuppose the type, measure, conditions of occurrence and implementation of state coercion for a committed offense [13, p. 704]. It includes compulsory duty, the onset of law enforcement between subjects, the use of authority; state coercion; impact measures, punishment system; adverse consequences for the offender.

Most researchers agree that legal responsibility should be understood as state coercion to fulfill the requirements of law, legal relationship, where the obligated party is responsible for its actions to the authorized party, state, organization. As a rule, the offender does not wish to bear this obligation and does not expect to be established in that capacity and penalized. This is a legally established system of legal punishment measures.

Legal liability is a state-established measure of legal influence on an offender with adverse consequences for him. According to the legislation of the Republic of Belarus, criminal liability is the conviction of the person who committed the crime and the application of punishment on the basis of conviction. The conviction is the basis for the recovery of property damage and material compensation for non-pecuniary damage (Article 44 of the Criminal Code (CC) of the Republic of Belarus). Only the Criminal Code of the Republic of Belarus is the normative base in the territory of the state for criminal liability (Article 1 of the Criminal Code).

The basis and condition for administrative liability establishing administrative penalties is an administrative offense. The Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses (CAO) is the only legal source providing for administrative liability (Article 1 of the CAO). Personal restrictions may include correctional labor (Article 6.6 of the Code of Administrative Offenses), restriction of freedom (Article 55 of the Criminal Code), administrative arrest (6.7 of the Code of Administrative Offenses), imprisonment (Article 67 of the Criminal Code), etc.

Examples of organizational deprivations are restrictions on military service (Article 53 of the Criminal Code), termination of an employment contract on the initiative of the employer if the employee systematically fails to fulfill his duties without good reason and if the employee has previously been subject to disciplinary measures (Article 42.4 of the Labor of the Code (TC) of the Republic of Belarus, demotion in the class of a civil servant for a term of up to six months (Article 57 of the Law "On Civil Service in the Republic of Belarus" dated 14.06.2003 No. 204-3), deprivation of the right to occupy certain posts or engage in certain activities (Art. 430 of the Criminal Code).

Property restrictions may include a fine (Article 6.5 of the Code of Administrative Offenses), confiscation of property (Article 61 of the Criminal Code), compensation for damage (Article 933 of the Civil Code of the Republic of Belarus (CC), forfeit, pledge, deduction, etc., if obligations are improperly fulfilled (Articles 311, 315, 340 of the Civil Code).

The onset of legal liability is preceded by a sanction of a legal norm stipulating the obligation not to commit unlawful acts entailing negative consequences. A legal obligation implies legal liability and is impossible without it.

It is generally recognized that legal liability, unlike other types of liability, is more specific and regulated in material and procedural terms. It has a more diverse, inevitable and strict set of punishments in comparison with other forms. It is directly related to state coercion, the fulfillment

of the will of the legislator, the practical application of sanctions established by law against the offender. All the power of the state machine, ideological and educational apparatus are working on its implementation. There are no irresponsible legal norms. Therefore, the legal structure of a legal norm is always a hypothesis, disposition and sanction, backed up by responsibility. Without sanction, the norm is powerless. Without the implementation of legal responsibility, a legal system cannot exist.

Legal responsibility, on the one hand, based on objective law, expressing social trends and interests, is objective and comes inevitably, regardless of the will and desire of both the victim and the law enforcer, on the other hand, it requires activities of both the applicable authorities and the conscious attitude of offenders who recognize the law and justice of punishment.

The objective nature of legal liability is manifested in a normative, factual, law enforcement basis, measures of state coercion and enforcement. The legal basis is the rule of law, where its sanction provides for legal liability for the unlawful, guilty act of a person held liable for a crime and an enforcement act (court sentence, rector's order for disciplinary sanction). The factual basis is the composition of the offense (object, subject, objective and subjective side). Only the unity of the legal and factual basis is the objective reason for the inevitability of legal liability. An offense is a complex legal fact, the starting point for legal liability. It gives rise to protective legal relations and responsibility of the person who committed it.

State coercion is the imperious influence of special state bodies and officials aimed at the enforcement of legal requirements through the enforcement mechanism. The use of coercion is legally regulated, procedurally determined and mandatory for implementation.

State coercion is not only to ensure the exercise of legal responsibility, but also to create the conditions for its occurrence, including measures of prevention, protection, and preventive measures. Preventive measures include verification of documents, administrative supervision of persons released from prisons, seizure of property and other measures of restraint – recognizance not to leave the place of residence, personal guarantee, bail, house arrest and detention. Protection measures are invalidation of a transaction, debt collection, alimony, reinstatement in one's job, crime prevention [14, p. 490–491].

The subjects of state coercion are the court, the prosecutor's office, the militia (police), executive bodies, the administration of various state institutions, authorized officials specially involved in the consideration of cases of offenses.

Legal liability is always associated with certain deprivations, i.e. it is accompanied by causing the perpetrator negative consequences aimed at depriving, infringing or restricting his personal, property and other interests. Deprivation is a natural reaction to social danger, harm, caused by the offender to society, the state, the individual. It is caused, generated by a committed offense. The offender is either deprived of material and spiritual goods, or their bulk decreases.

Thus, legal responsibility, sanctioned by a legal norm, is defined and personified, and acts as a compulsorily performed obligation arising in connection with an offense and implemented in a specific legal relationship.

There are various approaches to the issue of the time of occurrence of legal liability: from the moment the offense was committed; from the moment the offender is identified; since the entry of the enforcement act into force [14, p. 496].

In theory, the onset of legal liability is assumed from the time of the commission of the offense, which has signs of unlawfulness and punishability, and automatically results in the corresponding protective legal relations. In practice – from the moment the objective fact of the offense is established by the competent state bodies or officials, the adoption of the enforcement act and the prosecution of a specific person.

Speaking of legal responsibility as an obligation to be responsible for a committed offense, one should distinguish between its objective and subjective premises.

Objective – the existence of a rule of law that protects public relations, violations of which are illegal. Subjective – freedom of will and freedom of action of the individual, because without them there is no guilt, without guilt there is no responsibility for the wrongful act. A person deprived of free will cannot be prosecuted. It is impossible to consider the innocent responsible (presumption of innocence).

Legal liability may be borne by a person established in the legislation, who has the ability to realize, understand, control his activities, and bear responsibility for the offense committed. The person must be a legal personality (legal and competent), of a certain age, sane, personified (legally fixed), i.e. able to be legally responsible. Signs of legal liability:

- the grounds for its occurrence and termination, time, extent, boundaries, are fixed in substantive and procedural law. So substantive law describes the concept of an offense, its signs, sanctions, and procedural law describes the process of proving, establishing the fact of an offense, determining the extent of the harm caused and measures of state coercion [15, p. 593–594];

- the presence of a sanction of a legal norm;
- caused by an offense, as its legal consequence;
- aimed at legal condemnation of the entity that violated the legal order;
- is a certain burden commensurate with the public danger, the damage caused and the amount of guilt;
- acts in the form of an unlawful¹, act (action or without action²) of the offender.

Sometimes a single act gives rise to several types of legal responsibility. For example, an accident may result in administrative, criminal and civil law (property) liability;

- comes due to law enforcement activities of competent state bodies and officials (law enforcement act);
- has a strictly established procedural form;
- expressed in the onset of certain negative consequences for the offender of a personal, property, organizational nature;
- being a reaction to past behavior, it has a present and future focus, since its action is not only a fair retribution for a violated right, but also a means of education, prevention of future offenses.

Thus, legal liability is a legal relationship arising from an offense between the state represented by its special bodies and the offender, who is obliged to undergo appropriate deprivations and adverse consequences for the offense that violates the requirements of the rule of law. This is a measure of due, compulsory behavior of the subjects, forcibly provided by the state.

Another issue under discussion is the problem of bringing legal entities to criminal responsibility. Criminal liability of legal entities is valid in all countries of the Anglo-American legal system, as well as in the European Union, in a number of Muslim countries (Syria, Lebanon, Jordan), China, partly in Latvia, Lithuania, Estonia, Georgia, Moldova, Ukraine, and since 2019 in the Kyrgyz Republic (with the

¹ According to article 948 of the Civil Code of the Republic of Belarus, civil liability is possible in the absence of the causer of harm to legal entities and citizens whose activities are associated with increased danger to others (use of vehicles, mechanisms, high-voltage electricity, nuclear energy, explosives, strong poisons, etc.; carried out construction and other related activities, etc.). They are obliged to compensate for the damage caused by the source of increased danger, if they do not prove that irreparable damage or intent of the victim was caused during the investigation. (Commentary to the Civil Code of the Republic of Belarus: In 2 books. B. 2. Minsk: Amalfea, 1999. P. 445–446).

² The Criminal Code of the Republic of Belarus contains 26 articles of unlawful inaction that entails legal liability. For example, article 159 “Leaving in danger”, article 161 “Failure to assist a patient”, article 175 “Evasion of children from parents’ maintenance”, article 220 “Neglect of property protection”, article 300 “Improper storage of firearms”, article 307 “Failure to rescue people”, article 423 “Default judgment, decision or other judicial act”.

introduction of the new Criminal code). In Austria, Albania, Spain, Mexico, and Peru, a legal entity is not formally recognized as the subject of a crime, but various criminal sanctions can be applied to it. This issue is being actively discussed in Russia. Thus, it is proposed to introduce criminal liability of legal entities for corruption crimes, crimes related to the financing of terrorism and extremism, the legalization of criminal income, the organization of illegal migration, in the field of tax evasion, monopoly collusion, in the implementation of illegal schemes for the withdrawal of capital abroad, etc. Basic and advanced criminal sanctions of a legal entity are suggested, which are warning, fine, deprivation of license, quotas, preferences, privileges, deprivation of the right to get engaged in certain activities, prohibition on carrying out activities on the territory of the state, compulsory liquidation [16, p. 105].

In order to humanize the criminal law, the issue of the appropriateness of fixing the concept of “criminal offense” in the Criminal Code of the Republic of Belarus is being discussed. Criminal misdemeanor is found in the legislation of many foreign countries: France, Italy, Austria, Belgium, Switzerland, Germany, Kazakhstan, and others. It is proposed that crimes that do not pose great public danger should fall under the category of criminal misdemeanor. According to the analysis of articles of the criminal legislation of the Republic of Belarus, their number is about 35%, containing more than 80 elements: libel, insult, petty theft, infliction of minor injuries, illegal hunting, negligence, etc. It is planned to consider them in a simplified mode, while punishment is not associated with imprisonment, and the person who committed the offense will not be considered a criminal

Russian literature raises the issue of reducing the age limit of criminal responsibility (due to the acceleration of the younger generation) to 12 years of age due to the large number of serious and especially serious crimes, including murders committed by minors. It is known that in the criminal law of the Russian Empire of the XVII–XVIII centuries, the subject of the crime was a person who had reached the age of 10 [17, p. 440]. Life expectancy was significantly shorter, and the period of adulthood came earlier. Even if we do not take into account historical and civilizational factors, from the point of view of common sense, this proposal is unlikely to be justified and appropriate.

Conclusion. The inevitability of legal liability is the main condition for establishing legality, law and order, well-being and prosperity of society. The implementation of the social contract between the government and the people requires a clear record

in the normative legal acts of the state’s responsibility for the fulfillment of social obligations. This implies the personal legal responsibility of elected and appointed senior officials.

Legal responsibility requires the delegation of some authority and responsibility from a legal state to a legal civil society. It is necessary to clearly differentiate responsibility depending on the public danger, the composition of the offense, social consequences, the form of guilt, the degree of authority of its subjects.

Founded on the principles of legality, justice, and the inevitability of punishment, legal liability is increasingly turning from negative to positive, based on duty, consciousness, responsibility, and the inner conviction of its bearers in justice, validity, and expediency. It is necessary to develop a doctrine of responsibility for the digital society, artificial intelligence and robotics. We need to create flexible legislation that reflects the social realities and needs of the time.

It is necessary to develop at the doctrinal and legislative level the memetics of legal responsibility (ideas, theories, signs, texts, information) revealing its essence, functions, role and mechanism of “infection” of society in order to prevent offenses and strengthen the legal rule of law.

The cross-border nature of crimes makes it necessary to unify the rules of international law affecting the mutual legal responsibility of states. This applies primarily to the combat against terrorism, arms trade, drugs, cybercrime, criminal liability of legal entities, the emergence of previously unknown offenses in the field of high technology, etc. The comparative legal method allows analyzing doctrinal, legislative and law enforcement positive developments of foreign countries in the field of legal regulation and legal responsibility in the areas of artificial intelligence and robotics, the use of psychoactive substances, protection of personal database, human trafficking, forced marriage, organ transplantation, etc. It is necessary to create a unified, clear, automated mechanism of legal responsibility.

References

1. Marks, K. Collected works / K. Marks, F. Engels. – M., 1960. – Vol. 23. – 780 p.
2. Cheltsov-Bebutov, M.A. Course of criminal procedure law. Essays on the history of the court and criminal process in slave-owning, feudal and bourgeois states / M.A. Cheltsov-Bebutov. – SPb.: Ravena, Alpha, 1995. – 846 p.
3. Vitebsk: the Encyclopaedic directory. – Minsk, 1988. – 846 p.
4. Cherdantsev, A.F. Legal behavior, offense and legal responsibility / A.F. Cherdantsev // Theory of state and law: textbook for universities. – M.: Yurait, 1999. – 432 p.
5. Criminal victimization of the population of border areas of Russia and Belarus // Smolensk and Vitebsk regions: results of comparative victimological research: monography. – Smolensk: Universum, 2014. – 396 p.

6. Polyakov, A.V. Delinquency and legal liability / A.V. Polyakov // General theory of law. Course of lectures. – SPb.: Publishing house Legal center “Press”, 2001. – 642 p.
7. Lazarev, V.V. Delinquency and legal responsibility / V.V. Lazarev // Problems of the general theory of law and the state: textbook for universities. – M.: Publishing group NORMA-INFRA-M, 2016. – 816 p.
8. Lipinskii, D.A. Subjective law and legal obligation as a measure of positive legal responsibility / D.A. Lipinskii, A.G. Shishkin // State and law. – 2014. – № 10. – P. 5–14.
9. Marchenko, M.N. Legal responsibility / M.N. Marchenko // Theory of state and law: textbook. – M.: Prospekt, 2018. – 656 p.
10. Marchenko, M.N. Delinquencies and legal liability / M.N. Marchenko // Problems of the theory of state and law: textbook. – M.: Prospekt, 2017. – 760 p.
11. Vishnevsky, A.F. Lawful conduct, tort, and legal liability / A.F. Vishnevsky // General theory of state and law: textbook. – Minsk: Acad. Ministry of Internal Affairs, 2017. – 472 p.
12. Chernova, E.R. On the issue of legal liability in public and private law / E.R. Chernova // Law and state: theory and practice. – 2019. – № 7(175). – P. 54–56.
13. Rad’ko, T.N. Presumption of innocence and legal responsibility / T.N. Rad’ko // Theory of state and law: textbook for universities. – M.: Academic Project, 2005. – 816 p.
14. Lazarev, V.V. Delinquency and legal responsibility / V.V. Lazarev // Problems of the general theory of law and state: textbook for universities. – M.: Publishing group NORMA-INFRA-M, 1999. – 799 p.
15. Leist, O.E. Legal responsibility / O.E. Leist // General theory of state and law. Academic course in 2 volumes. – M.: Publishing House “Zertsalo”, 1998. – Vol. 2: Theory of law. – 656 p.
16. Smirnov, N.N. Features of application of measures of pub-personal and legal responsibility to a legal entity for committed offenses / N.N. Smirnov // 3 Bulletin of the Mari State University. Series: History sciences. Legal sciences. – 2015. – № 3. – P. 105–107.
17. Matuzov, N.I. Lawful behavior and delinquency / N.I. Matuzov, A.V. Malko // Theory of state and law: textbook. – M.: Publishing house “DELO” RANEPА, 2016. – 528 p.

Поступила в редакцию 13.07.2020

Современные конституционные процессы в странах постсоветского пространства

Ивашкевич Е.Ф.¹, Кабышко Н.В.²

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

²Частное унитарное предприятие «Дианэст»

Конституционное развитие стран постсоветского пространства не заканчивается принятием конституций после выхода из СССР и обретения независимости. Процесс конституционного обновления на постсоветском пространстве достаточно интенсивен и особенно активизировался в последнее время.

Цель научной статьи – комплексное изучение конституционных процессов Республики Беларусь и других стран на постсоветском пространстве, выявление причинно-следственных связей между ними, характеристика основных этапов их конституционного развития с момента обретения независимости.

Материал и методы. Источниковедческой базой исследования является конституционное законодательство Республики Беларусь и стран – бывших республик СССР. При написании статьи использовался метод сравнительно-правового анализа, который способствовал выявлению основных тенденций конституционного реформирования и перспектив дальнейшего конституционного развития стран постсоветского пространства.

Результаты и их обсуждение. Становление конституционализма в странах бывших советских республик происходило в условиях одно-временного действия, борьбы и переплетения различных противоречивых, иногда в разные временные периоды противоположных, тенденций в конституционном развитии. Распад СССР повлек за собой колоссальные изменения в форме правления, государственном устройстве, форме государственного режима и экономике бывших советских республик, правового механизма защиты прав и свобод личности. Демократизация внутривнутриполитической жизни обусловила в дальнейшем собой рост политической активности граждан, упрочение свободы слова и информации, возрождение национального самосознания, создание многопартийной системы, реформирование избирательного законодательства. На наш взгляд, именно учет предыдущего и одновременно зарубежного передового конституционного опыта помог большинству стран преодолеть сложившиеся негативные тенденции и направить конституционное развитие в оптимальное, демократически обусловленное русло.

Заключение. Конституционные процессы выступают как специфическое, сложное и постоянно развивающееся явление на постсоветском пространстве, обеспечивающее эффективное функционирование всей правовой системы государств, становление и демократизацию правового государства и гражданского общества. Прошло длительное время с момента начала независимого конституционного развития постсоветских государств. Есть страны, которые достаточно часто вносили изменения в основной закон (например, Украина, Латвия), а есть государства, с осторожной ответственностью относящиеся к внесению поправок в конституцию (например, Республика Беларусь, Литва). Каждое государство выбирает свой путь конституционного развития и, с учетом того, что ранее все рассматриваемые в статье страны были единым целым в рамках СССР, несомненно, обоснован интерес к познанию принципов и этапов построения современного государства и конституционного права в каждом из них, анализ их сходных черт и различий.

Ключевые слова: конституция, конституционное реформирование, конституционные принципы, конституционный строй, институт президентства, бикамерализм парламента.

Contemporary Constitutional Processes in the Post-Soviet Countries

Ivashkevich E.F.¹, Kabysenko N.V.²

¹Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

²Private Owned Unitary Enterprise "Dianest"

Constitutional development of post-Soviet countries does not finish with adoption of Constitutions after leaving the USSR and obtaining independence. The process of constitutional renewal in the post-Soviet environment is rather intensive and has become especially active in recent years.

The purpose of the article is a complex study of constitutional processes in the Republic of Belarus and other post-Soviet countries, finding out the reason and consequence links among them, a characteristic of main stages of their constitutional development after obtaining independence.

Material and methods. The source base of the research is the constitutional legislation of the Republic of Belarus and the countries, ex-USSR Republics. The method of the comparative legal analysis which provided the identification of basic constitutional reform trends as well as prospects for further constitutional development of post-Soviet countries was used.

Findings and their discussion. Constitutional maturation in ex-Soviet countries took place in the conditions of the simultaneous action, struggle and interconnection of different contradictory, sometimes opposite, trends in the constitutional development. The USSR collapse resulted in gigantic changes in the form of government, structure of the state, form of state regime and economy of the former Soviet Republics, legal mechanism of the protection of the personality rights and freedoms. Democratization of inner political life resulted in the increase in political activity of people, strengthening

the freedom of speech and information, revival of national self-identification, creation of the multi-party system, reforming the election legislation. We believe that taking into account previous and foreign advanced constitutional experience helped most of the countries to overcome negative trends and to direct their constitutional development into the proper, democratically conditioned channel.

Conclusion. Constitutional processes are a specific, complicated and constantly developing phenomenon in the post-Soviet space which promotes efficient functioning of the whole legal system of the countries, maturation and democratization of the legal state and civil society. A lot of time has passed since the beginning of the independent constitutional development of the post-Soviet countries. There are countries which changed their Main Law frequently (e.g. Ukraine, Latvia) while there are states which treat the Constitution amendments with cautious responsibility (e.g. the Republic of Belarus, Lithuania). Each state chooses its own way of the constitutional development and considering the fact that all the countries mentioned in the article used to be one state, it is certainly interesting to learn the principles and stages of building a contemporary state and constitutional law in each of them, as well as the analysis their similarities and differences.

Key words: Constitution, constitutional reform, constitutional principles, constitutional order, institute of presidency, bicameral parliament.

Являясь основополагающим законом государства, который наиболее тесно связан с субъектами и объектами национальной правовой системы, с другими отраслевыми правовыми нормами, конституция отражает основные ценности общества и государства, служит концептуальным руководством в случае расхождения с каким-либо иным нормативно-правовым актом. В связи с этим анализ особенностей процессов конституционного реформирования стран необходим для дальнейшего познания современных основных тенденций развития права.

Цель научной статьи – комплексное изучение конституционных процессов Республики Беларусь и других стран на постсоветском пространстве, выявление причинно-следственных связей между ними, характеристика основных этапов их конституционного развития с момента обретения независимости.

Материал и методы. Источниковедческой базой исследования является конституционное законодательство Республики Беларусь и стран – бывших республик СССР. При написании статьи использовался метод сравнительно-правового анализа, который способствовал выявлению основных тенденций конституционного реформирования и перспектив дальнейшего конституционного развития стран постсоветского пространства.

Результаты и их обсуждение. Становление конституционализма в странах бывших советских республик происходило в условиях одновременного действия, борьбы и переплетения различных противоречивых, иногда в разные временные периоды противоположных, тенденций в конституционном развитии. Распад СССР повлек за собой колоссальные изменения в форме правления, государственном устройстве, форме государственного режима и экономике бывших советских республик, правового механизма защиты прав и свобод личности. Демократизация внутривнутриполитической жизни обусловила в дальнейшем рост политической активности граждан, упрочение свободы слова и информации, возрождение национального самосознания, создание многопартийной системы, реформирование избирательного законодатель-

ства. На наш взгляд, именно учет предыдущего и одновременно зарубежного передового конституционного опыта помог большинству стран преодолеть сложившиеся негативные тенденции и направить конституционное развитие в оптимальное, демократически обусловленное русло.

С наступлением конституционного и политического кризиса конца 1980-х гг., связанного с процессом распада СССР, входившие в него республики стремились оформить свою независимость. Так, на пути ее достижения государствами были приняты декларации о государственном суверенитете: БССР от 27.07.1990, РСФСР от 12.06.1990, Украинской ССР от 16.07.1990, Таджикской ССР от 24.08.1990, Узбекской ССР от 18.06.1990, Казахской ССР от 25.10.1990, Армянской ССР от 23.08.1990, Молдавской ССР от 23.06.1990, Литовской ССР от 26.05.1989, Латвийской ССР от 28.07.1989, Эстонской ССР от 16.11.1988, Грузинской ССР от 26.05.1990, Азербайджанской ССР от 23.09.1989 и Туркменской ССР от 22.08.1990. Необходимо отметить, что «парад суверенитетов» сыграл немаловажную роль в оформлении государственности, начавшись еще в процессе распада СССР на заключительной стадии краха социалистической советской системы.

После распада СССР возникла необходимость в принятии конституций, что придало бы постсоветским странам всю полноту суверенности. Выделяются 3 основные модели принятия конституций в бывших союзных республиках: 1) принятие новых конституций, иногда с изменением формы правления; 2) преобразование государственных институтов с последующей разработкой и принятием новых конституций; 3) восстановление конституций, принятых до вхождения в СССР. Так, Конституция Беларуси была принята в 1994 г., Туркменистана, Узбекистана, Эстонии и Литвы – в 1992 г., России, Кыргызстана и Казахстана – в 1993 г., Таджикистана и Молдавии – в 1994 г., Грузии, Армении и Азербайджана – в 1995 г., Украины – в 1996 г., а Латвия вернулась к Конституции 1922 г.

Принятие конституций осуществлялось различными способами: а) представительными органами (парламент, учредительное собрание);

б) избирательным корпусом (референдум). Представительными органами были приняты конституции в Молдове, Казахстане, Кыргызстане, Беларуси, Туркменистане – Верховным Советом, в Украине – Верховной Радой, в Узбекистане – Конституционной комиссией из депутатов Верховного Совета. Латвия по решению Верховного Совета вернулась к Конституции 1922 г., которая в свою очередь была принята Учредительным Собранием. Путем референдума принимались конституции Литвы, Эстонии, Азербайджана, России, Казахстана (1995), Таджикистана и Армении.

С принятием конституций были преобразованы и формы правления этих стран, выбор которых вызвал значительные дискуссии и разногласия. На постсоветском пространстве получили распространение как классические виды республики (парламентская и президентская), так и смешанная в ее различных вариантах (парламентско-президентская и президентско-парламентская).

В Республике Беларусь первоначально Конституцией 15.03.1994 закреплялась парламентская форма правления, в соответствии с которой Верховный Совет обладал значительными полномочиями. Однако уже на референдуме от 24.11.1996 были предложены 2 проекта конституционных изменений, существенно влияющих на трансформацию формы правления в Республике Беларусь. Согласно варианту, предложенному Президентом, значительно расширялись его полномочия в сфере внешней политики, обороны и безопасности государства, обеспечения территориальной целостности страны, а парламент становился двухпалатным. Изменялись место и роль главы государства в системе органов государственной власти, основными функциями которого конституционно закреплялись обеспечение единства народа, политической и экономической стабильности, преемственности и взаимодействия органов государственной власти, осуществление посредничества между ними и др. Верховный Совет выразил несогласие по поводу перехода к президентско-парламентской форме правления и предложил проект, предусматривавший упразднение поста Президента и повышение роли парламента. По итогам референдума был принят проект Президента Республики Беларусь [1].

В Российской Федерации также не обошлось без разногласий в принятии 2-х различных проектов Конституции. Проект Конституционной комиссии отражал ведущие позиции в стране Верховного Совета и ослабление роли главы государства, президентский же вариант предполагал значительное усиление президентской власти и ослабление роли парламента. 12.12.1993 на референдуме был утвержден последний вариант. Аналогичная ситуация сложилась и в Украине, где в 1991–1992 гг. было

вынесено на всенародное обсуждение 2 варианта проекта Конституции, однако Верховный Совет не утвердил ни один из них, не согласившись с двухпалатной структурой будущего парламента и правом Президента распускать его палаты. Кроме того, «левое» большинство парламента также выступало против положений проекта новой Конституции о сильной исполнительной власти, местном и региональном управлении. Действующей оставалась Конституция УССР 1978 г., в которую было внесено более 200 поправок. Тем не менее Украина стремилась выбраться из политического и правового «тупика», активно осуществляя разработку проекта Конституции, который был вынесен на всенародное обсуждение в 1996 г. и принят Верховным Советом, закрепив президентско-парламентский тип республики [2].

Отличительной чертой большинства конституций бывших советских республик было появление отдельной главы, посвященной основам конституционного строя, что отражало процессы демократизации, гуманизации и интернационализации в общественно-политической и правовой системе. Под таким названием она занимала первое место среди глав Конституции Туркменистана, Российской Федерации, Кыргызстана, Таджикистана, Армении и др. В конституциях этих глав закреплялись конституционные характеристики государства как демократического правового, социального и светского, провозглашался плюрализм форм собственности, идеологическое многообразие, национальный и государственный суверенитет.

Примером конституционного закрепления государственного и национального суверенитета могут послужить такие статьи, как ст. 2 Конституции Украины: «Суверенитет Украины распространяется на всю ее территорию. Украина является унитарным государством. Территория Украины в пределах существующей границы целостна и неприкосновенна» [3], ст. 2 Армении: «Власть в Республике Армения принадлежит народу. Свою власть народ осуществляет посредством свободных выборов, референдумов, а также через предусмотренные Конституцией государственные органы, органы местного самоуправления и должностных лиц» [3], ст. 2 Молдовы: «Национальный суверенитет принадлежит народу Республики Молдова, осуществляющему его непосредственно и через свои представительные органы в формах, определенных Конституцией» [3]. Аналогичные положения содержатся в ст. 1, 3 Конституции Республики Беларусь [4], ст. 2, 3 – Латвии [3], ст. 1 – Кыргызстана [5], ст. 1, 3 – Туркменистана [5], ст. 3, 7 – Узбекистана [5], ст. 6, 7 – Таджикистана [5], ст. 2, 56 – Эстонии [3], ст. 2 – Казахстана [5], ст. 2 п. 1–3 – Грузии [3], ст. 1, 2, 11 – Азербайджана [3], ст. 2, 3, 10 – Литвы [3] и др.

Еще до распада СССР во многих странах оформлялся институт президентства. В УССР он был введен Законом от 06.07.1991 «Об учреждении поста Президента Украинской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) УССР», в самой Конституции президент впервые упомянут в ст. 117 и 122 (ред. от 17.09.1991) [6], а с принятием Конституции 1996 г. появился специальный разд. V «Президент Украины» [3]. Должность Президента РСФСР была введена 17.03.1991 всероссийским референдумом, однако первые ее упоминания в ст. 76 Конституции можно увидеть еще в редакции от 15.12.1990 [7]. Закон «О Президенте РСФСР» был принят Верховным Советом 24.04.1991, а 24.05.1991 были внесены изменения и дополнения в Конституцию РСФСР, в том числе связанные с введением этой должности (гл. 13 «Президент Российской Федерации») [8]. В действующей Конституции России президенту посвящена гл. 4 [5]. В Конституции Латвийской Республики институт президентства был закреплен еще в 1922 г. (гл. 3 и в современной конституции) [3]. В 1938 г. обрела пост президента Эстония, который был упразднен (временно приостановлен) в связи с вхождением в состав СССР и был восстановлен в 1992 г. с принятием новой Конституции (гл. V) [3]. К странам, утвердившим пост президентства уже после распада СССР, можно отнести Литву и Беларусь. В первой институт президентства был введен с принятием Конституции 1992 г. (гл. VI) [3], во второй – с принятием Конституции 1994 г. (в разд. IV «Законодательная, исполнительная и судебная власть» появилась гл. 4 «Президент Республики Беларусь») [4].

Президент в некоторых странах, согласно конституциям, является главой правительства или вовсе не входит в систему ни законодательной, ни исполнительной власти. Так, в соответствии со ст. 79 Конституции Президент Республики Беларусь является главой государства, гарантом Конституции... , прав и свобод человека и гражданина [4]. По ст. 102 Конституции Украины «Президент Украины является главой государства и выступает от имени государства, ... гарантом государственного суверенитета, территориальной целостности Украины, соблюдения Конституции Украины, прав и свобод человека и гражданина» [3], по ст. 40 Казахстана Президент также символ единства нации и государства. Не входит ни в одну из ветвей власти и является представительным органом Президент Молдовы (ст. 77) [3], аналогичные положения по поводу статуса президента изложены и в Конституции Эстонии (ст. 77) [3], России (ст. 80) [5] и некоторых других бывших советских республик. В Туркменистане Президент является главой государства и исполнительной власти (аналогично в ст. 64 Таджикистана, ст. 69

Грузии), помимо вышеперечисленного, он выступает и гарантом постоянного нейтралитета, выполнения международных обязательств (ст. 68) [5], в Латвии входит в состав Кабинета Министров (ст. 55) [3]. Вместе с тем, независимо от формы правления государства, президент в любом постсоветском государстве обладает правом законодательной инициативы и, чаще всего, провозглашается гарантом основного закона. Причем в некоторых странах обладает правом определять первоочередность рассмотрения законопроектов (ст. 61(2) Казахстана). Введение данного института в законодательство свидетельствует о стремлении государств к согласованному функционированию и взаимодействию органов государственной власти, так как на Президента возложена согласительная, посредническая функция, а в системе организации власти ему часто отводится роль арбитра.

Особенностью конституционных требований к кандидатам на пост президента ряда постсоветских стран является повышенный возрастной ценз (40 лет – в Казахстане, Туркменистане, Армении, Молдове, Литве, Латвии, Эстонии), значительный ценз оседлости (10 лет – в России, Молдове, Беларуси, Украине, Узбекистане, Таджикистане, 15 лет – в Кыргызстане, Туркменистане, Казахстане, Грузии), гражданство по рождению или коренная национальность (в Эстонии, Туркменистане). В последние десятилетия в ряде государств увеличен срок полномочий действующих президентов (6 лет – в России, Кыргызстане, 7 лет – в Армении, Таджикистане, Туркменистане), но в большинстве из них в конституциях наблюдаются две противоречивые тенденции: либо содержится ограничение права занимать должность главы государства более 2-х сроков подряд (в Молдове, Узбекистане, Грузии, Таджикистане, Узбекистане, Литве, Эстонии, Латвии), а иногда предусмотрена возможность занимать одному лицу данную должность вообще сокращена до одного срока (Армения, Кыргызстан); либо вводится право избираться неограниченное количество раз (Казахстан, Туркменистан, Азербайджан, Российская Федерация, Республика Беларусь).

Помимо института президентства, нововведением для постсоветских стран было появление бикамеральных парламентов. На бывшем союзном пространстве все страны, кроме России, являются унитарными. Среди стран, имеющих опыт бикамерализма, можно назвать Беларусь, Россию, Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан и Узбекистан. Следовательно, 6 из 14 унитарных стран имеют двухпалатный парламент, только Узбекистан и Таджикистан имеют автономные образования внутри страны, в то время как Азербайджан, Молдова и Украина – государства с весьма схо-

жим административно-территориальным делением – являются носителями однопалатного.

Условно можно выделить 3 этапа трансформации парламента бывших союзных республик, ни одна из которых ранее не планировала закрепление двухпалатной структуры. Первый (1991–1992 гг.) характеризовался принятием Конституций Узбекистана, Латвии (возвращение к Конституции 1922 г.) и Туркменистана. В последней была достаточно сложная структура парламента, состоящая из Халк Маслахаты и Меджлиса, никак не вписывающаяся в традиционные формы парламентаризма. В других же государствах изменения проводились путем внесения поправок в еще советские конституции, последняя из таковых была упразднена в Украине с принятием новой в 1996 г. К этому времени в 1989 г. в России и в 1993 г. в Кыргызстане уже появился двухпалатный парламент. Второй этап (1995–2002 гг.) характеризовался приведением конституций к современным реалиям и упразднением всякого упоминания о системе управления СССР. Бикамеральная система появлялась в связи с внесением поправок в существующие или принятием новых конституций: в Беларуси – поправка от 1996 г., в Таджикистане – от 1999 г., в Узбекистане – от 2002 г., в Казахстане – с принятием Конституции 1995 г. Третий, охватывающий современные конституционные процессы, был направлен на преодоление образовавшегося дисбаланса между ветвями власти в пользу президента и на проведение либерализации идеологий государств. Например, по итогам референдума 2003 г. в Кыргызстане была ликвидирована верхняя палата.

Уже с первых конституций всех бывших союзных республик появляется отдельная глава, посвященная органам судебной власти. В Беларуси это гл. 5, состоящая из 8 статей [4], в РФ – глава 7 (11 статей) [5], в Украине – раздел 8 (8 статей) [3], в Кыргызстане – глава 7 (11 статей) [5], в Латвии – глава 6 (5 статей) [3], в Литве – глава IX (10 статей) [3], в Туркменистане – глава 5 (13 статей) [5], в Эстонии – глава 13 (15 статей) [3], в Таджикистане – глава 8 (9 статей) [5], в Армении – глава 6 (14 статей) [3], в Узбекистане – глава XXII (11 статей) [5], в Казахстане – раздел VII (10 статей) [5], в Грузии – глава 5 (10 статей) [3] и в Азербайджане – глава VII (9 статей) [3]. Основным содержанием этих глав является детальное закрепление прогрессивных конституционных принципов судостроительства и судопроизводства, структуры судебной власти, особенностей правового статуса судей.

В 12 странах как отдельный институт выделяется Конституционный Суд, которому ряд стран посвятили отдельные главы в своих конституциях: Республика Беларусь – гл. 7 «Конституционный Суд», состоящую из 8-ми статей [4], Литовская

Республика – гл. VIII из 5-ти статей [3]. В Эстонии и Казахстане были созданы иные специализированные органы: Судебная коллегия конституционного надзора Государственного суда («Государственный суд является высшей судебной инстанцией государства, рассматривающей судебные решения в кассационном порядке. Государственный суд одновременно является судом конституционного надзора» [3, ст. 149]) и Конституционный Совет соответственно; последнему посвящен разд. VI Конституции Казахстана, состоящий из 4-х статей [5]. Создание органов конституционного контроля как полноценных независимых судебных учреждений в государствах, некогда бывших в составе СССР, произошло в России – в 1991 г., Эстонии, Литве и Казахстане – в 1993 г., Кыргызстане – в 1994 г., ряде государств еще позже. Объяснением тому является то, что странам необходимо было качественно продумать создание нового правового института.

На сегодняшний день можно сказать, что судебные органы большинства постсоветских стран из года в год обретают все больше специализации, рационализма и реализма в сочетании с активными динамично развивающимися национальными особенностями. Постепенно складывается и упрочивается согласие вокруг базовых конституционных ценностей, возрастает роль норм и принципов международного права.

Кардинально меняется и основная концепция прав и свобод личности и механизма их правовой защиты. Человек, его права и свободы объявляются на конституционном уровне высшей ценностью государства, закрепляются принципы всеобщности, неотъемлемости и неотчуждаемости прав человека, единства его прав, свобод и обязанностей, непосредственного действия, равноправия и недискриминации, гарантированности со стороны общества и государства. 2016–2017 гг. также полны различного рода изменений в конституциях бывших советских республик, их можно отнести к 3-му периоду современного реформирования. Изменения вполне можно назвать направленными на усиление системы сдержек и противовесов в государственном аппарате, о чем свидетельствует столь обширное перераспределение полномочий между ветвями власти. Четвертый, и на данный момент последний, период развития по праву принадлежит событиям и изменениям, происходящим с 2017 по 2020 г. Последние изменения и дополнения в Конституцию отвечают общей тенденции развития современной государственности и опираются на мировой зарубежный опыт. Они уже существенно повлияли на архитектуру государственного устройства, сбалансировали механизм сдержек и противовесов в системе разделения властей.

Таким образом, в последние годы конституционные процессы значительно активизировались. Фактически не осталось ни одного государства (за исключением Республики Беларусь) на постсоветском пространстве, где в 2015–2020 гг. не подвергались бы конституционному пересмотру статус главы государства, его взаимодействие с парламентом и правительством, в результате которого происходила трансформация республиканской формы правления в сторону той или иной ее разновидности (Казахстан, Кыргызстан, Азербайджан, Украина, Армения). Путем, как правило, референдума в них были приняты либо новые конституции, либо их новые редакции.

В настоящее время достаточно большое количество постсоветских государств только что осуществило или стоят у порога конституционных изменений. Так, в 2019 г. внесены изменения в Конституцию Узбекистана, среди которых необходимо выделить следующие:

1) изменены формулировки ст. 79 Конституции о полномочиях Законодательной палаты, а именно: «4) принятие постановлений по тем или иным вопросам в области политической, социально-экономической жизни, а также вопросам внутренней и внешней политики государства; 5) рассмотрение и одобрение по представлению Премьер-министром кандидатур в члены Правительства для последующего утверждения их на должности Президентом»; в полномочия Президента внесены изменения в части утверждения членов Правительства после одобрения Законодательной палатой, однако прежде одобрение Законодательной палатой не требовалось [9];

2) предусмотрено ограничение права участия в выборах только в случае признания гражданина недееспособным либо содержащегося в местах лишения свободы по приговору суда за совершение тяжких и особо тяжких преступлений (в прошлой редакции – те, кто содержится в местах лишения свободы по приговору суда) (ч. 4 ст. 117) [10]. Таким образом, данные поправки свидетельствуют о расширении парламентских полномочий и демократизации избирательных прав граждан. С 01.05.2020 планировалось внедрение системы «Электронный парламент», что позволило бы гражданам направлять свои обращения членам парламента через интернет, а депутатам использовать электронный портал и мобильное приложение для прямого диалога с избирателями; с 01.08.2020 – предоставить физическим и юридическим лицам, бизнес-омбудсмену, Национальному центру по правам человека, Ташкентскому городскому и областным Кенгашам народных депутатов право вносить вопросы на рассмотрение Конституционного Суда [11].

2020 год ознаменовал очередную возможность внесения поправок и в Конституцию России. 15.01.2020 в составе 75 человек была образована рабочая группа, 17 января – сводная подгруппа в дополнение к рабочей, задачей которой стало ежедневное обобщение поступающих предложений [12]. 170 правок были рекомендованы к принятию ответственным комитетом, 169 – к отклонению. 1 июля 2020 г. состоялось всенародное голосование о принятии новой редакции Конституции страны с применением инновационных избирательных технологий. К числу основных поправок следует отнести: 1) введение прямого указания на приоритет Конституции над международным законодательством и международными договорами, решениями международных органов, в том числе международных судов; 2) запрет на иностранное гражданство и вид на жительство для председателя правительства, министров и глав федеральных органов, губернаторов, сенаторов, депутатов и судей; 3) усиление взаимодействия государственных органов власти с муниципальными; 4) конституционное закрепление статуса Госсовета; 5) наделение Государственной Думы правом утверждения председателя правительства, по его представлению – всех его заместителей и федеральных министров; 6) назначение Президентом руководителей всех региональных силовых ведомств и прокуроров только по итогам консультаций с Советом Федерации (далее – СФ); 7) ужесточение требований к президенту: он должен проживать на территории России не менее 25 лет, не может обладать иностранным гражданством или видом на жительство не только на момент выборов, но и ранее; 8) предоставление Конституционному Суду права проверять конституционность законопроектов до их подписания по запросу Президента; 9) по представлению Президента предоставление СФ полномочий отрешать от должности судей Конституционного (численность сокращается с 19 до 11) и Верховного судов в случае совершения порочащих честь и достоинство проступков и при невозможности сохранения статуса судьи; 10) введение новой процедуры – парламентского контроля, регламентированного Федеральным Законом (далее – ФЗ) (ст. 1031) [13]. Президент будет правомочен (ст. 83 п. «а») отправить Председателя Правительства в отставку (ранее он уходил сам), при этом сам Председатель все еще может подать в отставку, однако глава государства вправе ее отклонить (ст. 117 ч. 41), он будет обладать неприкосновенностью даже после окончания своих полномочий (ст. 92) и может быть лишен СФ только на основании выдвинутого ГД обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления в результате сложной формальной процеду-

ры; даже в случае отставки Президент пожизненно остается членом СФ (ст. 95 ч. 2 п. «б»). Увеличено число назначаемых Президентом сенаторов (до 30), при этом они не обязаны быть представителями органов власти субъектов РФ, не более 7 из них могут быть назначены пожизненно (ст. 95 ч. 2 п. «в»). В саму Конституцию вводится следующая корректировка: «Положение ч. 3 ст. 81 Конституции РФ, ограничивающее число сроков, в течение которых одно и то же лицо может занимать должность Президента Российской Федерации, применяется к лицу, занимавшему и (или) занимающему должность... , без учета числа сроков, в течение которых оно занимало и (или) занимает эту должность на момент вступления в силу поправки к Конституции Российской Федерации, вносящей соответствующее ограничение» [14].

Историко-политические поправки касаются объявления РФ в качестве правопреемника СССР на своей территории (ст. 67¹ ч. 1); введения понятия «союз многонациональных народов» (раньше был один многонациональный народ); закрепления семейно-традиционных ценностей, определения брака как союза мужчины и женщины, обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных (ст. 71 п. «м») и др.

Нестабильность конституционного развития, ознаменованная перманентным противостоянием парламента и главы государства, характерна для Молдовы. В 2016 г. был осуществлен переход к всенародным выборам президента, им стал И. Додон, после чего происходит непреходящее противостояние внутри триады «Президент–Парламент–Правительство». Они касались участия в учениях НАТО (противоречит конституционному принципу нейтралитета, сокращения числа парламентариев со 101 до 71; расширения полномочий Президента по роспуску парламента; введения в школах курса «История Молдовы» на смену курсу «История румын» и мн. др. Конституционный Суд отменил консультативный референдум, предложенный Президентом, обосновав, что эти вопросы не могут выноситься на референдум, а сама процедура его назначения была нарушена. Январь 2018 г. ознаменовался отстранением Конституционным Судом от должности Президента и одобрением им конституционной поправки о евроинтеграции, против которой выступал И. Додон. Официальной версией его временного (не 1-го) отстранения являются его неоднократные отказы от назначения на министерские должности предложенных правительством кандидатур [15].

Предстоят в ближайшее время конституционные реформы и в Украине. 30.08.2019 новизбранный Президент Украины В. Зеленский выступил с инициативой конституционных поправок,

а именно: 1) введение нормы, позволяющей депутатам объявлять импичмент президенту в случае государственной измены или совершения иного преступления путем письменного представления большинства депутатов с невозможностью отзыва подписей, создания парламентской следственной комиссии, обращения для соответствующих заключений в Конституционный и Верховный суды и итогового голосования не менее 3/4 депутатов Верховной Рады. В случае неудачи – спикером должны приноситься извинения главе государства от имени всего парламента; 2) сокращение численности Верховной Рады с 450 до 300 депутатов, детальное закрепление следующих требований для кандидатов: гражданин Украины, имеющий право голоса, минимальный возраст 21 год, с цензом оседлости не менее 5-ти последних лет и владеющий государственным языком. Проект поправок предполагал замену смешанной системы парламентских выборов пропорциональной, лишение депутатов мандатов за пропуск без уважительной причины 1/3 пленарных заседаний или парламентских комитетов в рамках одной сессии, неличного голосования, прекращения украинского гражданства или выезда на ПМЖ (ст. 81 Конституции Украины 1996 г. с изменениями и дополнениями от 03.09.2019); 3) введение народной законодательной инициативы (в действующей Конституции ею обладают Президент, Премьер-министр и депутаты) и др. [16]. В сентябре 2019 г. Верховная Рада IX созыва поддержала законопроект об отмене неприкосновенности народных депутатов (де-факто депутатская неприкосновенность была отменена с 01.01.2020); направила в Конституционный Суд законопроект Президента В. Зеленского о предоставлении ему права формировать Национальное антикоррупционное бюро, назначать на должности и освобождать от них директоров НАБУ и Государственного бюро расследований, образовывать независимые органы, осуществляющие государственный мониторинг и контроль за деятельностью субъектов хозяйствования в отдельных сферах и др. [17].

13.12.2019 В. Зеленский предложил Законопроект № 2598 о внесении изменений в Конституцию Украины о децентрализации власти, который предусматривает введение 3-уровневой системы местного самоуправления – община (громада), округ, область; отмену практики назначения Главой государства глав областных госадминистраций с введением новой должности префекта, который будет представлять государство на местах [18]. После ожесточенной критики внутри страны и за ее пределами со стороны Европарламента, посольств Германии и Канады по поводу угрозы самоуправлению на местах был внесен новый мо-

дифицированный законопроект конституционных поправок с учетом рекомендаций профильных парламентских комитетов и юристов-практиков. Однако этот и некоторые вышеназванные проекты продолжают находиться на стадии доработок и обсуждений. С февраля 2020 г. на рассмотрении парламента были президентский законопроект № 1013 об отмене адвокатской «монополии в суде», иные изменения в системе правосудия [19]. Согласно действующему законодательству, после предварительного одобрения проекта поправок в Основной Закон, на следующей очередной парламентской сессии он должен быть поддержан конституционным большинством не менее 300 голосов, что способствовало бы оптимизации оказания профессиональной юридической помощи. Несомненно, приоритетной задачей дальнейших конституционных изменений в Украине в ближайшие годы остается обеспечение политико-территориальной, экономической, национально-языковой и иной социальной стабильности страны.

Не явилась исключением и Республика Беларусь, в которой назрела необходимость в дальнейшем конституционном развитии. Планируемыми изменениями в ближайшие годы можно назвать увеличение сроков полномочий президента и парламента, изменение избирательной системы (возможно, переход к смешанной), отмена смертной казни, введение института омбудсмена, передача части полномочий от президента к исполнительной ветви власти; расширение полномочий парламента, КГК, других ведомств и министерств, упразднение института отзыва депутатов, возможность избрания мэров городов и др. Обоснована необходимость убрать из ст. 64 Конституции ограничение права на участие в голосовании для лиц, находящихся под стражей до приговора суда, из ст. 69 – исключить предоставление права выдвижения кандидатов трудовым коллективам, так как национальное законодательство не содержит правового определения трудового коллектива как такового. Президент Беларуси неоднократно сообщал о том, что им дано поручение Конституционному суду о подготовке проекта новой конституции, предусматривающей перераспределение полномочий между ветвями власти и даже возможный переход на выборы парламента по партийным спискам. В пресс-службе администрации Президента пояснили, что подготовка проекта изменений в Основной Закон поручена судьям Конституционного Суда. Однако по-прежнему обсуждается: будет ли это действующая конституция с поправками или абсолютно новая Конституция?

Заключение. Конституционные процессы – это процессы развития и усовершенствования

всех конституционно-правовых институтов в конкретном обществе или в мире; вся деятельность органов государственного управления, осуществляемая в формах, установленных конституционными нормами. Данное определение позволяет утверждать о многогранности, глобальности и неизбежности конституционных процессов во всем мире, что говорит о неисчерпаемой актуальности данной темы.

Более того, изучение конституционных процессов той или иной страны позволяет проследить преемственность конституции, ее особенности и поступательное развитие. Среди отличий конституции от других законов можно выделить следующие: закрепление государственного строя, основных прав и свобод; определение формы государства и системы высших органов государственной власти; высшая юридическая сила; стабильность, обусловленная особым порядком принятия и изменения; является базой для законодательства страны. Конституционное реформирование устраняет неопределенность, правовые пробелы и не дает государственным органам возможности злоупотреблять властными полномочиями, при этом увеличивая роль прав и свобод граждан, верховенства конституции и законов во всех сферах жизни общества.

Более 25 лет назад советские республики после «парада суверенитетов» и распада СССР обрели независимость, встав на путь конституционного оформления государственного суверенитета и территориальной независимости, закрепления на конституционном уровне таких общечеловеческих ценностей, как гуманизм, свобода, равенство, социальная справедливость и других, а также провозглашения демократического правового государства, базирующегося на верховенстве закона, принципе разделения властей, ответственного правления и др. За прошедший период в большинстве конституций этих государств неоднократно вносились как принципиальные изменения содержательного плана с целью совершенствования механизма защиты прав и свобод человека и гражданина, повышения эффективности судебной и правотворческой деятельности, согласованного взаимодействия между высшими органами государственной власти в процессе изменения формы правления, так и изменения технического характера (например, изменения в ст. 65 Конституции Российской Федерации наименований субъектов страны, смена названия Национального банка на Центральный банк в Конституции Азербайджанской Республики).

В настоящее время на постсоветском пространстве наблюдаются две прямо противоположные тенденции перехода либо к президентским, либо к парламентским республикам, отказ от так

называемых «смешанных», «нечистых» форм республиканского правления. Во многом, на наш взгляд, это иногда было обусловлено окончанием президентских полномочий «старейших» лидеров ряда государств в странах Закавказья и Средней Азии и необходимостью определения своего преемника, который обеспечил бы последовательность и преемственность государственной политики. Процесс демократизации на постсоветском пространстве не протекает последовательно, часто наблюдается всесторонний поиск баланса между частными интересами отдельных социальных групп и общегосударственными. На сегодняшний день очевидно, что часто на практике не всегда реализуется демократичность содержания самой Конституции де-юре, иногда наблюдается в отдельные периоды открытое противостояние высших органов государственной власти (например, парламента и главы государства Молдовы, Кыргызстана, Грузии, Конституционного Суда и правительства Армении и др.). За счет того, что после обретения независимости, произошедших «переворотов» политическая система в ряде стран строилась преимущественно в интересах социальных верхов (политической элиты), в них иногда формировалась недостаточно эффективная разветвленная бюрократическая политическая система, препятствующая дальнейшим демократичным конституционным преобразованиям.

Литература

1. Референдум-1996. Что изменилось 19 лет назад? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/politics/474010.html>. – Дата доступа: 25.04.2020.
2. Конституция Украины (недействующая) (с изм. и доп. от 8 дек. 2004 года) [Электронный ресурс] // Конституции государств (стран) мира / Библиотека конституций Пашкова Романа. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru>. – Дата доступа: 08.01.2020.
3. Конституции государств (стран) мира / Библиотека конституций Пашкова Романа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/>. – Дата доступа: 05.01.2020.
4. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года (первоначальная редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://diplom.hav.by/konstitutsiya-respubliki-belarus-1994-g-pervonachalnaya-redaktsiya>. – Дата доступа: 13.02.2020.
5. Электронная база данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2376. – Дата доступа: 08.02.2020.
6. Конституция (Основной закон) Украины 20 апреля 1978 года (в ред. от 17 сент. 1991 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bit.do/Konstitutsiya_Ukrainy_-1978-17-09-1991. – Дата доступа: 01.02.2020.
7. Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР [Электронный ресурс]: Закон РСФСР от 15 дек. 1990 г. // Сайт Конституции Российской Федерации. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/zakony/183128/>. – Дата доступа: 01.02.2020.
8. Конституция РСФСР от 12 апреля 1978 года (в ред. от 24 мая 1991 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bit.do/Konstitutsiya_RSFSR_1978_goda_-v-redaktsii_24_maya_1991_goda. – Дата доступа: 01.02.2020.
9. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с демократизацией порядка формирования правительства и усилением его ответственности [Электронный ресурс]: Закон Респ. Узбекистан от 05.03.2019, № ЗРУ-527 // Центр правовой информации «Адолат» М-ва юстиции Респ. Узбекистан. – Режим доступа: <https://www.lex.uz/m/acts/4227181?ONDATE=01.04.2019%2000#4228882>. – Дата доступа: 14.05.2020.
10. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с совершенствованием законодательства о выборах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Узбекистан от 04.09.2019, № ЗРУ-563 // Центр правовой информации «Адолат» М-ва юстиции Респ. Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/acts/4497117#4499396>. – Дата доступа: 14.05.2020.
11. Госпрограмма-2020: какие изменения ожидают Узбекистан в этом году? [Электронный ресурс] // Новостное агентство «Sputnik». – Режим доступа: <https://uz.sputniknews.ru/society/20200211/13444835/Gosprogramma-2020-kakie-izmeneniya-ozhidayut-Uzbekistan-v-etom-godu.html>. – Дата доступа: 14.05.2020.
12. Группа по изменению Конституции будет обобщать предложения ежедневно [Электронный ресурс] // Сетевое издание «РИА Новости». – Режим доступа: <https://ria.ru/20200117/1563550863.html>. – Дата доступа: 27.04.2020.
13. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти [Электронный ресурс]: Законопроект от 14.03.2020, № 885214-7 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7>. – Дата доступа: 28.04.2020.
14. Путин одобрил поправку об обнулении своих президентских сроков [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Ведомости». – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/03/10/824803-putin-vistuplenie-gosduma>. – Дата доступа: 30.04.2020.
15. Что происходит в Молдове: отстранение Додона и изменения в Конституции [Электронный ресурс] // Новостное агентство «Sputnik». – Режим доступа: <https://sputnik.by/politics/20180103/1032840663/cto-proiskhodit-v-moldove-otstranenie-dodona-i-izmeneniya-v-konstitucii.html>. – Дата доступа: 10.05.2020.
16. Зеленский предложил внести изменения в Конституцию Украины [Электронный ресурс] // Сетевое издание «РИА Новости». – Режим доступа: <https://ria.ru/20190830/1558096974.html>. – Дата доступа: 08.05.2020.
17. Рада отдала в КС законопроект по назначению Зеленским руководства ГБР и НАБУ [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Украинская правда». – Режим доступа: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2019/09/3/7225196/>. – Дата доступа: 09.05.2020.
18. Законопроект о внесении изменений в Конституцию по децентрализации власти не укрепляет права громад [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Интерфакс-Украина». – Режим доступа: <https://interfax.com.ua/news/political/635648.html>. – Дата доступа: 10.05.2020.
19. Изменения в Конституцию относительно отмены адвокатской монополии прошли комитет ВР [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Укринформ». – Режим доступа: <https://www.ukrinform.ru/rubric-politics/2870157-izmeneniya-v-konstituciu-otnositelno-otmeny-advokatskoj-monopolii-prosli-komitet-vr.html>. – Дата доступа: 10.05.2020.

Поступила в редакцию 10.07.2020

Глобальный договор ООН о безопасной, упорядоченной и легальной миграции: правовой анализ

Сабуни Р.М.

Белорусский государственный университет

В условиях современной активизации интеграционных процессов проблема правового регулирования миграционных потоков, определения правового статуса мигрантов на международном уровне является, несомненно, одной из приоритетных и глобальных задач мирового сообщества.

Цель статьи – выявление и анализ взаимосвязи между Глобальным договором ООН о безопасной, упорядоченной и легальной миграции и международно-правовыми актами по регулированию миграции населения, на которых он базируется.

Материал и методы. В работе использованы основные источники международного права в сфере регулирования миграционных процессов: Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о сокращении безгражданства, Международный пакт о гражданских и политических правах, Глобальный договор ООН о безопасной, упорядоченной и легальной миграции и другие. Основными методами изучения избраны формально-юридический, историко-сравнительный, сравнительно-правовой.

Результаты и их обсуждение. В научной статье рассматриваются актуальные концептуально-теоретические подходы к определению понятия и видов миграции на международном правовом уровне, анализируется содержание Глобального договора ООН о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, раскрывается его связь с предшествующими международными правовыми документами, определяющими важнейшие принципы и формы реализации международно-правовой защиты прав мигрантов, на основе сравнительно-правового анализа характеризуются его преимущества и недостатки.

На наш взгляд, существует два важнейших аспекта, которые будут обуславливать эффективность реализации Глобального договора ООН о миграции. Решающее значение при этом будут иметь: 1) архитектура осуществления, включая институциональные рамки и пути привлечения заинтересованных сторон (это область, где все еще необходимо определить и уточнить инструментарий по решению наиболее «оперативных» вопросов, где институциональные государственные предпочтения в конечном итоге определяют, какие цели для Глобального договора ООН о миграции будут приоритетными и реализованными в первую очередь); 2) практическая реализация поставленных задач, например, выявление и привлечение основных заинтересованных сторон к осуществлению и реализации Глобального договора ООН о миграции, признание правозащитных механизмов и показателей, в которые может быть интегрирован мониторинг Глобального договора ООН о миграции.

Заключение. Таким образом, историческое значение Глобального договора ООН о миграции нельзя недооценивать. Государства-члены ООН разработали Глобальный договор ООН, рассчитывая на долгосрочную перспективу разрешения одной из важнейших мировых проблем современности в форме официального специального комплексного международного правового акта. Этот процесс потребует активной поддержки со стороны правительств государств и других заинтересованных сторон, учитывая юридически необязательный рекомендательный характер Глобального договора ООН о миграции и неопределенные политические обязательства государств.

Ключевые слова: миграция, Глобальный договор ООН о миграции, международная защита прав мигрантов.

Un Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration: Legal Analysis

Saboune R.M.

Belarusian State University

The purpose of the article is identification and analysis of the interconnection between UN Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration and international legal acts for regulating population migration on which it is based.

Material and methods. Basic international law sources in the field of migration process regulation are used in the paper: Universal Declaration of Human Rights, Stateless Reduction Convention, International Covenant on Civil and Political Rights, UN Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration etc. The main research methods were the formal legal, the historical comparative, the comparative legal.

Findings and their discussion. Relevant conceptual theoretical approaches to the identification of the notion and types of migration at the international legal level are considered in the paper; the contents of UN Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration is analyzed, its connection with previous international legal documents which identify most significant principles and forms of the implementation of the international legal protection of migrant rights is revealed; its advantages and shortcomings are characterized on the basis of the comparative legal analysis.

We believe that there are two most important aspects which would condition the efficiency of UN Global Migration Compact implementation. The decisive role will be played by 1) the architecture of the implementation including institutional framework and ways of attracting the interested parties. This is an area where it is still necessary to identify and specify the tools for solving most urgent issues, where institutional state preferences would finally define which goals of UN Global Migration Compact would be priority and implemented immediately; 2) practical implementation of the tasks, e.g. finding out and attracting main parties interested in the implementation of UN Global Migration Compact, adoption of right protection mechanisms and indicators into which the monitoring of UN Global Migration Compact can be integrated.

Conclusion. Thus, the historical significance of UN Global Migration Compact can't be underestimated. UN member countries elaborated UN Global Migration Compact considering the long term perspective of solving one of the most important global problems of today in the form of an official special complex international legal act. This process would require active support on the part of the governments and other interested parties considering legally optional recommendation character of UN Global Migration Compact and unidentified political obligations of the states

Key words: migration, UN Global Migration Compact, international protection of migrant rights.

В современных условиях проблема регулирования миграции населения обусловлена неизбежностью, объемом и неоднородностью миграционных процессов. В центре внимания находятся, с одной стороны, защита прав мигрантов во время перемещения, а с другой – гарантии безопасности и социальная стабильность стран транзитов и реципиентов.

Миграция населения как универсальное явление требует эффективного управления, что становится одной из приоритетных задач всех стран мира. Именно поэтому не случайно в 2016 году, в разгар миграционного кризиса в странах Европы (начавшегося в 2015 году), в Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах ООН был разработан Глобальный договор ООН о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (далее – Глобальный договор), объединивший согласованные в 2018 году нормы и принципы в глобальное рамочное соглашение, содержащее как обязательные, так и необязательные элементы, и определивший области, в которых государства могут совместно работать над заключением новых международных договоров. В связи с новационностью Глобального договора представляется актуальным провести его правовой анализ и определить место данного документа в системе международно-правовых актов регулирования миграции населения.

Цель статьи – выявление и анализ взаимосвязи между Глобальным договором ООН о безопасной, упорядоченной и легальной миграции и международно-правовыми актами по регулированию миграции населения, на которых он базируется.

Материал и методы. В работе использованы основные источники международного права в области регулирования миграционных процессов: Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о сокращении безгражданства, Международный пакт о гражданских и политических правах, Глобальный договор ООН о безопасной, упорядоченной и легальной миграции и другие. Специальных комплексных исследований данной проблематики в правовой науке не проводилось.

Отдельные экономические, политологические и исторические аспекты освещались в научных трудах З.С. Бочаровой [1], И.В. Ивахнюк [2] и О.Ю. Потемкиной [3] и др.

Главными методами изучения избраны формально-юридический, историко-сравнительный, сравнительно-правовой.

Результаты и их обсуждение. Основу международной нормативной правовой базы по регулированию миграции составляют соглашения, рекомендации и иные нормативно-правовые акты, которые носят как обязательный (конвенции и протоколы к ним), так и рекомендательный (декларации, резолюции) характер и приняты на различных совещаниях и конференциях, проводившихся под эгидой крупнейших международных организаций, таких как Международная организация по миграции (МОМ), Международная организация труда (МОТ) и Управление Верховного комиссара миграции ООН по делам беженцев (УВКБ ООН).

Доминирующую позицию среди международных документов, выступающих в качестве основы международного миграционного права, занимает *Всеобщая декларация прав человека* (1948) [4] (далее – *Всеобщая декларация*), в которой закреплены в том числе и право на свободу передвижения и проживания в пределах границ каждого государства (п. 1 ст. 13); право покидать любую страну (п. 2 ст. 13); право искать убежище в других странах и пользоваться этим убежищем (п. 1 ст. 14). Несмотря на то, что *Всеобщая декларация* была принята как заявление о политических намерениях, а не как юридически обязательный договор, она имеет большое значение как первый международный документ, закрепляющий права человека.

Многие ее принципы и положения были уточнены и более конкретно определены в последующих декларациях, конвенциях и протоколах к ним, подтверждены в юридически обязательных документах и приобрели статус норм международного права. Существует несколько глобальных соглашений, в которых государства достигли консенсуса в вопросе обеспечения прав челове-

ка и связанных с ними обязанностей государств в конкретных областях (защита прав беженцев, уважение политических и гражданских прав людей). Примерами могут служить Конвенция о статусе беженцев (1951) [5] и Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) [6]. Так, согласно Пакту государства должны обеспечивать реализацию политических прав как граждан своей страны, так и лиц, пребывающих в ней. Кроме того, ст. 13 Пакта гласит, что иностранцы, законно находящиеся в любом из ратифицировавших его государств, могут быть высланы из государства только на основании законного судебного решения.

Не менее важное значение с позиции укрепления прав и свобод человека в области миграционных отношений имела Конвенция о сокращении безгражданства (1961) [7], ориентированная на сокращение и ликвидацию безгражданства и определение четко регламентированного перечня причин, по которым государство-участник должно предоставлять гражданство лицу, которое в противном случае было бы апатридом или уже является таковым. Наиболее широкое распространение получила Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990) [8].

В ряде международных правовых документов МОТ содержатся положения, касающиеся трудовых прав мигрантов. Конвенция МОТ № 97 «О работниках-мигрантах» [9] устанавливает равное обращение с гражданами и обычными мигрантами в сфере найма, условий жизни и труда, свободного доступа к правосудию, налоговых и социальных норм. Конвенция МОТ № 143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении работникам-мигрантам равенства возможностей и обращения» [10] определила нормы, направленные на сокращение масштабов эксплуатации и торговли мигрантами при одновременном обеспечении защиты нерегулярных мигрантов и облегчении интеграции обычных мигрантов в принимающие общества. Положения конвенций МОТ № 97 и 143 были взяты за основу при разработке Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, существенно распространившей международно-правовые гарантии экономических, социальных, культурных и гражданских прав трудящихся-мигрантов.

В современном мире международное сообщество принимает меры по эффективному противодействию незаконной миграции. Данная проблема учитывается при разработке правовых документов по борьбе с международной преступностью в рамках ООН. В качестве примера приве-

дем Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (2000) [11] и два протокола к ней – Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху [12] и Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее [13].

В процессе изучения правовых актов нами установлено, что итоговые документы конференций и саммитов содержат различные рекомендации по совершенствованию миграционной политики. В то же время можно констатировать двойственный характер подходов к управлению миграционными процессами на глобальном уровне. Эта двойственность проистекает, прежде всего, из различий интересов участников международных отношений, часто конфликтующих друг с другом. Например, имеются противоречия между основными странами эмиграции и странами иммиграции. В результате многие документы и соглашения, подписанные на международных конференциях, на протяжении длительного времени применяются в ограниченном числе стран, поскольку только ими и были ратифицированы. Типичным примером здесь является ситуация с ратификацией международных конвенций, касающихся трудящихся-мигрантов и затрагивающих экономические интересы принимающих государств. Например, Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей была принята в 1990 году, вступила в силу только в 2003 году и была ратифицирована по состоянию на июль 2020 года в 55 государствах, подписали, но не ратифицировали ее 15 государств.

Неожиданные крупномасштабные миграционные события оказали серьезное влияние на глобальное управление миграцией и воспринимались как «призывы к действию» в международном сообществе. Например, в 2015–2016 гг. массовое перемещение более 1 млн человек в Европу и транзитом через нее (в том числе сирийских и других беженцев) стало предпосылкой для принятия на заседании Генеральной Ассамблеи ООН Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах [14] в сентябре 2016 г., ознаменовавшей важный момент в истории урегулирования глобальной миграции. Все 193 государства-члена ООН единодушно подтвердили свою поддержку защиты прав мигрантов и беженцев, выразили приверженность процессу межправительственных переговоров с целью достижения консенсуса о Глобальном договоре [15], ставшем первым согласованным на международном уровне заявлением о целях и принципах управления миграцией и обеспечивающем баланс между правами мигрантов и соблюдением принципа суверенитета государства.

В Глобальном договоре указано, что он базируется в первую очередь на целях и принципах Устава ООН, а также на Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах и других основных международных договорах по правам человека. Согласно п. 2 он опирается также на два Палермских протокола против торговли людьми и незаконного ввоза людей, нормы Конвенции о рабстве, ряд международных климатических правил, конвенций МОТ, а также документы ООН в области устойчивого развития. Это довольно обширный список международных обязательств, собранных вместе [16].

Глобальный договор является первым в истории ООН универсальным соглашением, определяющим общие подходы к международной миграции во всех ее измерениях, охватывающим все ее аспекты целостным и всеобъемлющим образом. Документ основан на ценностях государственного суверенитета, совместного несения ответственности, недискриминации и прав человека и признает, что для оптимизации общих выгод миграции необходим подход на основе сотрудничества, с учетом ее рисков и проблем для отдельных лиц и общин в странах происхождения, транзита и назначения. Он предоставляет значительные возможности для совершенствования управления миграцией и укрепления вклада мигрантов и миграции согласно цели 10.7 Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [17], в которой государства-члены обязались сотрудничать на международном уровне для содействия безопасной, упорядоченной и регулярной миграции.

Глобальный договор по миграции имеет четыре ключевых структурных элемента. В первом из них изложено видение более тесного сотрудничества между государствами в целях улучшения управления международной миграцией на основе принципов Устава ООН, подтверждающих «суверенное право государств определять свою национальную миграционную политику и регулировать миграцию в пределах своей юрисдикции в соответствии с международным правом» [15].

Второй составной элемент включает 23 цели, отражающие комплексный подход к международному сотрудничеству в области миграции. Каждая цель опирается на действия, с учетом которых страны будут в дальнейшем строить собственную миграционную политику [18]. Все эти цели подразделяются на три условные категории: 1) конкретные и относительно простые меры; 2) конкретные, но спорные меры; 3) долгосрочные меры. Цели первой категории видятся относительно

простыми при широкой поддержке и предлагают немедленные действия по ее реализации государством-участником (сбор данных и исследования, этический набор и денежные переводы и др.). Цели второй категории, такие как усиление правовых путей миграции, улучшение управления границами и сотрудничество в сфере возвращения и реинтеграции, являются конкретными, но оспариваемыми государствами-участниками, и потребуют дальнейших переговоров, выделения ресурсов и мобилизации политической воли. Цели третьей категории становятся очень долгосрочными, несмотря на высокую степень согласия о необходимости позитивных изменений в проблемных вопросах. Например, защита мигрантов в уязвимых ситуациях (цель 7) в настоящее время выходит за рамки традиционных категорий уязвимости (например, женщины и девочки, дети и жертвы торговли людьми) для более широкого охвата уязвимостей, возникающих «из-за обстоятельств, при которых они путешествуют, или условий, с которыми они сталкиваются в странах происхождения, транзита и назначения» [16]. Реализация некоторых из этих целей также тесно связана с осуществлением других инициатив, касающихся развития окружающей среды или в целом защиты мигрантов, оказавшихся в ситуации кризиса. Например, в расшифровке целей 2 и 19 содержатся прямая ссылка на Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и Аддис-Абебская программа действий по финансированию развития.

Третий элемент Глобального договора касается непосредственно его осуществления. Очевидно, что основную ответственность за реализацию 23 целей Договора несут государства-участники. Для поддержки их усилий предусмотрен «механизм наращивания потенциала», состоящий из платформы знаний, узла связи и стартового фонда для проектов [15]. Важно, что в этом разделе Договора государства зафиксировали свои обязательства работать над реализацией его положений вместе с другими заинтересованными сторонами, включая мигрантов, гражданское общество, частный сектор, профсоюзы, местные органы власти и других. В Глобальном договоре также приветствуется решение Генерального секретаря ООН о создании Миграционной сети ООН, координируемой МОМ, для оказания эффективной скоординированной поддержки государствам со стороны подразделений ООН, занимающихся вопросами миграции.

Наконец, четвертый элемент Глобального договора связан с последующей деятельностью в данной области и периодическим обзором ее итогов с 2022 г. каждые 4 года на заседании Гене-

ральной Ассамблеи ООН, на Международном форуме по обзору миграции [19].

Среди наиболее спорных вопросов, касающихся Глобального договора ООН о миграции, с юридической точки зрения остается специфика его названия. Слово «договор» как термин включает в себе определенное значение в международном праве и подразумевает юридическое обязательство, однако в самом документе предусмотрено, что он не имеет обязательной юридической силы. Данная проблематика обусловлена тем, что Глобальный договор основан на принципе полного уважения государственного суверенитета, не влечет за собой передачи или ограничения национальных суверенных прав или полномочий и не является в полном смысле и значении международным соглашением, следовательно, не будет иметь юридических последствий для правовой системы государств и создавать правовых обязательств. Это говорит о том, что Глобальный договор имеет на данный момент не более чем декларативный характер, однако сторонники Договора, признавая отсутствие широкой поддержки юридически обязательной Конвенции о международной миграции, стремятся использовать новый Договор и его итоги и цели в качестве долгосрочного международного документа так называемого «мягкого» права в области миграции.

В результате проведенного нами анализа Договора можно констатировать следующее: несмотря на то, что Глобальный договор имеет рекомендательный характер, он подразумевает, на наш взгляд, определенные моральные обязательства для подписавших его стран, формирует платформенный подход к оценке потенциала и вызовов современной миграции, и это весьма актуально с точки зрения перспектив укрепления международного сообщества, которому потребуется активная поддержка (теоретическая и практическая) со стороны правительств государств и других заинтересованных сторон. Таким образом, для того чтобы достичь этой цели, необходима гармонизация законодательства стран (участников Договора) по вопросам регулирования миграционных процессов, чтобы стать более нормализованным с целями Глобального договора.

Глобальный договор консолидирует существующие обязательства в области прав человека, четко устанавливая их применение к мигрантам и повторяя принципы отказа от регрессии и недискриминации, государствам запрещается проводить дискриминацию в отношении мигрантов или между ними. Однако многие государства используют произвольные различия между мигрантами и гражданами, что позволяет им сократить свои обязательства перед первыми. Именно примене-

ние в Глобальном договоре ООН о миграции норм международного права в области прав человека (закрепленных в международных конвенциях) ко всем людям, включая мигрантов, подчеркивает, что его цель заключается в том, чтобы установить базовые нормы, которые ни одно государство не может нарушать в своем обращении с мигрантами. Классификация людей в качестве незаконных мигрантов не исключает их из категории лиц, имеющих право на защиту в соответствии с международными конвенциями по правам человека.

Говоря о сходствах и различиях между Глобальным договором и предыдущими масштабными миграционными инициативами и процессами, следует отметить ключевые аспекты для дискуссии: рекомендация по расширению легальных путей для миграции; рассмотрение низкоквалифицированной трудовой миграции вне временной миграционной политики; дальнейшая ратификация и осуществление Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г.

Однако если Глобальный договор в основном охватывает вопросы, которые уже занимали первостепенное место в сфере глобального управления миграцией до принятия Договора, он также выходит и за рамки предыдущих попыток. Например, в нем уделяется значительное внимание некоторым конкретным тематическим областям: 1) сбору и использованию точных и дезагрегированных данных (цель 1) для «стимулирования исследований, руководства, согласованного и основанного на фактах формирования политики и информированного общественного обсуждения» [16], и содействию эффективному мониторингу и оценке обязательств по договору; 2) повышению доступности и гибкости путей регулярной миграции (цель 5), особенно посредством трудовой миграции и сопоставления навыков на всех уровнях, содействию воссоединению семьи и академической мобильности. Также цели Договора предусматривают регулярные направления движения для мигрантов, вынужденных покинуть страну из-за внезапно возникших стихийных бедствий и других опасных ситуаций, например, путем предоставления гуманитарных виз, частного спонсорства, доступа к образованию для детей и временных разрешений на работу, запланированного переселения и вариантов выдачи виз в особых случаях стихийных бедствий, вызванных неблагоприятными последствиями изменения климата и ухудшения состояния окружающей среды. Устранение уязвимостей в миграции (цель 7) охватывает широкий иллюстративный список мигрантов в ситуации уязвимости независимо от миграционного статуса [15].

В предыдущих глобальных миграционных инициативах фактически не была представлена проблема создания скоординированных международных усилий в отношении обнаружения и спасения жизней пропавших мигрантов (цель 8) (кратко отражена только в Нью-Йоркской декларации 2016 г.) [14].

Вместе с тем некоторые цели, обязательства и действия Глобального договора в области миграции значительно отличаются от первоначального его проекта, отдельные проблемы были сформулированы в ходе переговоров государств более «обтекаемо» и «расплывчато». Например, не были включены в окончательный текст договора два следующих положения: 1) недопущение криминализации нелегальной миграции (вместо этого были предусмотрены потенциальные санкции в отношении незаконного въезда или пребывания без явного запрета на уголовные преступления, за исключением незаконно ввезенных и ставших предметом торговли мигрантов; 2) регуляризация незарегистрированных мигрантов, которая только косвенно предусматривается путем «облегчения доступа мигрантам с нерегулярным статусом к индивидуальной оценке с четкими и прозрачными критериями, которая может привести к регулярному статусу» [15].

На наш взгляд, существует два важнейших аспекта, которые будут обуславливать эффективность реализации Глобального договора ООН о миграции. Решающее значение при этом будут иметь: 1) архитектура осуществления, включая институциональные рамки и пути привлечения заинтересованных сторон (это область, где все еще необходимо определить и уточнить инструментарий по решению наиболее «оперативных» вопросов, где институциональные государственные предпочтения в конечном итоге определяют, какие цели для Глобального договора ООН о миграции будут приоритетными и реализованными в первую очередь); 2) практическая реализация поставленных задач, например, выявление и привлечение основных заинтересованных сторон к осуществлению и реализации Глобального договора ООН о миграции, признание правозащитных механизмов и показателей, в которые может быть интегрирован мониторинг Глобального договора ООН о миграции. В ходе продолжительных дискуссий по вопросам регулирования международной миграции определены три характерные особенности: 1) отсутствие надежных и полных статистических данных о миграции; 2) сложный характер международной миграции и отсутствие комплексной теории миграции; 3) сложная взаимосвязь между миграцией и национальным развитием государств, неполное понимание совокупности взаимосвязей

между миграцией и различными факторами (демографическими, экономическими, политическими, экологическими и т.д.). Для решения этих проблем необходимы выработка обоснованной и эффективной миграционной политики, принятие решений по всем актуальным аспектам реализации потенциала международной миграции как фактора развития стран выезда, транзита и места назначения, а также необходима гармонизация законодательства стран-участников Договора по вопросам регулирования миграционных процессов.

Заключение. Таким образом, историческое значение Глобального договора ООН о миграции нельзя недооценивать. Государства-члены ООН разработали Глобальный договор, рассчитывая на долгосрочную перспективу разрешения одной из ключевых мировых проблем современности на официальной комплексной специальной международно-правовой основе. Этот процесс потребует активной поддержки со стороны правительств государств и других заинтересованных сторон, учитывая юридически необязательный рекомендательный характер Глобального договора и его неопределенные политические обязательства государств.

Одной из проблем будет то, как ООН и ее государства-члены справятся с ожидаемыми сдвигами в политической поддержке и изменением обязательств по осуществлению Глобального договора ООН о миграции. Реализация позитивной и конструктивной политики и практики суверенных государств и всего мирового сообщества в целом в отношении международной миграции по мере увеличения ее сложности и детализации отдельных ее фрагментов неизменно должна привести к более глубокому укоренению в сознании отдельных людей и гражданского общества, эффективности руководства и непоколебимой приверженности международным правовым стандартам со стороны подавляющего большинства государств и других участвующих сторон.

Государства с разными отправными правовыми взглядами пытаются найти единообразные подходы к решению такой проблемы, как отсутствие юридической идентичности мигрантов, преодоление препятствий для возвращения и реадмиссии в условиях безопасности и защиты жизни и человеческого достоинства. Такой «минимногосторонний подход» может стать предпочтительным способом сотрудничества по вопросу эффективного последовательного взаимодействия между государствами, который слишком долго не находил решения. Многие представители научной общественности скептически призывают заинтересованные стороны придерживаться «разумных» ожиданий от реализации Глобального договора ООН о миграции. Тем не менее большинство

из них отмечает, что даже небольшой прогресс под эгидой нового соглашения для мигрантов повлечет за собой долгосрочные, постепенные улучшения, при которых перемещение людей через международные границы будет более безопасным, лучше регулируемым и широко воспринимаемым как взаимовыгодное сотрудничество для всех участников, что благодаря Глобальному договору ООН о миграции наконец-то появилась система общих ожиданий и обязательств.

Глобальный договор знаменует собой новый этап международного сотрудничества для управления и реагирования на передвижение людей. Хотя он не имеет обязательной юридической силы, он представляет почти универсальный консенсус по вопросам, требующим сотрудничества, и по действиям, направленным на достижение целей, изложенных в международных правовых актах по правам человека.

Литература

1. Бочарова, З.С. Достижение целей устойчивого развития в глобальном миграционном контексте [Электронный ресурс] / З.С. Бочарова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostizhenie-tseley-ustoychivogo-razvitiya-v-globalnom-migratsionnom-kontekste>. – Дата доступа: 15.05.2020.
2. Ивахнюк, И.В. Миграция и международное право: рабочая тетрадь / И.В. Ивахнюк // Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: РСМД, 2018. – 36 с.
3. Потемкина, О.Ю. Глобальный договор о миграции – успех или провал? [Электронный ресурс] / О.Ю. Потемкина // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnyy-dogovor-o-migratsii-uspeh-ili-proval>. – Дата доступа: 15.05.2020.
4. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: принята резолюцией 217А (III) Генер. Ассамблеи, 10 дек. 1948 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Дата доступа: 10.04.2020.
5. Конвенция о статусе беженцев [Электронный ресурс]: принята 28 июля 1951 г. Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генер. Ассамблеи, 14 дек. 1950 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml. – Дата доступа: 13.04.2020.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс]: принят резолюцией 2200А (XXI) Генер. Ассамблеи, 16 дек. 1966 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Дата доступа: 15.04.2020.
7. Конвенция о сокращении безгражданства [Электронный ресурс]: принята 30 авг. 1961 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/statelessness.shtml. – Дата доступа: 15.04.2020.
8. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей [Электронный ресурс]: принята резолюцией 45/158 Генер. Ассамблеи, 18 дек. 1990 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml. – Дата доступа: 10.04.2020.
9. Конвенция МОТ № 97 «О рабочих-мигрантах» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=278. – Дата доступа: 15.04.2020.
10. Конвенция МОТ № 143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении работникам-мигрантам равенства возможностей и обращения» (Женева, 24 июня 1975 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2541312/>. – Дата доступа: 15.05.2020.
11. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс]: принята резолюцией 55/25 Генер. Ассамблеи, 15 нояб. 2000 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml. – Дата доступа: 25.04.2020.
12. Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс]: принята резолюцией 55/25 Генер. Ассамблеи, 15 нояб. 2000 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol2.shtml. – Дата доступа: 15.04.2020.
13. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс]: принята резолюцией 55/25 Генер. Ассамблеи, 15 нояб. 2000 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml. – Дата доступа: 15.05.2020.
14. New York Declaration for Refugees and Migrants. Resolution adopted by the General Assembly on 19 September 2016. [Electronic resource] // United Nations General Assembly (UNGA). – Mode of access: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_71_1.pdf. – Date of access: 17.04.2020.
15. Draft outcome document of the Conference, Intergovernmental Conference to Adopt the Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration. Note by the President of the General Assembly. 30 July [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.un.org/en/conf/migration/>. – Date of access: 16.04.2020.
16. Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration [Electronic resource]. – Mode of access: https://refugeemigrants.un.org/sites/default/files/180713_agreed_outcome_global_compact_for_migration.pdf. – Date of access: 16.04.2020.
17. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R. – Дата доступа: 18.04.2020.
18. Makooi, B. Why is the Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration being challenged in Europe? [Electronic resource] / B. Makooi // Info Migrants. – 2018. – 3 December. – Mode of access: www.infomigrants.net/en/post/13634/why-is-the-global-compact-for-safe-orderly-and-regular-migration-being-challenged-in-europe. – Date of access: 16.04.2020.
19. Format and Organizational Aspects of the International Migration Review Forums. 15 July [Electronic resource] // United Nations General Assembly (UNGA). – Mode of access: <https://www.un.org/en/ga/73/resolutions.shtml>. – Date of access: 19.04.2020.

Поступила в редакцию 21.07.2020

Киберкриминология как область криминологического знания: объект исследования и перспективы развития

Стаценко В.Г.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Современная криминология, сохраняя традиционное предметное исследовательское поле, включает в себя ряд частных криминологических теорий (криминальная виктимология, пенитенциарная криминология, криминофамилистика, политическая криминология, криминальная армалогия, криминопенология, криминотеология и др.), представляющих наиболее проблемные и актуальные направления исследования преступности. Среди них особое место занимает киберкриминология – раздел криминологии, посвященный изучению преступности в сфере высоких технологий.

Цель научной работы – раскрытие понятия и предмета киберкриминологии как одного из наиболее современных направлений криминологического научного знания, анализ киберпреступности через призму криминологии.

Материал и методы. Материалом для изучения являются правовые источники, научные публикации, отражающие различные точки зрения отечественных и зарубежных криминологов, официальные статистические данные Министерства внутренних дел Республики Беларусь. В работе использовались общенаучные методы, а также сравнительный метод, статистического наблюдения, статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Развитие информационных технологий за последние десятилетия ведет к формированию новой, так называемой цифровой реальности, цифровой трансформации общественных отношений. В условиях когда критически важные услуги все чаще предлагаются в режиме онлайн, появляется все больше возможностей для злоупотребления технологиями и совершения преступлений. Особой проблемой является обеспечение минимизации криминогенных рисков в условиях развития цифровой реальности, включая разработку мер по противодействию киберпреступности, виктимологической профилактике жертв преступлений в информационно-цифровой области.

Развитие исследований в рамках киберкриминологии предполагает не только осуществление традиционного криминологического анализа количественно-качественных показателей киберпреступности, ее детерминант, личности киберпреступника, мер по предупреждению киберпреступности, но и изучение возможностей использования информационных технологий в качестве инструмента противодействия угрозам личности, государственной и общественной безопасности.

Заключение. Для повышения качества и практической отдачи таких исследований необходимо создание научно-методологического центра изучения киберпреступности и объединения под его эгидой профессионалов в области уголовного права и процесса, информационных технологий, криминалистики, криминологии, а также принятие мер по подготовке специалистов в рассматриваемой области.

Ключевые слова: преступность, компьютерные системы и технологии, информационные технологии, киберпространство, сеть Интернет, киберпреступления, преступления против информационной безопасности.

Cyber Criminology as a Field of Criminological Knowledge: the Research Object and Prospects of the Developments

Statsenko V.G.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

Contemporary criminology which retains the traditional object research field includes a number of individual criminological theories (criminal victimology, penitentiary criminology, criminal familistics, political criminology, criminal armalogy, criminal penology, criminal theology etc.) which present most problematic and relevant directions of criminal research. Among them the so-called cyber criminology which studies crime in the field of hi-tech takes a special place.

The research purpose is disclosing the notion and the object of cyber criminology as one of the most contemporary directions of criminological scientific knowledge, analysis of cyber crime through the prism of criminology.

Material and methods. The research material is legal sources, scientific publications which reflect different points of view by domestic and foreign criminologists, official statistic data of Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. General scientific methods were used in the research as well as the comparative method, methods of statistic observation, statistic analysis.

Findings and their discussion. The development of information technologies over the last decades has led to shaping new, so-called digital reality, digital transformation of social relations. The conditions when critically significant services are more and more often offered on-line provide more possibilities for abusing technologies and committing crime. A special problem is ensuring the minimization of criminal risks in conditions of the development of digital reality including the development of measures of combating cyber crime, victimology prevention for victims of information digital crime.

The development of the research within cyber criminology presupposes not only traditional criminological analysis of qualitative and quantitative indicators of cyber crime, its determinants, the cyber criminal's personality, cyber crime prevention measures but also the study the possibilities of using IT as a tool of combating threats to personality, state and social security.

Conclusion. To improve the quality and practical feedback of such researches it is necessary to create a scientific methodological center of cyber crime studies and to unite within it professionals in the field of criminal law and process, information technologies, forensics, criminology as well as take steps on training specialists in the field.

Key words: crime, computer systems and technologies, information technologies, cyber space, the Internet, cyber crime, crime against information security.

Постоянное обновление криминологических знаний, определяемое как внутренними закономерностями развития науки о преступности, так и изменениями, происходящими в обществе, накопленный объем криминологических знаний потребовали выделения в структуре криминологии «укрупненных» криминологических единиц, которые принято именовать частными криминологическими теориями. Среди них на современном этапе развития наиболее актуальное значение имеет киберкриминология – раздел криминологических знаний, исследующий преступность, связанную с использованием как компьютерных, так и информационных технологий и глобальных сетей.

Цель научной работы – раскрытие понятия и предмета киберкриминологии как одного из наиболее современных направлений криминологического научного знания, анализ киберпреступности через призму криминологии.

Материал и методы. Материалом исследования являются правовые источники, научные публикации, отражающие различные точки зрения отечественных и зарубежных криминологов, официальные статистические данные Министерства внутренних дел Республики Беларусь. В работе использовались общенаучные методы, а также сравнительный метод, методы статистического наблюдения, статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Вхождение человечества в эпоху цифрового информационного уклада, в котором компьютерные и телекоммуникационные системы определяют все области жизнедеятельности, все более видоизменяет стороны и объекты социальных практик, включая и криминальную сферу.

Так называемая Всемирная паутина была изобретена в 1989 году, первый веб-сайт создан в 1991 году, а сегодня, спустя 3 десятилетия, в мире насчитывается почти 2 миллиарда сайтов. По прогнозам специалистов, к 2022 году число пользователей Интернета увеличится до 6 миллиардов (75 процентов от общей численности населения Земли), а к 2030 году составит более 7,5 миллиарда пользователей, или 90 процентов прогнозируемого мирового населения в возрасте 6 лет и старше [1].

Расширяют доступность интернет-услуг развитие сетей сотовой связи и повсеместное распространение мобильных устройств. С 2016 года большинство пользователей в мире для выхода в Интернет использует именно мобильные устройства [2].

Развитие информационных технологий за последние десятилетия ведет к формированию новой, так называемой цифровой реальности, цифровой трансформации общественных отношений. Цифровые технологии проникают в сложившиеся отношения и институты, цифровизация становится основной для трансформации экономики, социальной сферы, политического и правового регулирования.

В условиях когда критически важные услуги все чаще предлагаются в режиме онлайн, появляется все больше возможностей для злоупотребления технологиями и совершения преступлений. Особой проблемой является обеспечение минимизации криминогенных рисков в условиях развития цифровой реальности, включая разработку мер по противодействию киберпреступности, виктимологической профилактике жертв преступлений в информационно-цифровой области.

Киберпреступность превращается в один из самых крупных вызовов, с которыми человечество столкнется в ближайшие десятилетия. В соответствии с прогнозом исследовательской компании Cybersecurity Ventures, занимающейся проблемами информационной безопасности, киберпреступность к 2021 году будет стоить миру 6 триллионов долларов ежегодно (2019 год – 2 трлн долларов) и станет более прибыльной, чем незаконная глобальная наркоторговля. В мире сегодня ежегодный прирост ущерба от киберпреступлений – более 30%.

Прогнозируется также, что глобальные расходы на продукты и услуги в области кибербезопасности будут составлять ежегодно до 200 млрд долларов [1].

Республика Беларусь не является исключением. Развивающиеся в последние годы процессы цифровизации и компьютеризации с неизбежностью приводят к изменению структуры регистрируемой в республике преступности и формируют новые угрозы криминологической безопасности.

Первое преступление в сфере высоких технологий в Республике Беларусь было зарегистрирова-

но в Минске 20 ноября 1998 г. [3]; в 2014 году было зарегистрировано 135 фактов преступлений по главе 31 УК, а через 5 лет – в 2019 году – их число достигло 10,5 тысячи, причем количество зарегистрированных в 2019 году преступлений в 2,2 раза превысило выявленное число киберпреступлений 2018 года [4].

По данным МВД Республики Беларусь [4], в 2019 году количество выявленных подразделениями Управления по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий (УРПСВТ) уголовно наказуемых деяний увеличилось во всех регионах, наиболее значительно в Гомельской (в 3,2 раза; с 563 до 1781), Гродненской (в 3,1 раза; с 300 до 930), Могилевской (в 2,6 раза; с 392 до 1037) и Витебской (в 2,5 раза; с 455 до 1132) областях.

К особо тяжким и тяжким преступлениям от общего числа зарегистрированных относятся 200, или 1,9% (2018 г. – 62, или 1,3%), к менее тяжким – 8097, или 76,8% (2018 г. – 3699, или 78,0%), не

представляющим большой общественной опасности – 2242, или 21,3% (2018 г. – 980, или 20,7%).

Большинство (две трети) выявленных киберпреступлений (76,4% в 2019 г.; 75,6% – в 2018 г.) относятся к хищениям путем использования компьютерной техники (ст. 212 УК). При этом число таких преступлений, относящихся к категориям особо тяжких и тяжких, увеличилось в 2019 году почти в 3 раза – с 44 до 130.

Количество выявленных преступлений против информационной безопасности (ст. 349–355 УК) увеличилось в 2,2 раза – с 1156 до 2492 (24% от всех киберпреступлений), в т.ч. во всех регионах, наиболее существенно в Витебской (в 4,2 раза), Гродненской (в 3,5 раза), Могилевской (в 3,1 раза) областях.

Рост данных уголовно наказуемых деяний в сфере преступлений против информационной безопасности обусловлен, прежде всего, увели-

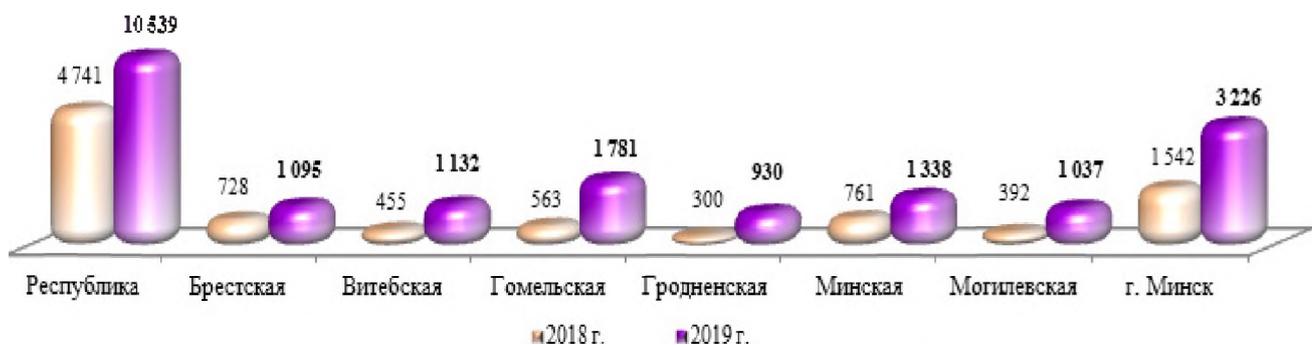

Диаграмма 1 – Объем преступности в сфере высоких технологий в Республике Беларусь (2018–2019 гг.) [4]

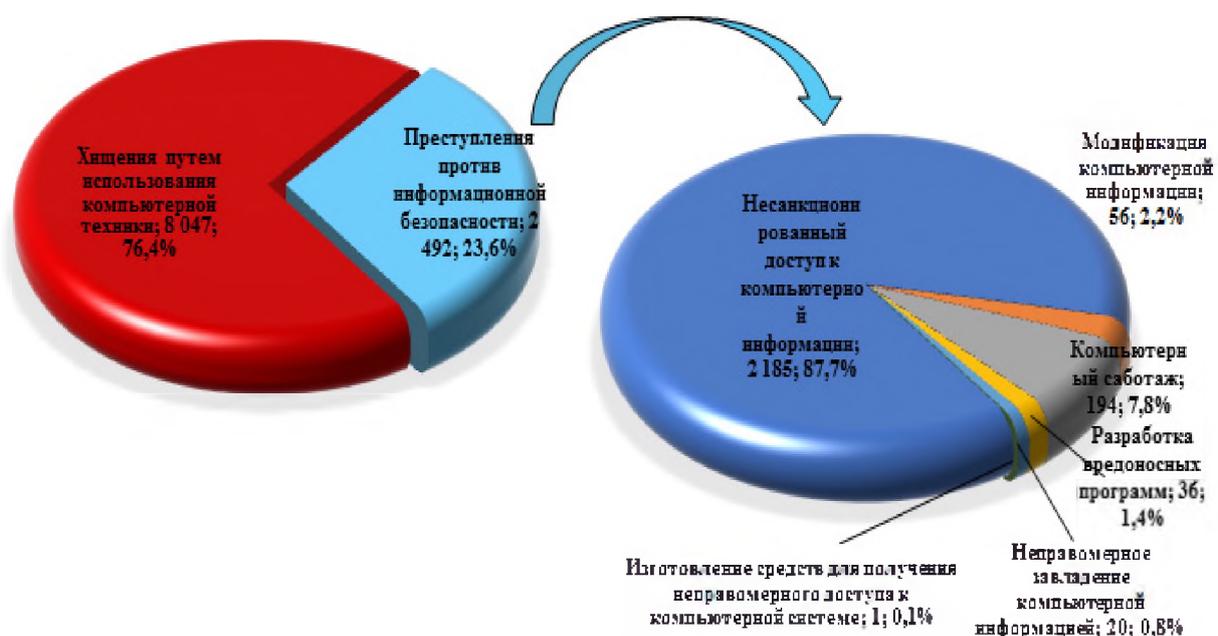

Диаграмма 2 – Структура киберпреступности в Республике Беларусь (2019 г.) [4]

чением количества фактов несанкционированного доступа к компьютерной информации (в 2,4 раза; с 912 до 2185 в 2019 году).

Анализ особенностей личности преступников в рассматриваемой сфере показывает следующее. Из 1859 установленных в 2019 году сотрудниками подразделений УРПСВТ лиц, виновных в совершении преступлений (2018 г. – 1283), к уголовной ответственности был привлечен 1431 гражданин (2018 г. – 1139).

В их числе:

524, или 37% (2018 г. – 369 (32%)), имеющих судимость;

1177, или 82% (2018 г. – 849 (74%)), не работающих и не учащих;

77, или 5,4%, несовершеннолетних (2018 г. – 35 (3%)).

Следует отметить, таким образом, наряду с существенным увеличением числа лиц, привлеченных к ответственности, наблюдается существенное увеличение удельного веса лиц не работающих и не учащих, а также несовершеннолетних.

Доля так называемых «компьютерных» преступлений в общей структуре преступлений, зарегистрированных в 2019 г., составила 12% (рост более чем в два раза), сумма установленного материального ущерба от совершения преступлений – 6068,4 тыс. рублей (2018 г. – 1228,4 тыс. рублей), а уровень ее возмещения потерпевшим – 66,3% (2018 г. – 21,4%).

Как уже отмечалось, в структуре киберпреступности преобладают преступления, относящиеся к хищениям путем использования компьютерной техники, и по фактам несанкционированного доступа к компьютерной информации.

Наиболее популярные виды преступлений – использование вредоносных программ, фишинг и его устная разновидность – вишинг, а также хищение путем использования компьютерной техники. Эти преступления составляют до трети всех киберпреступлений.

Научное исследование криминальных проявлений в рассматриваемой области началось практически сразу после начала их распространения в мире по мере развития цифровых технологий. Термин «киберкриминология», тем не менее, недавний и не является общепринятым. На авторство этого понятия претендует известный индийский исследователь К. Джайшанкар (K. Jaishankar), издающий с 2007 года интернет-журнал «International Journal of Cyber Criminology» [5] и опубликовавший ряд статей по данной проблеме [6]. Заметим в связи с этим, что еще в 2007 году П.И. Кабанов в статье «Криминологическая таксономия: понятие, содержание, так-

сономические единицы и основания их группировки» предложил выделить, «наряду с такими научными направлениями криминологических знаний, как: криминология насильственной преступности (вайолентология), криминальная армалогия (криминология оружия), террорология или криминология терроризма, криминология коррупции (криминальная коррупциология), и такое направление, как киберкриминология» [7].

Дискуссионный характер в современной криминологии носит и вопрос о предмете и методологии киберкриминологии.

Следует отметить также, что общепринятого определения киберпреступности как базового объекта исследования в киберкриминологии не существует. Более того, в доктрине и правовых источниках термин «киберпреступность» употребляется наряду с такими понятиями, как «компьютерная преступность», «преступления в сфере компьютерной информации», «интернет-преступность», «преступления в сфере высоких технологий», «преступления, сопряженные с компьютерными технологиями», причем зачастую эти понятия используются как синонимы. В законодательстве Республики Беларусь (Уголовный кодекс) применяется обобщающее определение «преступления против информационной безопасности» (гл. 31).

Можно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что термин «киберпреступность» (англ. *cybercrime*) более точно отражает природу такого явления, как преступность в информационном пространстве [8, с. 47]. Понятие «киберпреступность» включает в себя все составы преступлений в сфере информационных технологий, в том числе преступления, совершенные с помощью компьютеров, а также преступления, предметом которых являются компьютеры, компьютерные сети и хранящаяся на этих носителях информация.

Европол разделяет киберпреступления на киберзависимые преступления (т.е. «любое преступление, которое может быть совершено только с использованием компьютеров, компьютерных сетей или других форм информационно-коммуникационных технологий»; и преступления, совершаемые посредством кибертехнологий (т.е. традиционные преступления, совершаемые с помощью Интернета и цифровых технологий) [9].

Конвенция Совета Европы о киберпреступности 2001 года (Республикой Беларусь не ратифицирована) подразделяет киберпреступления на 5 групп: «противоправный доступ»; «преступления, связанные с использованием компьютерных средств»; «преступления, связанные с контентом»; «преступления, связанные с нарушением ав-

торских и смежных прав»; «преступления, направленные против общественной безопасности», включая кибертерроризм [10, ст. 2–13].

Киберпреступления могут совершаться физическими лицами, группами лиц, коммерческими организациями и государствами. Хотя эти субъекты могут применять схожие тактические методы (например, использовать вредоносное программное обеспечение) и атаковать схожие цели (например, компьютерную систему), они имеют разные мотивы и намерения при совершении киберпреступлений.

Особенностью киберпреступности является то, что она относится к транснациональной преступности, исполнители и жертвы которой могут находиться в любой точке мира, где есть подключение к Интернету. В этой связи следователям, ведущим расследования киберпреступлений, зачастую требуется трансграничный доступ к данным и обмен ими.

Основными правовыми проблемами при расследовании киберпреступлений и судебном преследовании киберпреступников являются: разные правовые системы государств; различия национальных законодательств о киберпреступности; различия в нормах доказательственного права и уголовного судопроизводства (например, в процедурах получения доступа к цифровым доказательствам правоохранительными органами); различия в охвате и географической применимости региональных и многосторонних договоров о борьбе с киберпреступностью; различия в подходах к защите данных и соблюдению прав человека и др. [11].

Заключение. Киберпреступность становится все более серьезной проблемой для стран, в которых хорошо развита инфраструктура Интернета и функционируют платежные системы. Согласно последним оценкам Интерпола угрозы киберпреступности последняя становится все более агрессивной и конфронтационной. Это можно наблюдать в различных формах киберпреступности, включая высокотехнологичные преступления, утечку данных и сексуальное вымогательство.

Анализ основных факторов, а также причин и условий, оказывавших влияние на состояние криминогенной обстановки в сфере информационной безопасности в Республике Беларусь, дают основания полагать, что и в последующие годы формирование криминологических параметров как в целом по республике, так и в ее регионах будет осуществляться в условиях особенностей, отмечавшихся в течение предыдущего периода.

Специалисты Управления «К» МВД Республики Беларусь полагают, что динамичное развитие IT-отрасли в стране, функционирование объектов

игорного бизнеса и т.п. объективно и с неизбежностью будут способствовать увеличению числа киберпреступлений.

При этом, если принимать во внимание общемировые тенденции, прежде всего, следует ожидать дальнейшего роста хищений путем использования компьютерной техники и случаев несанкционированного доступа к компьютерной информации, совершаемых, в частности, мошенническими методами, посредством фишинга и взлома учетных записей пользователей в социальных сетях.

Удельный вес киберпреступлений с учетом высокой их латентности – фактически существенно больше. По опросам населения – каждый четвертый сталкивался с правонарушениями в данной сфере. При этом, по оценке экспертов, защищенным от посягательств киберпреступников может считать себя лишь тот, кто не пользуется Интернетом и не имеет смартфона.

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что рассматриваемый вид преступности станет одной из существенных угроз криминологической безопасности в будущем.

Развитие исследований в рамках киберкриминологии предполагает не только осуществление традиционного криминологического анализа количественно-качественных показателей киберпреступности, ее детерминант, личности киберпреступника, мер предупреждения киберпреступности, но и изучение возможностей использования информационных технологий в качестве инструмента противодействия угрозам личностной, государственной и общественной безопасности (например, использования в практике розыска цифровых методов профилирования (растрового розыска преступников)). Для повышения качества и практической отдачи таких исследований необходимо создание научно-методологического центра изучения киберпреступности и объединения под его эгидой профессионалов в области уголовного права и процесса, информационных технологий, криминалистики, криминологии, а также принятие мер по подготовке специалистов в рассматриваемой области.

Литература

1. Official Annual Cybercrime Report 2019 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.herjavecgroup.com/wp-content/uploads/2018/12/CV-HG-2019-Official-Annual-Cybercrime-Report.pdf>. – Date of access: 10.07.2020.
2. Киберпреступность. Модуль 1. Введение в киберпреступность / Образование во имя правосудия. Серия университетских модулей. – Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности [Электронный ресурс]. – Вена, 2019. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/e4j/Cybercrime/Cybercrime_Module_1_Introduction_to_Cybercrime_RU.pdf/. – Дата доступа: 11.07.2020.

3. Вопросы противодействия киберпреступности обсудили эксперты МВД и СК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/ru/news/6237>. – Дата доступа: 12.07.2020.
4. Управление по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий (Управление «К») статистика УРПСВТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/upravlenie-po-raskrytiyu-prestuplenij-v-sfere-vysokih-tehnologij-upravlenie-k/statistika-urpsvt>. – Дата доступа: 10.07.2020.
5. International Journal of Cyber Criminology [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.cybercrimejournal.com>. – Date of access: 08.07.2020.
6. Jaishankar, K. Cyber Criminology as an Academic Discipline: History, Contribution and Impact [Electronic resource] / K. Jaishankar // International Journal of Cyber Criminology. – 2018. – January–June. – Vol. 12. – Mode of access: <https://pdfs.semanticscholar.org/4146/e6a16b448d63d476fce0a3a81554b1852438.pdf>. – Date of access: 09.07.2020.
7. Кабанов, П.И. Криминологическая таксономия: понятие, содержание, таксономические единицы и основания их группировки [Электронный ресурс] / П.И. Кабанов // Всероссийский криминологический журнал. – 2007. – № 1–2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-taksonomiya-ponyatie-soderzhanie-taksonomicheskie-edinitsy-i-osnovaniya-ih-gruppirovki/viewer>. – Дата доступа: 08.07.2020.
8. Номоконов, В.А. Киберпреступность как новая криминальная угроза / В.А. Номоконов, Т.Л. Тропина // Криминология: вчера, сегодня, завтра / Санкт-Петербургский международный криминологический клуб (Санкт-Петербург). – 2012. – №1(24). – С. 45–55.
9. Europol. Cybercrime [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.europol.europa.eu/crime-areas-andtrends/crime-areas/cybercrime>. – Date of access: 09.07.2020.
10. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/1680081580>. – Дата доступа: 09.07.2020.
11. Суходолов, А.П. Цифровая криминология: метод цифрового профилирования поведения неустановленного преступника / А.П. Суходолов [и др.] // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 385–394.

Поступила в редакцию 13.07.2020

Государственные предприятия как субъекты обеспечения защиты прав человека в бизнес-сфере

Ребицкая Е.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассмотрены государственные предприятия как субъекты предпринимательской деятельности, имеющие непосредственное влияние на права человека. Проведен анализ взаимоотношений государства и государственных предприятий на предмет их взаимных обязательств в сфере международного права прав человека. Выявлены дополнительные шаги, которые необходимо предпринять государствам по защите от нарушений прав человека со стороны государственных предприятий, которые находятся в собственности государства или контролируются им.

Цель статьи – определить особенности соблюдения прав человека на государственных предприятиях, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Материал и методы. Для проведения исследования использованы международные стандарты в области прав человека, нормативные правовые акты Республики Беларусь, доклады Экспертной рабочей группы ООН по вопросам бизнеса и прав человека, а также Национальные планы действий в аспекте прав человека ряда иностранных государств. При этом применялись метод анализа, синтеза и сравнительно-правовой метод.

Результаты и их обсуждение. В ходе анализа выявлено, в чем состоит особенность соблюдения прав человека на государственных предприятиях ввиду их специфической организационно-правовой формы. В сообщениях о нарушениях прав человека, а также в отчетах компаний о своей деятельности в части, касающейся прав человека, как правило, не проводится различий между частными компаниями и государственными предприятиями, что затрудняет уточнение вопросов соблюдения прав человека всеми подобными предприятиями и требует дополнительного изучения. Кроме того, в статье определены три основных компонента механизма контроля за соблюдением прав человека на государственных предприятиях, которые должны использовать государства в качестве дополнительных шагов по обеспечению защиты прав человека на национальном уровне.

Заключение. Государственные предприятия являются особыми субъектами предпринимательской деятельности и требуют принятия дополнительных мер со стороны государства по обеспечению ими защиты прав человека. Такие меры могут выражаться в разработке механизма контроля за обеспечением защиты прав человека на государственных предприятиях.

Ключевые слова: права человека, предпринимательская деятельность, государственные предприятия, национальный план действий, корпоративное управление.

State Owned Companies as Subjects of Ensuring Human Rights Protection in Business Sphere

Rebitskaya E.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article considers state enterprises as business entities that have a direct impact on human rights. An analysis of the relationship between the state and state enterprises which aims at their mutual obligations in the field of international human rights law is carried out. Additional steps have been identified that states need to take to protect against human rights violations by enterprises owned or controlled by the state.

The aim of the research is to determine the peculiarities of observance of human rights in state enterprises engaged in entrepreneurial activities

Material and methods. The research is based on the international standards in the field of human rights, laws of the Republic of Belarus, reports of the UN Expert Working Group on Business and Human Rights, as well as National Action Plans for the implementation of the Guiding Principles of Entrepreneurship in the field of human rights of a number of foreign states. The study used the method of analysis, synthesis and the comparative legal method.

Findings and their discussion. The article revealed what the peculiarity of observing human rights in state enterprises is in view of their specific legal form. Indeed, in reports on human rights violations, as well as in companies' reports on their activities regarding human rights, as a rule, no distinction is made between private companies and state enterprises, which makes it difficult to clarify the observance of human rights by all such enterprises and requires further study. In addition, the article defines three main components of the mechanism for monitoring the observance of human rights in state enterprises, which should be used by states as additional steps to ensure the protection of human rights at the national level.

Conclusion. State organizations are special business entities and require the adoption of additional measures by the state to ensure the protection of human rights. Such measures may be the development of a mechanism for monitoring the protection of human rights in state enterprises.

Key words: human rights, entrepreneurship, state owned enterprises, national action plan, corporate governance.

Концепция взаимодействия прав человека с бизнесом насчитывает уже почти тридцатилетнюю историю, доказавшую, что бизнес непосредственно влияет на права человека в процессе осуществления им предпринимательской деятельности. Когда мы употребляем термин «бизнес», то, как правило, подразумеваем под ним частные (негосударственные) субъекты экономической деятельности. И совершенно не учитываем того факта, что предприятия государственной формы собственности также часто являются субъектами бизнес-сферы и осуществляют предпринимательскую деятельность, оказывая непосредственное влияние на права человека.

На любом государстве как основном акторе международного права лежит обязанность не только непосредственно не нарушать права человека, но и обеспечивать их защиту от третьих субъектов (в том числе бизнеса, независимо от его формы собственности). Государственные предприятия могут оказывать значительное воздействие на права человека – как позитивного, так и негативного характера. Однако до сих пор их ответственности в области прав человека уделялось недостаточно внимания, несмотря на специфику организационно-правовой формы.

Цель статьи – определить особенности соблюдения прав человека на государственных предприятиях, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Материал и методы. Информационной основой исследования послужили международные стандарты в области прав человека, нормативные правовые акты Республики Беларусь, доклады Экспертной рабочей группы ООН по вопросам бизнеса и прав человека, а также Национальные планы действий по реализации Руководящих принципов предпринимательской деятельности в аспекте прав человека ряда иностранных государств. Методологическую основу составили комплексный анализ и системный подход к рассмотрению государственных предприятий как субъектов обеспечения защиты прав человека. При этом использовались метод анализа, синтеза и сравнительно-правовой метод.

Результаты и их обсуждение. Государственные предприятия являются важными игроками на внутренних рынках и приобретают все более существенное значение в глобальной экономике. Несмотря на волны приватизации в 1980-х и 1990-х годах, многие государства до сих пор управляют портфелями крупных государственных предприятий. За последнее десятилетие влияние государственных предприятий возросло и в глобальной экономике [1]. Доля государственных предпри-

ятий в числе 500 крупнейших компаний мира по версии журнала «Форчун» ежегодно возрастает за счет развивающихся экономик. Ярким примером является Китай, который в 2019 году занял ведущее место среди крупнейших компаний мира, благодаря именно своим государственным субъектам предпринимательской деятельности.

Прежде чем перейти к анализу воздействия государственных предприятий на права человека, нужно дать определение понятию «государственная организация». Следует отметить, что каждое государство самостоятельно устанавливает, какие организации и по каким основаниям необходимо относить к государственным. Так, в Республике Беларусь наиболее полно раскрыто понятие «государственная организация» в Законе Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)»: «Под государственной организацией понимается государственное юридическое лицо, юридическое лицо, акции (доли в уставном фонде) которого принадлежат Республике Беларусь и переданы в управление Национальному банку Республики Беларусь, Национальной академии наук Беларуси, Управлению делами Президента Республики Беларусь, другим государственным органам и иным государственным организациям, подчиненным Президенту Республики Беларусь, республиканским органам государственного управления и иным государственным организациям, подчиненным Правительству Республики Беларусь, государственным объединениям, либо акции (доли в уставном фонде) которого находятся в коммунальной собственности, юридическое лицо, входящее в состав государственного объединения» [2].

Руководящие принципы ОЭСР по корпоративному управлению для предприятий с государственным участием (далее – Руководящие принципы ОЭСР) предусматривают более общее определение: «...любой корпоративный субъект, признаваемый по национальному законодательству в качестве предприятия, собственником которого является государство, должен считаться государственным предприятием. К ним относятся акционерные общества, компании с ограниченной ответственностью и компании с ограниченным правом выпуска акций. Кроме того, учрежденные законом корпорации, правосубъектность которых устанавливается целевым законодательством, также должны считаться государственными предприятиями, если их цель и деятельность, либо отдельные элементы их деятельности носят в основном экономический характер» [3].

Фундаментальным международным актом, регламентирующим соотношение прав человека и бизнеса (государственных организаций в част-

ности), являются Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека (далее – Руководящие принципы). Следует сразу же отметить, что одно из основополагающих положений Руководящих принципов закрепляет безоговорочное равенство всех предприятий независимо от их размера, сектора, условий деятельности, форм собственности и структуры в отношении обязанности соблюдать права человека в ходе осуществления предпринимательской деятельности. Одновременно с этим Руководящий принцип 4 требует от государств предпринимать «дополнительные шаги по защите от нарушений прав человека со стороны предприятий, которые находятся в собственности государства или контролируются им, ... в том числе, при необходимости, путем установления требования о соблюдении принципа должной заботы о правах человека» [4]. Введение подобного уточнения обусловлено спецификой государственных предприятий, которую мы подробнее рассмотрим далее.

Руководящие принципы ОЭСР предусматривают, что «правительство должно предоставлять государственным предприятиям полную оперативную самостоятельность для достижения установленных ими целей и воздерживаться от вмешательства в управление государственными предприятиями» [3]. Однако из ранее рассмотренных определений понятия «государственная организация» мы видим четко прослеживающуюся зависимость государственных организаций от государства. В Руководящих принципах ОЭСР данная зависимость поясняется наличием особого контроля со стороны государства над государственными предприятиями. Примерами такого контроля могут выступать ситуации, когда локальные положения или корпоративный учредительный договор обеспечивают постоянный контроль государства над предприятием или его исполнительным органом, в котором оно владеет большинством акций. Кроме того, подобное взаимодействие может выражаться и в установлении преференциальных регулятивных режимов и других преимуществ в отношении государственных предприятий. Как следствие, предприятия чувствуют свое доминирующее положение на рынке и осуществляют свою деятельность с повышенной степенью безнаказанности, в особенности в сфере защиты прав человека. То есть речь идет в первую очередь о легитимности и доверии во взаимоотношениях государственных предприятий с государством. Государство не должно устанавливать по отношению к государственным предприятиям меньшие требования, чем к частным. Ведь поведение государственного предприятия в области прав человека часто ассоциируется с поведением государства и наоборот.

На различных мировых саммитах представителями договорных органов ООН неоднократно подчеркивалось, что нарушения прав человека государственными предприятиями можно приравнивать к нарушению государством своих обязательств в сфере международного права прав человека. Это объясняется в том числе основными положениями Руководящих принципов, налагающих на государства обязательства по предупреждению и расследованию нарушений прав человека со стороны коммерческих организаций, наказание за них и компенсацию ущерба. Так, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам считает, что обязанность соблюдать права человека требует от государства воздерживаться от незаконного загрязнения атмосферы, вод и почв, например, в результате промышленного загрязнения государственными структурами. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин часто обращался к государствам с призывом увеличить количество женщин на руководящих должностях на государственных предприятиях, уравнивая такие предприятия с другими государственными органами [5].

В комментарии к Руководящему принципу 4 также указывается, что нарушение прав человека государственным предприятием может повлечь за собой нарушение собственных международно-правовых обязательств государства, когда его действия можно приписать государству [1]. При этом необходимо акцентировать внимание не на процентном соотношении доли собственности государства в государственном предприятии, а на фактической степени зависимости данного предприятия от государства, а также наделено ли оно определенными государственными публичными функциями правительства. Безусловно, и частное предприятие может находиться в определенной зависимости от государства, однако это скорее исключение, чем правило. Важно отметить, что все действия государственных предприятий, независимо от того, являются ли они полностью коммерческими (частной формы собственности) или связаны с выполнением конкретных публичных функций, должны сопровождаться соблюдением прав человека.

Кроме того, деятельность государственных предприятий традиционно ориентируется исключительно на национальные интересы и сосредоточена в секторах, которые представляют общенациональный интерес, как, например, энергетика, инфраструктура и коммунальное хозяйство (отчет). Соответственно, ряд государственных предприятий также часто выполняет функцию решения конкретных задач государственной политики, что, в свою очередь, должно согласовываться

с международными обязательствами государства в области прав человека.

Согласованность политики государства имеет важное значение во многих сферах общественной жизни, в том числе правозащитной. В комментарии к Руководящему принципу 8 правительств предлагается поддерживать и обеспечивать ведомства и учреждения, которые определяют практику предпринимательской деятельности, с тем чтобы они были информированы о правозащитных обязательствах правительства и действовали в соответствии с этими обязательствами [4]. Также, говоря о согласованности политики государства, нельзя не затронуть тему национального законодательства, на основании норм которого государственные предприятия и осуществляют свою деятельность. Государству необходимо тщательно следить за соответствием принимаемых законодательных актов международным стандартам в сфере прав человека (в частности, положениям Всеобщей декларации прав человека, Международному пакту о гражданских и политических правах и Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах).

Как мы видим, специфика государственных предприятий по обеспечению защиты прав человека очевидна и действительно требует дополнительных мер со стороны как самих предприятий, так и государств. Экспертная рабочая группа ООН по вопросам бизнеса и прав человека (далее – Рабочая группа) обращает внимание на тесную взаимосвязь между корпоративным управлением, с одной стороны, и ответственной деловой практикой и правами человека – с другой, и призывает государства опираться на рамки корпоративного управления в целях обеспечения соблюдения их предприятиями прав человека. Тщательно изучив Руководящие принципы ОЭСР в их взаимосвязи с Руководящими принципами, приходим к выводу, что государствам необходимо проработать вопрос создания определенной модели подотчетности и эффективного управления государственными предприятиями с целью совершенствования их деятельности в сфере прав человека. Данная модель должна затрагивать следующие основные вопросы.

В первую очередь, государства должны публично заявить, чего конкретно они ожидают от всех субъектов предпринимательской деятельности (в том числе государственной формы собственности) в сфере обеспечения прав человека. Руководящие принципы ОЭСР предусматривают, что «политика в отношении государственной собственности должна полностью признавать обязанности государственных предприятий по отношению к заинтересованным сторонам... В ней

должны быть четко заявлены любые ожидания государства в отношении ответственной деловой практики государственных предприятий... государственные предприятия должны соблюдать наивысшие стандарты ответственной деловой практики» [3]. Подобное заявление, как правило, выражается в принятии определенного нормативного акта или иного документа. В рассматриваемой нами теме таким документом, как правило, служит Национальный план действий. Национальный план действий (далее – НПД) – это политический документ, в котором государство формулирует приоритеты и действия, которые оно будет предпринимать для исполнения международных, региональных и национальных обязательств в отношении обозначенной темы [6, с. 21]. Следует отметить, что Рабочая группа приветствует усилия правительств по реализации своих национальных планов действий, поскольку это является важным шагом по соблюдению Руководящих принципов ООН, особенно учитывая тот факт, что защита прав человека – одна из основных функций государственной власти. Более 30 стран уже утвердили свой национальный план действий или, по крайней мере, начали его разработку [7, с. 128]. Некоторые государства идут точечным путем, разрабатывая акты, действие которых распространяется исключительно на государственные предприятия. Например, Правительство Португалии требует от государственных предприятий принятия планов обеспечения гендерного равенства, а в Индии были разработаны и успешно внедрены Руководящие принципы корпоративной социальной ответственности и устойчивости предприятий центрального государственного сектора.

Следующим этапом должна быть разработка механизма контроля над реализацией положений, предусмотренных в НПД или иных актах, регламентирующих обеспечение защиты прав человека государственными предприятиями. В качестве такого механизма, как правило, выступает определенная система отчетности. Так, отдельные государства устанавливают конкретные показатели в области обеспечения защиты прав человека, которых государственные предприятия должны достигнуть. Проанализировав системы отчетности ряда государств, выделяем основные индикаторы оценки:

- экономное потребление ресурсов, реализация концепции «зеленого офиса»;
- уровень роста заработной платы работников, текучесть кадров;
- наличие корпоративных традиций, локальных документов по корпоративной культуре;
- доля расходов на социальную поддержку работников;

– сотрудничество с контрагентами, придерживающимися ответственного подхода к соблюдению прав человека в ходе осуществления своей деятельности;

– наличие механизмов материальной и моральной мотивации для работников;

– доля расходов на спонсорство и благотворительность, реализация социально значимых проектов и другие.

Необходимо отметить, что отчетность по данным индикаторам является обязательной и предприятиям необходимо отчитываться за любые отклонения от ожиданий со стороны государства. Государство может также использовать независимые механизмы анализа соблюдения прав человека. Например, в Чили существует должность государственного аудитора для проверки выполнения предприятием целей в области обеспечения защиты прав человека. В Швеции в каждой государственной компании создается инвестиционная группа, в состав которой входят специалисты по вопросам устойчивого предпринимательства. Основная функция данной инвестиционной группы состоит в анализе рынка и деловой практике государственных предприятий (в том числе в правозащитной области).

Кроме того, государствам нужно осуществлять тщательную работу по организации и проведению просветительских мероприятий для руководителей государственных предприятий. Государства должны поощрять меры по повышению осведомленности и подготовке руководства и управленческих кадров предприятий по международным стандартам в сфере прав человека и их взаимосвязи с бизнесом. Государствам также следует поощрять обмен опытом между компаниями по вопросам передовой практики и существующих проблем, связанных с соблюдением прав человека. Так, например, в своем Национальном плане действий в области предпринимательской деятельности и прав человека шведское правительство предусматривает проведение серии рабочих семинаров в целях повышения осведомленности государственных предприятий о Руководящих принципах, принципе должной заботы о правах человека и механизмах правовой защиты [1]. В Бразилии же на государственном уровне были проведены ряд инициатив по повышению осведомленности руководителей 25-ти наиболее крупных государственных предприятий в сфере ответственного ведения бизнеса и прав человека [8; 9].

Заключение. Таким образом, государственные предприятия являются особыми субъектами предпринимательской деятельности и требуют принятия дополнительных мер со стороны госу-

дарства по обеспечению ими защиты прав человека. Принятие дополнительных мер необходимо в связи со спецификой организационно-правовой формы государственных предприятий. В первую очередь, это их непосредственная зависимость от государства, которая может выражаться как в тотальном контроле, так и наоборот – в чрезмерных предпочтениях. Это связано также с основным вопросом о том, каким образом государство должно вести себя в роли владельца компаний и каким образом такая форма собственности согласуется с международными обязательствами в области прав человека. Государствам, безусловно, необходимо дать государственным предприятиям максимально возможную независимость в ходе осуществления ими предпринимательской деятельности. Однако наряду с этим следует разработать четкий механизм контроля за обеспечением защиты прав человека такими предприятиями.

Данный механизм должен включать в себя три основных компонента: публичное заявление государства о его ожиданиях от государственных предприятий по соблюдению прав человека, создание определенной модели подотчетности и эффективного управления государственными предприятиями и проведение на постоянной основе просветительских мероприятий, направленных на предупреждение нарушения прав человека и развитие корпоративной культуры на государственных предприятиях. Мировое сообщество призывает государства опираться на рамки корпоративного управления в целях обеспечения соблюдения их предприятиями прав человека, так как именно корпоративное управление является наиболее эффективным методом реализации принципов и норм ответственной деловой практики.

Литература

1. Демонстрировать лидерство – государства, государственные предприятия и права человека [Электронный ресурс]: доклад Рабочей группы по вопросу о правах человека и транснациональных корпорациях и других предприятиях Совету по правам человека ООН A/HRC/32/45 // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G16/091/73/PDF/G1609173.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 16.04.2020.
2. Об экономической несостоятельности (банкротстве): Закон Респ. Беларусь от 13.07.2012 № 415-З (ред. от 24.10.2016) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Руководящие принципы ОЭСР по корпоративному управлению для предприятий с государственным участием [Электронный ресурс]: одобр. резолюцией Совета ОЭСР // Организация экономического сотрудничества и развития. – Режим доступа: http://ars.atom.gov.ua/ars/wp-content/uploads/2017/08/rukovodyaschie_principy_oesr.pdf. – Дата доступа: 16.04.2020.
4. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека [Электронный ресурс]:

- одобр. резолюцией 17/4 Совета по правам человека от 16 июня 2011 года // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/GuidingPrinciplesBusinessHR_RU.pdf. – Дата доступа: 16.04.2020.
5. Вопросы существа, возникающие в ходе осуществления Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс]: Замечание общего порядка № 14 Комитета по экономическим, социальным и культурным правам ООН // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.refworld.org.ru/docid/47ebcc3c2.html>. – Дата доступа: 16.04.2020.
 6. Бутрим, А. Бизнес и права человека: практ. пособие / А. Бутрим, А. Гвоздицких. – М.: Агентство социальной информации, 2009. – 160 с.
 7. Ребицкая, Е.В. Проблема защиты прав человека в белорусском бизнесе / Е.В. Ребицкая // Магистерский вестник: сб. науч. работ магистрантов и аспирантов: в 4 ч. – Минск: ИВЦ Минфина, 2019. – Ч. 3. – С. 126–130.
 8. National Action Plans on Business and Human Right [Electronic resource]. – Sweden Republic, 2015. – Mode of access: <https://www.government.se/contentassets/822dc47952124734b60daf1865e39343/action-plan-for-business-and-human-rights.pdf>. – Date of access: 10.04.2020.
 9. National Action Plans on Business and Human Right [Electronic resource]. – Chile, 2017. – Mode of access: <https://www.ohchr.org/RU/Issues/Business/Pages/NationalActionPlans.aspx>. – Date of access: 10.04.2020.

Поступила в редакцию 13.07.2020

Оценка развития инклюзивного туризма на макроуровне посредством системы индикаторов

Борисенко-Клепач Н.М.

Белорусский государственный университет

В международной практике имели место отдельные попытки оценить экономический эффект от инклюзивного туризма. Анализ зарубежных подходов выявил, что авторы используют различные показатели, а также исходные данные, что затрудняет сравнение полученных результатов и отслеживание динамики.

Цель исследования – разработка системы показателей для комплексной оценки развития инклюзивного туризма на макроуровне, которая позволила бы в некоторой мере унифицировать имеющиеся подходы.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили работы зарубежных авторов, посвященные вопросам анализа экономического вклада инклюзивного туризма в национальную экономику; результаты исследований развития инклюзивного туризма, проведенных в Австралии, США, Германии, Великобритании; специализированные отчеты Европейской комиссии. В качестве основных методов применялись сравнительный анализ, систематизация, обобщение, синтез.

Результаты и их обсуждение. На сегодняшний день ни в одной стране не сформирована полная база для систематической оценки развития инклюзивного туризма, что обосновывает необходимость разработки и внедрения унифицированной системы показателей, позволяющих на постоянной основе оценивать развитие данного направления. В связи с этим автором предложена система индикаторов для экономической оценки развития инклюзивного туризма на макроуровне, состоящая из 3-х модулей (экономического, социального и модуля управления развитием инклюзивного туризма). В каждом модуле содержатся подмодули, объединяющие от 2-х до 12-ти индикаторов. В совокупности представленная система охватывает 54 индикатора.

Заключение. Предложенный в исследовании набор индикаторов позволит проанализировать развитие инклюзивного туризма в более полном объеме, поскольку затрагивает экономические, социальные, правовые и институциональные его составляющие. В совокупности анализ данных показателей на систематической основе позволит оценить уровень развития инклюзивного туризма в стране, выработать меры, необходимые для устранения проблем в данной сфере, а также будет способствовать осуществлению межстранового сравнения развития инклюзивного туризма.

Ключевые слова: инклюзивный туризм, люди с особыми потребностями, экономический вклад, система индикаторов.

Evaluation of Inclusive Tourism Development on the Macro Level Based on the Indicator System

Borysenko-Klepach N.M.

Belarusian State University

In international practice, one can find several attempts to evaluate economic impact of inclusive tourism. Analysis of foreign approaches depicted that authors use various indicators and bases for evaluation that creates difficulties in comparing the results and following the dynamics.

The aim of this work is to develop a system of indicators for a complex evaluation of inclusive tourism development on the macro level that would allow to unify the existing approaches to some extent.

Material and methods. As a basis, the author used foreign research articles dedicated to the evaluation of inclusive tourism economic impact on national economy, findings of the corresponding research carried out in Australia, USA, Germany, Great Britain, and specialized reports of the European Commission. The author used such research methods as comparative analysis, systematization, generalization and synthesis.

Findings and their discussion. Nowadays there is no complete system of analysis of inclusive tourism development in any country. This justifies the need for the development of a unified indicator system that would allow to evaluate inclusive tourism development on a systematic basis. Therefore, the author proposes a system of indicators for the economic evaluation of inclusive tourism development on the macro level. The proposed indicator system consists of three modules – economic, management and social. Each module includes sub-modules uniting from 2 to 12 indicators. In general, the system includes 54 indicators.

Conclusion. The author's indicator system will enable a more complete analysis of inclusive tourism development because it covers economic, social, legal and institutional aspects. The analysis of the proposed indicators will allow evaluating the level of inclusive tourism development in the country, developing appropriate measures to overcome existing difficulties, and in perspective comparing this sphere in different countries.

Key words: inclusive tourism, people with special needs, economic impact, indicator system.

С 90-х гг. XX века исследования инклюзивного туризма ведутся как международными (ЮНВТО, Европейская комиссия, Европейская сеть доступного туризма), так и национальными организациями, а также отдельными учеными в США, Великобритании, Австралии, Германии и других странах. Значимый вклад в развитие теоретической базы инклюзивного туризма внесли зарубежные (Дж. Боутелл, Д. Бугалис, С. Дарси, Т. Диксон, Э. Микопоулоу, С. Рейнс, А. Эмброуз и др.) и российские (А.Д. Бавельский, Н.А. Зайцева, Ю.А. Киреева, Ю.Ф. Педосюк, Д.Б. Шуравина и др.) авторы. В белорусской исследовательской практике теоретические аспекты инклюзивного туризма затрагиваются в работах немногочисленных исследователей (В.А. Клицуновой, Н.А. Лазовской).

На основе систематизации и анализа имеющихся в зарубежной и отечественной практике определений мы предлагаем следующую дефиницию: «Инклюзивный туризм – это поездки за пределы места своего постоянного проживания (в другую страну или местность в пределах своей страны) на срок менее одного года с целью отдыха, бизнеса или другой личной целью (без занятия оплачиваемой работой в посещаемом месте), основанные на социальной инклюзии и доступности (включая ее мобильные, визуальные, слуховые и когнитивные составляющие) инфраструктуры, информации и услуг для всех туристов вне зависимости от наличия у них особых потребностей постоянного или временного характера». Предлагаемое определение отличается от имеющихся учетом не только правового и инфраструктурного аспектов, но и экономической составляющей, а также социальной инклюзии и доступности как неотъемлемых элементов инклюзивного туризма.

Важно также обозначить целевой сегмент инклюзивного туризма, который, по нашему мнению, включает не только людей с инвалидностью и пожилых людей, но и такие категории, как семьи с маленькими детьми; люди с временными проблемами здоровья; беременные женщины; люди нестандартных размеров и/или роста; люди, не владеющие языком страны посещения; люди с аллергией и разного рода пищевой непереносимостью.

В международной практике имели место лишь отдельные попытки оценить экономический эффект от развития инклюзивного туризма (в США, Германии, Великобритании, ЕС), при этом в основном производилась оценка вклада инклюзивного туризма в национальную экономику. Одной из причин является отсутствие необходимой первичной информации о туристах с особыми потребностями (их количестве, специфике расходов, частоте и продолжительности поездок и т.д.). Это обусловлено тем, что стандартные под-

ходы в сборе данных о туристах, посещающих те или иные дестинации, не затрагивают вопросы наличия у них особых потребностей и их влияния на путешествие. Еще одной причиной выступает сложность оценки имеющегося предложения инклюзивных туристических услуг на международном рынке.

В связи с тем, что авторы используют различные экономические показатели в оценке вклада инклюзивного туризма, затруднительным представляется сравнение полученных данных для разных стран и анализ на международном уровне.

Цель исследования – разработка системы показателей для комплексной оценки развития инклюзивного туризма на макроуровне, которая позволила бы в некоторой мере унифицировать имеющиеся подходы.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили работы зарубежных авторов, посвященные вопросам анализа экономического вклада инклюзивного туризма в национальную экономику; результаты исследований развития инклюзивного туризма, проведенных в Австралии, США, Германии, Великобритании; специализированные отчеты Европейской комиссии. В качестве основных методов избраны сравнительный анализ, систематизация, обобщение, синтез.

Результаты и их обсуждение. Для достижения поставленной цели на первом этапе нами была произведена систематизация основных подходов, применяемых в зарубежной практике для анализа экономического вклада инклюзивного туризма – в ЕС, США, Германии, Великобритании и Австралии, которая выявила существенные различия между авторскими подходами. При этом показатели, которые использовались разными исследователями, могут быть объединены в две группы – базовые (то есть показатели, на основании которых проводились расчеты) и результирующие.

Многие авторы (Д. Бугалис, Г. Миллер, Е. Мичопулу, В. Эйхорн [1]) в качестве основы для расчетов выбирают лиц пожилого возраста старше 65 лет в стране, 70% от которых оценивается ими как потенциальный спрос на инклюзивный туризм, средние затраты на 1 человека на путешествие, на основе чего авторы рассчитывают потенциальный доход от инклюзивного туризма. По их расчетам в 2004 г. этот показатель в ЕС составлял 83 млрд евро без учета дохода, генерируемого сопровождающими лицами. Если же учитывать, что туристы с особыми потребностями путешествуют в сопровождении родственников и/или друзей, то авторы полагают, что потенциальный доход от инклюзивного туризма в 2004 г. составлял 166 млрд евро [1]. Позднее английский исследователь Дж. Боутелл по той же методике

рассчитал перспективы роста данного показателя до 2025 г. Согласно его расчетам потенциальные доходы от инклюзивного туризма к 2025 г. должны составить 132,8 млрд евро без учета компаньонов и 265,7 млрд евро с учетом сопровождающих лиц [2].

В исследовании, которое было проведено по инициативе Министерства экономики Германии в 2004 г., в качестве базовых показателей использовались количество людей с инвалидностью, интенсивность их путешествий, среднее количество поездок в год, количество поездок людей с инвалидностью внутри Германии, количество дней в году, проводимых в поездках, и средние расходы в день. На основе данных показателей был рассчитан чистый оборот от инклюзивного туризма, который составил 2,5 млрд евро, вклад инклюзивного туризма в национальный доход (0,1%) и занятость (65 тысяч рабочих мест) [3].

В США при анализе развития инклюзивного туризма в качестве базовых показателей оценивались доля людей с инвалидностью, которые путешествуют, средние расходы на путешествие, средний размер группы и количество поездок. На основе этих данных рассчитывались расходы на путешествия данного сегмента потребителей. Как видно из таблицы 1, за период с 2002 по 2015 г. этот показатель вырос на 27%.

Национальная туристическая администрация Великобритании оценивает количество поездок людей с инвалидностью, а также групп, где кто-либо из участников имеет инвалидность, средние расходы на путешествия таких туристов и среднюю продолжительность их путешествия, что позволяет рассчитать вклад инклюзивного туризма во внутренний туризм, долю в общем объеме поездок и поездок внутри страны, а также долю инклюзивного туризма в структуре всех расходов на туризм. Отличительной чертой Великобритании является наличие систематического сбора статистики о данном сегменте, поскольку вопросы, связанные с возрастом и инвалидностью, включены в стандартные национальные опросы внутренних и въездных туристов. В период с 2015 по 2018 г. расходы на путешествия туристов с инвалидностью в Великобритании возросли на 26,7% (с 12 до 15,2 млрд фунтов). Основной рост пришелся на однодневные поездки, что проиллюстрировано на рисунке 1, при этом их доля в структуре всех однодневных поездок в 2018 г. составила 20%, что на 2% больше, чем в 2015 г.

В Европейском союзе единовременное исследование экономического вклада инклюзивного туризма было опубликовано в 2015 г. [8]. В качестве базовых показателей в исследовании

Таблица 1 – Динамика развития инклюзивного туризма в США

Показатели	2002 г.	2015 г.
<i>Базовые показатели</i>		
Количество поездок	63 млн	73 млн
Доля туристов с инвалидностью, которые путешествуют (% от общего числа людей с инвалидностью)	71%	71%
Средние расходы на путешествие (в долларах США)	430	500
Средний размер группы	2 человека	2,7 человека
<i>Результирующий показатель</i>		
Расходы на путешествия (в долларах США)	13,6 млрд	17,3 млрд

Источник: составлено автором на основе [4; 5].

Рисунок 1 – Динамика расходов на путешествия людей с инвалидностью в Великобритании в 2015–2018 гг. (в млрд фунтов)

Источник: составлено автором на основе [6; 7].

применялись расходы на путешествие людей с особыми потребностями, частота их путешествий, склонность к путешествиям, спрос на инклюзивный туризм (в поездках), что позволило оценить валовый и чистый оборот, валовую добавленную стоимость и вклад в занятость, генерируемые инклюзивным туризмом. Согласно данным исследования, общий экономический вклад инклюзивного туризма (включая прямой, косвенный и индуцированный) за 2012 г. составил 786 млрд евро, при этом общий вклад в занятость составил 8,7 млн человек. В исследовании также был сделан прогноз изменения спроса на инклюзивный туризм в ЕС на период с 2012 по 2020 г. Если оценивать спрос в количестве поездок, то в 2012 г., по данным Еврокомиссии, он составлял 782,8 тысячи поездок и по прогнозам до 2020 г. он должен был увеличиться на 10% [8].

Наиболее полным и всеобъемлющим выглядит подход, используемый австралийскими исследователями С. Дарси и Л. Дуаером [9], которые опираются в своих подсчетах на вспомогательный (сателлитный) счет туризма и рассматривают такие агрегирующие показатели, как:

- вклад путешествий туристов с инвалидностью в валовую добавленную стоимость туризма;
- вклад путешествий туристов с инвалидностью в туристический ВВП;
- вклад путешествий туристов с инвалидностью в прямую занятость в туризме.

Данный подход является наиболее полным, поскольку вспомогательный счет туризма позволяет сформировать данные, характеризующие масштаб и экономическую значимость сферы туризма в стране, с помощью данного инструмента

Таблица 2 – Экономический вклад инклюзивного туризма в Австралии (2010 г.)

	Расходы туристов с инвалидностью (млрд долларов США)	Вклад в валовую добавленную стоимость туризма (млрд долларов США)	Вклад в туристический ВВП (млрд долларов США)	Вклад в прямую занятость в туризме (рабочие места)
Вариант 1				
Поездки с ночлегом	4,82	1,84	2,32	31,381
Однодневные поездки	1,60	0,56	0,80	10,087
Выездной туризм	0,22	0,08	0,10	1446
Въездной туризм	1,39	0,59	0,65	8906
ИТОГО	8,03	3,08	3,89	51,82
Вариант 2				
Поездки с ночлегом	8,77	3,34	4,23	57,056
Однодневные поездки	1,60	0,56	0,80	10,087
Выездной туризм	0,22	0,08	0,10	1446
Въездной туризм	1,39	0,59	0,65	8906
ИТОГО	11,98	4,58	5,79	77,495

Источник: составлено автором на основе [11, р. 229–234].

осуществляется оценка прямого вклада туризма в экономику страны, определяется уровень и отдельные характеристики занятости в сфере туризма. Использование вспомогательного счета позволяет расширить границы и повысить качество статистики туризма, а также уровень ее международной сопоставимости [10].

Необходимо подчеркнуть, что экономический вклад инклюзивного туризма был рассчитан С. Дарси и Л. Дуаером в двух вариантах. В первом случае за основу расчетов были взяты данные национального опроса посетителей, которые выявили, что 11% всех туристов, путешествующих с ночлегом, приходилось на людей с инвалидностью. Во втором варианте авторы отталкивались от того, что в Австралии 20% населения имеют инвалидность, как следствие, потенциально 20% всех путешествий с ночлегом может приходиться на людей с инвалидностью. В данном случае в результате подсчетов авторы получили максимально возможное значение экономического вклада инклюзивного туризма в экономику Австралии (таблица 2). Приведенные в таблице 2 данные позволяют установить, что вклад инклюзивного туризма в валовую добавленную стоимость туризма колеблется в диапазоне от 12,27 до 15,6%, в туристический ВВП – от 11,02 до 16,41%, в прямую занятость в туризме – от 11,6 до 17,3% [11, р. 235].

Анализ представленных выше подходов позволяет выявить следующее:

– в каждом случае авторы используют различные показатели при расчетах, однако чаще всего расчеты базируются на средних расходах туристов с особыми потребностями на один день либо на путешествие в целом;

– в большинстве случаев учитывается экономический эффект, генерируемый сопровождающими (членами семьи, друзьями и т.д.), для чего авторами применяется мультипликатор (от 0,5 до 2);

– во всех случаях учитываются различные сегменты туристов с особыми потребностями. Например, в Великобритании учитываются группы туристов, где один или более участников имеет инвалидность или проблемы со здоровьем. В расчетах авторов Дж. Боутелла, Д. Бугалиса, Г. Миллера, Е. Мичопулу, В. Эйхорн – люди старше 65 лет;

– в качестве результирующих показателей используются потенциальный доход от инклюзивного туризма, валовый и чистый оборот, вклад инклюзивного туризма в валовую добавленную стоимость, ВВП и занятость;

– одной из основных проблем при расчете экономического вклада инклюзивного туризма выступает отсутствие необходимой статистической базы. В рассматриваемых нами случаях для получения базовых показателей либо проводились единовременные исследования (Германия, США, ЕС), либо вопросы, связанные с путешествиями людей с инвалидностью, были включены в национальный опрос туристов (Великобритания, Австралия), то есть речь идет о двух методах сбора информации – статистическом и репрезентативном.

Система индикаторов для оценки развития инклюзивного туризма на макроуровне. Во-первых, для системной оценки экономического

вклада инклюзивного туризма необходимо обеспечить постоянный сбор данных о путешествиях туристов с особыми потребностями на национальном уровне. Наиболее оптимальным способом выступает включение вопросов, затрагивающих особые потребности туристов, в постоянные опросы туристов, проводимые в стране, что позволит получить наиболее полную статистическую информацию о расходах туристов и особенностях их путешествий на систематической основе.

Во-вторых, прослеживается определенная односторонность подходов к экономической оценке инклюзивного туризма. Так, в большинстве случаев рассматривается только экономический эффект от путешествий туристов с инвалидностью либо пожилых людей, в то время как не анализируется предложение услуг инклюзивного туризма. Более того, экономический вклад от развития инклюзивного туризма, по мнению автора, целесообразно анализировать в совокупности с факторами, прямо и косвенно влияющими на его развитие на макроуровне (например, государственное управление, общественная инфраструктура, общественный и арендный транспорт, социальные аспекты и т.д.), что позволяет произвести многостороннюю оценку. Это обусловлено спецификой данного направления, поскольку для эффективного обеспечения доступности всей цепочки туристических услуг должна присутствовать в том числе доступность сопутствующей

Рисунок 2 – Структура системы индикаторов для оценки развития инклюзивного туризма
 Источник: составлено автором.

инфраструктуры (транспорта, улиц, магазинов и т.д.), информационная доступность и т.д. Анализ в таком ракурсе позволяет выявить проблемные вопросы и разработать необходимые меры в сфере повышения доступности туризма для всех.

В связи с этим автор предложена система индикаторов для экономической оценки развития инклюзивного туризма на макроуровне, состоящая из 3-х модулей: а) экономический модуль; б) модуль управления развитием инклюзивного туризма; в) социальный модуль. Общая структура предлагаемой системы представлена на рисунке 2. Как видно из рисунка 2, в каждом модуле содержатся подмодули, объединяющие от 2-х до 12-ти индикаторов. В совокупности предлагаемая система охватывает 54 индикатора.

Экономический модуль. В экономическом модуле предлагается оценивать предложение инклюзивных туристических услуг через долю турфирм, оказывающих услуги инклюзивного туризма в структуре всех турфирм; долю адаптированных гостиничных номеров; туристических автобусов; санаторно-курортных учреждений; достопримечательностей и т.д., что в совокупности составляет 12 показателей. Непосредственно взаимосвязанный с предложением подмодуль – это дополнительные инфраструктурные показатели, под которыми понимается доля адаптированных улиц, общественных мест и зданий, спортивных объектов, транспортных средств и т.д. (в совокупности 7 индикаторов). Данная группа индикаторов не имеет прямого отношения к предложению инклюзивных туристических услуг, однако наличие отдельных доступных туристических объектов при отсутствии общей доступности окружающей среды не позволяет туристам с особыми потребностями посещать туристические объекты и, как следствие, негативно отражается на развитии инклюзивного туризма.

Третий подмодуль – это спрос на инклюзивный туризм. В данном подмодуле автор предлагает 8 индикаторов, среди которых доля людей с особыми потребностями в структуре населения страны; средние доходы людей с особыми потребностями; средние расходы на 1 день путешествия; средняя продолжительность поездки туристов с особыми потребностями и т.д.

В подмодуле «Занятость» предлагается оценивать вклад инклюзивного туризма в прямую занятость в туризме, а также долю трудоустроенных в туризме людей с особыми потребностями.

В качестве результирующих экономических показателей для оценки экономического вклада инклюзивного туризма на макроуровне автор предлагает использовать: а) долю туристов с особыми потребностями в общем турпоток; б) долю расходов туристов с особыми потребностями в структуре всех расходов туристов;

в) вклад инклюзивного туризма в туристический ВВП; г) вклад инклюзивного туризма в валовую добавленную стоимость туризма.

Модуль управления развитием инклюзивного туризма. В структуре данного модуля предлагаемые индикаторы отражают наличие либо отсутствие соответствующих элементов, прямо или косвенно связанных с процессом управления развитием инклюзивного туризма на макроуровне, среди которых:

– отдел либо ответственное лицо по вопросам доступности туризма в структуре профильного министерства, а также межведомственного органа, занимающегося вопросами развития инклюзивного туризма;

– специализированные общественные организации инклюзивного профиля и их участие в принятии решений в данной области;

– законодательные акты, стандарты и т.п., прямо либо косвенно регулирующие развитие инклюзивного туризма в стране;

– система сбора статистических данных, характеризующих развитие данного направления и позволяющих проводить его экономическую оценку;

– система поддержки развития инклюзивного туризма (например, кредитов, субсидий, налоговых льгот, информационного сопровождения, системы обучения, наград и т.д.).

Социальный модуль. С социальной точки зрения под инклюзией понимается полноценное включение людей в жизнь общества, в том числе в образование, трудовую деятельность, социальную жизнь и т.д. Туризм и досуг также являются элементами социальной инклюзии.

Уровень инклюзии в стране косвенно указывает на вовлеченность людей инвалидностью и иными особыми потребностями в туризм и досуг, отражает открытость и готовность общества к реализации их права на отдых наравне со всеми гражданами. Поэтому при разработке политики развития инклюзивного туризма необходимо учитывать и социальные параметры, которые нашли свое отражение в предлагаемом социальном модуле. В него входит 4 индикатора, косвенно влияющих на развитие инклюзивного туризма, а именно доля трудоустроенных людей с особыми потребностями в структуре всех людей с особыми потребностями; участие людей с особыми потребностями в принятии общественно важных решений; доля населения, позитивно относящегося к людям с особыми потребностями; доля людей с особыми потребностями, вовлеченных в социальную жизнь.

Из предлагаемых нами 54-х индикаторов на современном этапе в ЕС оценивается 12 показателей, в Австралии – 11, в Великобритании, Германии, США, России, Украине – менее 10. В основном

это индикаторы, отражающие спрос и экономический эффект от инклюзивного туризма.

В Беларуси анализируется 8 показателей из предлагаемых автором (доля расходов на безбарьерную среду в бюджете, доля адаптированных номеров в гостиницах, доля людей с особыми потребностями в структуре населения страны, доля доступных общественных мест и зданий, доля адаптированных транспортных средств (общественный транспорт), доля адаптированных транспортных терминалов (вокзалов, аэропортов и т.д.), доля трудоустроенных людей с особыми потребностями в структуре всех людей с особыми потребностями). Однако необходимо подчеркнуть, что не все из этих показателей анализируются на постоянной основе, в ряде случаев имеют место лишь разовые оценки.

Авторская система характеризуется значительным числом индикаторов, что в некоторой мере осложняет ее практическое внедрение. Однако именно многосторонняя оценка развития инклюзивного туризма позволяет принимать обоснованные решения по управлению данной сферой. В то же время в странах, где имеется сложившаяся система национальных опросов туристов, довольно просто дополнить ее рядом вопросов, связанных с особыми потребностями, что позволит получить необходимые данные для анализа экономического эффекта инклюзивного туризма. В то же время в странах, где подобной системы нет, анализ может быть затруднителен.

Предлагаемая система индикаторов охватывает как экономические, так и управленческие, а также социальные аспекты, что до сих пор не учитывалось, и позволит унифицировать анализ развития инклюзивного туризма на макроуровне. Предлагаемый набор индикаторов является инструментом мониторинга и сбора информации, который позволит управлять развитием инклюзивного туризма на основе принципов устойчивости и инклюзии, принимая обоснованные решения о приоритетных направлениях и мероприятиях в данной сфере.

Заключение. На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что на сегодняшний день ни в одной стране не сформирована полная база для систематической оценки развития инклюзивного туризма, что обосновывает необходимость разработки и внедрения унифицированной системы показателей, позволяющих на постоянной основе оценивать развитие данного направления.

Предложенный нами многосторонний анализ позволит анализировать развитие инклюзивного туризма в более полном объеме, поскольку затрагивает экономические, социальные, правовые и институциональные его факторы (госорганы, общественные организации). Немаловажное место отводится наличию законодательства и

стандартов в области обеспечения доступности в туризме, системы поддержки со стороны государства (экономической, информационной, образовательной). В совокупности анализ данных показателей на систематической основе позволит оценивать уровень развития инклюзивного туризма в стране, вырабатывать меры, необходимые для устранения проблем в данной сфере, а также осуществлять межстрановое сравнение развития инклюзивного туризма. В перспективе при внедрении подобного инструмента анализа можно говорить о возможности проведения ранжирования стран по уровню развития инклюзивного туризма, что будет способствовать формированию благоприятного странового имиджа на рынке международного туризма.

Литература

1. Buhalis, D. OSSATE Accessibility Market and Stakeholder Analysis [Electronic resource] / D. Buhalis, V. Eichhorn, E. Michopoulou, G. Müller // European Network for Accessible Tourism. – Mode of access: http://www.accessibletourism.org/resources/ossate_market_analysis_public_final.pdf. – Date of access: 25.06.2016.
2. Bowtell, J. Assessing the value and market attractiveness of the accessible tourism industry in Europe: a focus on major travel and leisure companies / J. Bowtell // Journal of Tourism Futures. – 2015. – Vol. 1, iss. 3. – P. 203–222.
3. Economic Impulses of Accessible Tourism for All. Study commissioned by the Federal Ministry of Economics and Technology. Summary of results, 2004 [Electronic resource] // Federal Ministry for Economic Affairs and Energy. – Mode of access: <http://www.bmwa.bund.de/Redaktion/Inhalte/Pdf/doku-526-en,property=pdf>. – Date of access: 10.03.2015.
4. Marketing Outlook Forum 2015 – Open Doors Organization (ODO) Forecast [Electronic resource] // Open Doors Organization. – Mode of access: <http://opendoorsnfp.org/wp-content/uploads/2016/05/ODOMarketingForecast2015.pdf>. – Date of access: 07.04.2017.
5. New Market Study: Disability Travel Generates US\$17.3 Billion in Annual Spending [Electronic resource] // European Network for Accessible Tourism. – Mode of access: <http://www.accessibletourism.org/?i=enat.en.news.1812>. – Date of access: 18.04.2017.
6. The Purple Pound Volume and Value of Accessible Tourism in England [Electronic resource] // VisitBritain. – Mode of access: https://www.visitbritain.org/sites/default/files/vb-corporate/ve_purplepound2016_d3.pdf. – Date of access: 08.03.2017.
7. The value of the Purple Pound [Electronic resource] // VisitBritain. – Mode of access: <https://www.visitbritain.org/business-advice/value-purple-pound>. – Date of access: 15.04.2020.
8. Economic impact and travel patterns of accessible tourism in Europe [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/DocsRoom/documents/5566/attachments/1/translations>. – Date of access: 03.04.2017.
9. Dwyer, L. The Economic Contribution of Accessible Tourism to the Australian Economy [Electronic resource] / L. Dwyer, S. Darcy // Visitor Accessibility in Urban Centres. – Mode of access: https://www.academia.edu/281658/Visitor_Accessibility_In_Urban_Centres. – Date of access: 16.04.2017.
10. Методологические положения по построению вспомогательного счета туризма Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/metodology/vspo_schet_turizma-20170525.pdf. – Дата доступа: 28.12.2019.
11. Buhalis, D. Accessible tourism: Concepts and Issues / D. Buhalis, S. Darcy. – Channel View Publications, 2011. – 336 p.

Поступила в редакцию 04.05.2020

Влияние внешней, внутренней и маятниковой миграции населения на рынок труда Республики Беларусь

Забродская Н.Г.¹, Липницкий Л.А.²

¹Учреждение образования «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники»

²Международный государственный экологический институт имени А.Д. Сахарова БГУ

Характерным явлением последних десятилетий для Республики Беларусь, как и других стран мира, становится внешняя, внутренняя и маятниковая миграция. Миграция возникает по ряду причин, включая уровень и качество жизни, социальное неравенство, экономическое развитие регионов, требования рынка и уровень квалификации населения.

Цель статьи – проанализировать влияние миграции населения на рынок труда Республики Беларусь и разработать рекомендации по его совершенствованию.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили статистические данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, государственные программные и нормативные документы, электронные информационные ресурсы, публикации специалистов в периодических изданиях. Основные методы исследования: статистическое сравнение, анализ и синтез, программно-целевой метод.

Результаты и их обсуждение. В работе раскрываются причины возникновения и развития миграционных процессов в республике, анализируются процессы перемещения трудовых ресурсов внутри страны и за ее пределы, детально рассматриваются маятниковая миграция и урбанизация, изменение существующей системы занятости, недостаток квалифицированных кадров и безработица, предлагаются возможные пути решения проблем внешней и внутренней миграции.

Заключение. Эффективное управление процессами миграции, сохранение и развитие трудовых ресурсов возможно лишь при оптимальном соотношении всех факторов, способствующих их развитию как в отдельных регионах, так и в республике в целом. Принятие мер по сохранению рабочей силы на местах, привлечению высококвалифицированных кадров из-за рубежа, разработке программы развития регионов будет благоприятствовать повышению качества жизни населения.

Ключевые слова: миграция, рынок труда, трудовые ресурсы, численность населения, урбанизация, город, занятость.

The Impact of External, Internal and Pendulum Migration on the Labor Market of the Republic of Belarus

Zabrodskaya N.G.¹, Lipnitski L.A.²

¹Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics

²International Sakharov Environmental Institute of BSU

A characteristic phenomenon of the last ten years for the Republic of Belarus, as well as other countries of the world, is external, internal and pendulum migration. Migration occurs for a number of reasons, including the level and quality of life, social inequality, the economic development of regions, market requirements and the level of qualification of the population.

The purpose of the article is to analyze the impact of population migration on the labor market of the Republic of Belarus and to work out guidelines for its improvement.

Material and methods. The material for the study was the statistical data of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus, state program and regulatory documents, electronic information resources, publications of specialists in periodicals. The basic research methods were statistical comparison, analysis and synthesis, the program purpose method.

Findings and their discussion. The article discusses the causes and development of migration processes in the Republic, analyzes the processes of labor movement within the country and abroad, examines in detail pendulum migration and urbanization, changes in the existing employment system, shortage of qualified personnel and unemployment. Possible solutions to external and internal migration problems are offered.

Conclusion. Effective management of migration processes, conservation and development of labor resources is possible only with an optimal ratio of all the factors contributing to their development in both individual regions and the Republic as a whole. Taking measures to preserve the workforce locally, to attract highly qualified personnel from abroad, and to elaborate the Region development program will be conducive to the improvement of the quality of life.

Key words: migration, labor market, labor resources, population, urbanization, city, employment.

Миграция выражается в перемещении населения из одного региона страны в другой и, как правило, связана с передвижением больших групп на относительно дальние расстояния: большие группы людей перемещаются из малых населенных пунктов в крупные города.

Причиной указанных явлений выступает ряд процессов, обусловленных как общемировыми, так и тенденциями, характерными для Республики Беларусь. Среди них необходимо отметить следующие: снижение уровня и качества жизни периферийных регионов, увеличение социального неравенства между населением крупных мегаполисов и городов и регионами, ослабление уровня экономического развития последних; ухудшение материальной и технической базы градообразующих и обслуживающих предприятий и организаций, ухудшение профессиональной квалификации жителей регионов, их демографические характеристики.

Процессы миграции влияют не только на демографическую ситуацию, но и на рынок труда и социально-экономическое развитие государства. Миграция трудовых ресурсов помогает правительствам стран решать проблемы насыщения рынка рабочей силой, ускорять экономическое развитие, менять инвестиционный климат и уровень безработицы.

Значимость трудовой миграции особенно возросла после создания Евразийского экономического союза, в котором трудящиеся могут перемещаться из одного государства в другое без получения разрешения [1].

Цель статьи – проанализировать влияние миграции населения на рынок труда Республики Беларусь и разработать рекомендации по его совершенствованию.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили статистические данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, государственные программные и нормативные документы, электронные информационные ресурсы, публикации специалистов в периодических изданиях. Основные методы исследования: статистическое сравнение, анализ и синтез, программно-целевой метод.

Результаты и их обсуждение. На фоне снижающейся за последнюю четверть века численности населения Республики Беларусь на 700 тысяч

человек наблюдается устойчивый рост миграционных процессов. Доля городского населения имеет устойчивую тенденцию к росту. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2019 г. в стране проживало 9,475 млн человек, городское население составляло 78,4%, сельское – 21,6% [2]. Доля женского населения превышает почти на 7% долю мужского населения, а доля людей пенсионного возраста составляет 25% от общей численности населения. Количество людей нетрудоспособного возраста имеет тенденцию к росту как в абсолютных числах, так и в относительных на фоне постепенного снижения численности населения. Одновременно доля молодого поколения снижается. За последние 10 лет количество людей в возрасте до 15 лет снизилось на 300 тыс. человек, а количество пенсионеров наоборот возросло на 225 тыс. человек. Эти тенденции еще более выражены в малых городах и сельских населенных пунктах.

При проведении сравнения экономического неравенства различных стран необходимо отметить, что наша республика оказывается на относительно благополучных позициях, однако существенны различия между населением, проживающим в различных регионах и относящимся к различным возрастным группам. По данным Всемирного банка, по минимальному значению коэффициента разброса располагаемого дохода Беларусь находится на 7-м месте среди 35-ти европейских стран [3]. Разница в потреблении на одного человека между четвертями населения самой богатой и самой бедной областей составляет порядка двух третей от среднего потребления по стране, при этом около 4% семей находятся за чертой бедности. Наименее оплачиваемым трудом характеризуется население, задействованное в социальной сфере, сельском хозяйстве, лесном и рыбном хозяйстве. Наименьшая средняя заработная плата в январе 2020 г. отмечалась у работников Могилевской области – 920,4 рубля.

Наблюдается и рост интерквартильного разрыва на уровне районов и областей республики. Так, в 20% районов, где проживает около 60% населения, находится около 70% всей выпускаемой в нашей стране промышленной продукции. Каждое пятое предприятие, имеющее государственную долю собственности, является убыточным, а общий долг всех областей, не считая Минскую, по этой причине превышает допустимый порог безопасности.

Международной глобальной компанией Nielsen, начиная с 2005 г., проводятся исследования потребителей и рынков различных стран с использованием трех показателей: восприятие потребителями возможностей на рынке труда, оценки ими собственной финансовой ситуации и готовности расходувать свои деньги.

По сведениям Nielsen, которая предоставляет данные и аналитику для наиболее полноценного изучения потребителей и рынков, Беларусь переместилась с 6-го на 4-е место среди наиболее пессимистично настроенных стран в мире, принимавших участие в исследовании [4]. Число людей, которые в III квартале 2018 г. позитивно оценивали ситуацию на рынке труда, составляло 14%, при этом 86% опрошенных считали, что экономика страны находится в рецессии. Значительная часть населения (68%) продолжает экономить, а 24% стараются сберечь свои средства. Среди основных факторов, волнующих белорусов в экономической сфере, являются состояние народного хозяйства (26%), рост цен в коммунальной сфере (24%), рост цен на продукты питания (21%) и перспективы сохранения работы (18%).

Миграция населения и рынок труда. Отсутствие достоверных методик не позволяет получить точную информацию об уровне занятости населения в Беларуси, маятниковой и внешней миграции, качественно оценить развитие ситуации в этой области. По данным органов по труду, занятости и социальной защите, количество зарегистрированных безработных в Республике Беларусь составляет 0,5% от общего числа рабочей силы. Уровень безработицы, рассчитанный Национальным статистическим комитетом по методике Международной организации труда, на IV квартал 2019 г. составил 4%, а численность занятого населения по отношению к численности населения в возрасте 15–74 лет на этот же момент составила 67,7% по результатам выборочного обследования домашних хозяйств.

За последние годы неуклонно растет число граждан, официально работающих за пределами страны. Так, за период с 2015 по 2018 г. это число возросло в 2,4 раза и составило 95,4 тысячи человек [5]. В то же время, по данным Глобальной ассоциации экспертов по миграционной политике, в Российской Федерации трудится около 1 млн белорусских граждан и еще около 0,5 млн в других странах, прежде всего в Польше, Литве, Казахстане [6]. Столь большие разбежки в данных связаны с тем, что в отношении граждан Республики Беларусь в Российской Федерации не применяется порядок регулирования привлечения иностранной рабочей силы и ряд граждан работает на нелегальных условиях.

Достоверный учет миграции трудовых ресурсов внутри нашей страны на сегодняшний день также практически отсутствует. Регистрация численности маятниковой трудовой миграции ведется Министерством внутренних дел на основании информации, поданной гражданами на добровольной основе.

Причины маятниковой миграции и урбанизации. Маятниковая миграция – процесс постоянных поездок граждан из одного населенного пункта в другой с целью учебы или работы. Данный вид перемещений связан с несоответствием мест жительства населения и сосредоточения производств, сферы услуг и других организаций, предоставляющих занятость гражданам. Наиболее характерна маятниковая миграция для пригородных районов, а также крупных мегаполисов с большим количеством городов, примыкающих к ним.

До начала активного развития транспортной инфраструктуры и роста промышленного производства (середина XIX – начало XX века) трудоустройство населения осуществлялось в пределах шаговой доступности. Подавляющая часть населения была занята в сфере сельского хозяйства. Незначительная часть населения занималась активной миграцией, связанной с их трудовой деятельностью в торговле.

Для Беларуси были характерны процесс роста миграционных потоков и обусловленная этим урбанизация. Уже с конца XIX в. постепенно начался процесс переселения сельских жителей в город в связи с ростом промышленности и сферы обслуживания городского населения. В начале 70-х годов XX в. наметился новый этап урбанизации и переселения жителей республики в крупные города и столицу, которые предоставляли большие возможности в области учебы, работы, условий жизни и досуга населения.

С начала XXI в. пошел процесс активной субурбанизации столицы республики, где сосредоточено, по результатам переписи населения 2019 г., более 2 млн человек и куда осуществляется массовая маятниковая миграция населения из ближайших населенных пунктов. В данный миграционный процесс попадает население, проживающее в 1,5-часовой транспортной доступности от столицы. Минская агломерация затрагивает 11 прилегающих районов и включает 12 городов и 10 поселков городского типа. Из них в 2014 г. шесть населенных пунктов приобрели официальный статус городов-спутников Минска. Так, по результатам опроса населения г. Молодечно, каждый третий трудоспособный житель этого города работает в г. Минске, затрачивая несколько часов на дорогу.

Как показывает мировой опыт, субурбанизация проходит ряд этапов. На первом из них вокруг

центра города организуются спальные районы и пригородные жилые поселки, в которых сосредотачивается основная часть населения, работающая в мегаполисе. При этом потоки маятниковой миграции направлены из периферии города в его центр, где сосредоточено основное количество предприятий и организаций. На втором этапе, по мере того как центр города более не в состоянии принимать большое количество трудовых ресурсов и развиваться дальше, начинает активно развиваться инфраструктура на периферии с появлением городов и поселков-спутников. В такой ситуации маятниковая миграция начинает менять свое направление, постепенно переориентируясь на индустриальное развитие периферийных районов и спутников мегаполиса.

Для Республики Беларусь необходимо констатировать первый этап субурбанизации, что подтверждается имеющимися в настоящее время тенденциями миграции трудовых ресурсов в областные центры и столицу из близлежащих или периферийных районов страны. Связанная с этим тенденция многоэтажной застройки и создание крупных населенных микрорайонов могут иметь в ближайшей перспективе негативные последствия, поскольку крупные города не смогут в дальнейшем обеспечить сконцентрированные здесь трудовые ресурсы рабочими местами и в достаточной мере развитыми инфраструктурой и транспортным сообщением.

Намеченное на ближайшую перспективу развитие городов-спутников будет способствовать привлечению людей перспективами трудового, социального и культурного развития. Застройка таких городов должна учитывать ошибку развития мегаполисов, ориентироваться на малоэтажную застройку с комфортными условиями для проживания, льготами на кредитование строительства, развитой сферой обслуживания, лучшей экологической ситуацией.

Изменение существующей системы занятости. Анализ процессов, происходящих на рынке труда за последние десятилетия, показывает, что наблюдается существенная трансформация традиционной системы занятости. Если еще несколько десятков лет тому назад основной формой занятости населения были массовое производство и вовлечение подавляющей части населения в конвейерный ритм производства, то в дальнейшем с ростом автоматизации, компьютерной техники и робототехнических производств без участия человека начали отмечаться процессы постепенного вытеснения людей из сферы производства и развития сферы услуг. Если ранее промышленно развитые страны стремились вывести свои производственные мощности

в страны третьего мира с целью сокращения затрат на выпуск товара, то по мере удешевления технологий и замены человека машиной необходимость переноса конвейерных производств в другие страны постепенно начинает отпадать. Общество постепенно превращается из индустриального в информационное [7].

Особенно актуальна необходимость такого перехода в последнее время, когда в условиях развитого промышленного производства и рынка потребления из-за неожиданно возникающих факторов, таких как пандемические заболевания и другие дестабилизирующие ситуации, возникают проблемы привлечения людских трудовых ресурсов, что подстегивает производителей к использованию в промышленности высокотехнологичных робототехнических комплексов.

В то время как в развитых странах происходит рост обеспеченной части населения, задумывающегося о доходе, гарантирующем им определенный уровень комфорта и благосостояния, в развивающихся странах отмечается избыточное количество рабочей силы, вызывающее резкое расслоение общества и соответствующую напряженность в социальной сфере. При этом для всех экономик остается характерным то, что население разделяется на определенные ниши со своими горизонтальными связями с учетом своего образовательного уровня и культурных особенностей.

Развитие информационной направленности в экономике находит востребованность в достаточно широких слоях общества, которое меняет свое отношение к имеющемуся у него свободному времени. Данный процесс позволяет в изменяющемся рынке труда инвестировать капитал в развитие сфер занятости, связанных с образовательными услугами, досугом и сферой обслуживания.

Появившееся понятие культурного капитала несет за собой определенный пласт нематериальных потребностей, которые в информационной экономике могут быть восполнены достаточно широким спектром услуг с соответствующим наполнением их высокоинтеллектуальными трудовыми ресурсами.

Рынок труда постепенно переходит из сферы промышленных экономик в сферу интеллектуальных проектных решений с набором творческих коллективов. Преуспевающему развитию предприятий и институтов способствует в таком случае смещение профессиональных качеств занятого населения в сторону творческого сознания, способности разрешать нестандартные ситуации, гибкости, инициативности и адаптивности к происходящим изменениям на рынке.

Развитие данных изменяющихся тенденций постепенно, хотя и недостаточно быстро проис-

ходит в Беларуси. В трудовом законодательстве страны появляются новые профессии, отражающие потребности интеллектуального развития общества.

В 2019 г. были внесены изменения в Трудовой кодекс, регламентирующие деятельность тех, кто связан с удаленной занятостью, а в начале 2020 г. данное законодательство вступило в силу. Первоначально не воспринятая многими менеджерами и компаниями новая возможность организации труда получила неожиданную актуальность весной 2020 г. в связи со вспышкой Covid 19 и заставила руководителей задуматься о новых способах организации интеллектуального труда, скорректировать трудовые отношения на предприятии и даже подумывать об экономии на аренде помещений.

Примером высокоэффективного использования интеллектуального труда в Беларуси является Парк высоких технологий, резко повысивший престижность интеллектуальной занятости в стране и доказавший возможность ее активного развития в Беларуси. Объем экспортных услуг только в 2019 г. составил около 2,2 млрд долларов США и вырос за год на 50% [8]. При этом информационная сфера в январе 2020 г. обеспечила самый высокий прирост ВВП (0,4%), тогда как промышленное производство имело самые низкие показатели (-1,5%) среди других сфер экономики Беларуси.

Столь высокие показатели в сфере экспорта информационных услуг, тем не менее, пока не нашли соответствующего отражения в национальной экономике, чему есть ряд препятствующих причин:

- необходимость оптимизации всех процессов на предприятиях и в управляющих организациях, препятствующих цифровизации экономики;

- изменение мышления работников и менеджеров, привыкших работать по старым схемам и не понимающих необходимости развития информационных технологий и систем;

- устаревшее оборудование, недостаток финансирования и поддержки новых технологий.

Белорусская экономика пока стоит в начале процесса информатизации, уступая многим развитым странам. Актуальными для предприятий республики, дающими высокую экономическую отдачу от внедрения информационных технологий, являются следующие направления:

- создание единых цифровых моделей предприятий и их интеграция в региональную, ведомственную и республиканскую информационные системы;

- создание единой цифровой системы финансово-хозяйственной деятельности, начиная с облачного электронного сервиса бухгалтерского и кадрового учета и обмена информацией;

- внедрение единых экономических и информационных баз данных;

- создание единых систем интеллектуального управления технологическими процессами производства и учета энергоресурсов.

Недостаток квалифицированных кадров и безработица. По данным Национального статистического комитета, в Беларуси ежегодно идет снижение процента официально зарегистрированных безработных [9]. При этом среди них мужчин на 70–75% больше, чем женщин, безработица больше распространена среди городского населения и среди молодежи до 30 лет, где составляет более половины среди всех зарегистрированных безработных. Снижение безработицы не сопровождается ответным ростом занятых в экономике республике. Указанные факторы напрямую связаны с процессом трудовой миграции, когда часть активного и трудоспособного населения выезжает в поисках работы в соседние страны, преимущественно Россию, Польшу и Литву. Такая миграция отрицательно влияет на местный рынок труда, который лишается молодых и квалифицированных кадров. Данная ситуация приводит в первую очередь к дефициту высококвалифицированных кадров, связанному, с одной стороны, с отмеченной постепенной информатизацией экономики, а с другой – с оттоком этих кадров за рубеж.

Дефицит квалифицированных кадров может стать одним из главных среднесрочных рисков для экономики. Обсуждение проблемы намечающейся нехватки профессиональной рабочей силы ведется уже несколько лет, однако кардинальных шагов, которые реально помогли бы изменить процесс, пока не было предпринято. Низкий уровень заработной платы, по сравнению со странами-соседками, осложняет данную ситуацию. Правительство вынуждено принимать экстренные меры в попытке затормозить нарастающий процесс миграции, такие как повышение заработной платы медицинским работникам и строителям путем повышения тарифных ставок на 30% в 2019 г.

Вопрос подготовки и переподготовки квалифицированных кадров могла бы решить система образования, однако на нынешнем этапе она не готова изменяться в связи с быстро меняющимися особенностями рынка труда. Возможным вариантом решения может служить опыт европейских стран, где используется система образования на протяжении всей трудовой деятельности человека. Это могло бы, в частности, помочь людям после 40–50 лет, особенно в регионах, где становятся нерентабельными и закрываются устаревшие предприятия, нет возможности переквалифицироваться, освоить новые профессии и вернуться к активной трудовой деятельности.

Пути решения проблем внешней и внутренней миграции. Изменение вектора направленности внешней и внутренней миграции должно заключаться в решении проблем недостатка трудовых ресурсов в Республике Беларусь за счет повышения уровня жизни населения, экономического развития регионов, привлечения высококвалифицированных кадров. Для решения последней задачи было бы целесообразно провести следующие мероприятия:

- разработка единой базы данных по требующимся трудовым ресурсам на основании заявок предприятий и организаций с разбивкой по регионам и отраслям, а также с учетом их перспективного развития;

- обеспечение открытого доступа к базе данных трудовых ресурсов, а также ее предоставление не только центрам занятости населения республики, но и посольским учреждениям с целью проведения работы по привлечению необходимых специалистов из-за рубежа;

- проведение с участием заинтересованных ведомств, предприятий и организаций при поддержке Министерства иностранных дел конференций и семинаров по привлечению менеджеров и научных кадров к организации и поддержке инновационных проектов в Беларуси;

- разработка специальных мероприятий и алгоритмов по поиску талантливой молодежи среди учащихся школ и вузов, выявление профессионально-личностных особенностей и целенаправленное ведение выявленных способных молодых людей к определенным профессиональным целям путем предоставления внеконкурсного поступления в выбранные учебные заведения на бесплатную форму обучения, поощрение в виде специального стипендиального фонда и дальнейшей поддержки и сохранения высококвалифицированных специалистов.

Задача экономического развития регионов могла бы частично решаться в рамках Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь, вовлечение регионов в инновационный процесс – путем постановки и решения следующих целей для регионов:

- анализ профессионального, коммерческого и научно-технического потенциалов регионов;

- выявление приоритетных путей и направлений для конкретных регионов с учетом географического, природного и промышленного потенциала;

- определение перспектив и разработка программ стратегического и инновационного развития и создание под них бизнес-планов и дорожных карт;

- выделение финансирования и поиск инвесторов для решения указанных задач.

Все государственные предприятия, находящиеся в регионах, должны пройти экспертную оценку с привлечением сторонних специалистов с целью их разделения на перспективные, требующие реконструкции и бесперспективные. Следует также определить регионы, где сосредоточены главные риски, и с учетом этого разрабатывать последовательные программы их развития.

При рассмотрении крупнейших городов республики, таких как Минск и областные центры, необходимо близлежащие к ним поселения и промышленные объекты включить в единый регион развития с учетом планируемых перспектив расширения и существующей уже маятниковой миграции населения между пригородом и городом.

При проведении оценки степени развития регионов необходимо использовать такой показатель, как индекс человеческого развития, определяемый путем интегрирования частных показателей уровня жизни, грамотности, продолжительности жизни и других величин.

Важным моментом для развития регионов является доля налоговых поступлений. Важно, чтобы из тех налогов, которые получает регион от своих резидентов, не менее половины оставалось в бюджете данного региона. Тем самым это позволяло бы направлять полученные поступления на развитие своих предприятий, поддержку и сохранения трудовых ресурсов.

Заключение. Для Республики Беларусь в последние десятилетия характерны как процессы внутренней и маятниковой миграции, так и внешняя миграция за пределы страны. Различие способов сбора информации не позволяет получить точные данные о величине происходящих процессов, однако дают качественное представление о всех миграционных процессах, происходящих в республике.

Характерными причинами миграционных процессов являются неравномерность сосредоточения людских ресурсов и производства, дифференциация и разброс располагаемого дохода, изменение существующей системы занятости за счет сокращения участия людей в процессе производства и расширения сферы услуг, появление новых рынков труда. В последние годы перемещение трудовых ресурсов связано с интеллектуальной и творческой деятельностью, информатизацией производства и деятельности людей. Для концентрации интеллектуального потенциала и соответствующего изменения характера труда в республике необходимо предпринять ряд мер, направленных на информатизацию экономики и стимулирование интеллектуального труда. Снижение уровня безработных имеет связь с оттоком квалифицированной рабочей силы за рубеж,

что негативно может сказаться в ближайшей перспективе на экономике.

Для решения проблем внешней и внутренней миграции необходимо предпринять ряд мер по сохранению рабочей силы на местах, привлечению высококвалифицированных кадров из-за рубежа, разработке программы развития регионов.

Эффективное управление процессами миграции с сохранением и развитием трудовых ресурсов возможно лишь при оптимальном соотношении всех факторов, способствующих развитию как отдельных регионов, так и экономики республики в целом. Привлечение трудовых ресурсов в Беларусь за счет организации процессов миграции будет благоприятствовать развитию экономики и привлечению инвестиций.

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан в г. Астане 29.05.2014 (ред. от 10.10.2014, с изм. от 15.03.2018) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264. – Дата доступа: 01.06.2020.
2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь – Население [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/naselenie/godovyedannye>. – Дата доступа: 01.06.2020.
3. Хацкевич, Г.А. Социально-экономические факторы, обуславливающие актуальность изменения административно-территориального деления Республики Беларусь / Г.А. Хацкевич, Н.Г. Забродская // Бизнес. Инновации. Экономика. – Минск, 2019. – Вып. 3. – С. 8–16.
4. Nielsen – индекс потребительского доверия (III квартал 2018 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nielsen.com/by/ru/insights/report/2019/consumer-confidence-index-2018-q3>. – Дата доступа: 01.06.2020.
5. Беларусь в цифрах: стат. справочник. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2019. – 71 с.
6. Сколько белорусов работают в России: оценки экспертов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://officelife.media/news/how-many-belarusians-working-in-russia-experts>. – Дата доступа: 01.06.2020.
7. Абрамян, Е.П. Трансформация труда в условиях информационного общества / Е.П. Абрамян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 1. – С. 13–17.
8. Ставка на высокие технологии: как Декрет № 8 повлиял на экономику страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2020/mart/47157>. – Дата доступа: 01.06.2020.
9. Национальный статистический комитет Республики Беларусь – Труд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/trud>. – Дата доступа: 01.06.2020.

Поступила в редакцию 09.06.2020

Теоретико-методологические основы исследования содержания человеческого потенциала и его роли в формировании человеческого капитала

Салахова Ю.Ш.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье уточнены теоретико-методологические основы исследования содержания человеческого потенциала, его роли в формировании человеческого капитала, определения новых форм человеческого капитала. Дано авторское понимание человеческого потенциала как совокупности физических и духовных сил граждан, которые могут быть вовлечены в конкретную область производственного процесса. Объяснено отличие человеческого потенциала от человеческого капитала, выступающего в виде задействованной части такого потенциала. Проведенное исследование позволило выявить базовые принципы формирования человеческого потенциала и его влияние на капитал.

Цель статьи – изучение теоретико-методологических основ формирования человеческого потенциала в экономических системах для построения базовых принципов финансового управления человеческим потенциалом.

Материал и методы. Методологическую основу изучения составили комплексный анализ и системный подход к рассмотрению теорий формирования человеческого потенциала в контексте концептуальных исследований категорий «капитал», «экономический капитал», «человеческий капитал». В работе использовались методы сравнительного анализа, индукции и дедукции, структурно-логического моделирования.

Результаты и их обсуждение. Нами были проанализированы основные подходы к ключевым понятиям, значение которых легло в основу формирования теоретико-методологических аспектов определения человеческого потенциала. Также рассмотрено место человеческого потенциала в структуре экономического потенциала и выделена его основная роль в развитии экономических систем.

Качественный уровень человеческого капитала работника, который является основой создания прибавочной стоимости в процессе воспроизводственного цикла, напрямую зависит от накопленного его носителем человеческого потенциала.

Заключение. Процесс влияния качественных характеристик накопленного человеческого потенциала будет непосредственно влиять на формирование и воспроизводство человеческого капитала как важнейшего фактора экономического роста и одного из основных элементов Национального богатства.

Ключевые слова: человеческий капитал, человеческий потенциал, экономический потенциал, трудовой потенциал, капитал, труд, трудовые отношения.

Theoretical and Methodological Bases of the Research on the Content of Human Potential and its Role in the Formation of Human Potential

Salakhova Yu.Sh.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article clarifies the theoretical and methodological foundations of the study of the human potential content, its role in the formation of human capital, and the definition of new forms of human capital. The author defines human potential as a combination of physical and spiritual forces of citizens who could be involved in a certain sphere of the production process. The author explains the difference between human potential and human capital, which is a part of this potential. The research has revealed the basic principles of human potential formation and its impact on capital.

The purpose of the article is to study the theoretical and methodological foundations of human potential formation in economic systems for building the basic principles of human potential financial management.

Material and methods. The methodological basis of the research is a comprehensive analysis and a systematic approach to the consideration of human potential formation theories in the context of conceptual studies of the categories "capital", "economic capital", "human capital". The study used methods of comparative analysis, induction and deduction, structural and logical modeling, as well as other methods.

Findings and their discussion. The article analyzes the main approaches to the key concepts, the meaning of which formed the basis for the formation of theoretical and methodological aspects of the human potential definition. The place of human potential in the structure of economic potential is also considered and its main role in the development of economic systems is highlighted.

The qualitative level of the employee's human capital which is the basis for creating surplus value in the process of the reproduction cycle directly depends on the accumulated by its bearer human potential.

Conclusion. The process of influencing the qualitative characteristics of the accumulated human potential would directly affect the formation and reproduction of human capital as a major factor of economic growth and one of the main elements of National Wealth

Key words: human capital, human potential, economic potential, labor potential, capital, labor, labor relations.

Уточнение теоретико-методологических основ любого исследования заключается в определении трактовки исходных концептов, что позволило бы не только получить новое научное знание, но и проверить его на истинность. Сегодня видится актуальным провести уточнение исходных концептов теории определения человеческого потенциала и обозначения его роли в формировании человеческого капитала как важнейшей части Национального богатства, а также в разработке новых форм человеческого капитала и мотивации труда в условиях развития экономики.

Цель статьи – изучение теоретико-методологических основ формирования человеческого потенциала в экономических системах для построения базовых принципов финансового управления человеческим потенциалом.

Материал и методы. Методологическую основу изучения составили комплексный анализ и системный подход к рассмотрению теорий формирования человеческого потенциала в контексте концептуальных исследований категорий «капитал», «экономический капитал», «человеческий капитал». В работе использовались методы сравнительного анализа, индукции и дедукции, структурно-логического моделирования.

Результаты и их обсуждение. В современных экономических системах человеческий потенциал играет значительную роль, выступая основой формирования будущего человеческого капитала как одного из важнейших элементов Национального богатства. Невзирая на его доказанную практическую значимость для развития современных экономических систем, концепция человеческого потенциала с указанием научно обоснованного инструментария ее реализации до сих пор четко не сформирована: отсутствует единый подход к пониманию самого предмета исследования, четко не определены факторы развития, не обозначен механизм влияния человеческого потенциала на формирование человеческого капитала и др.

В целях решения вышеназванных проблем необходимо структурно провести анализ взаимосвязанных категорий «капитал», «экономический капитал», «человеческий капитал», «экономический потенциал», «трудовой потенциал», «человеческий потенциал» и др.

На сегодняшний день в экономической науке существует очень большое количество концептов, в которые входит термин «капитал».

С.Ю. Солодовников отмечает, что «хозяйственная жизнь является той областью, в которой экономический капитал (включающий в своем объективированном состоянии денежный капитал или финансовые средства, производственный капитал или средства производства, товарный капитал или готовые продукты) стремится навязать свою форму другим социальным отношениям» [1, с. 8]. Вместе с тем методологически неправильно было бы сводить все разнообразие капиталов (человеческий, культурный, административный и т.д.) только к экономическому капиталу, поскольку при этом теория хозяйствования становится излишне упрощенной, теряется ее национальная и стадийная специфика, а многие экономические факторы, оказывающие существенное влияние на экономическую систему общества и деятельность относительно обособленных хозяйственных субъектов, перестают исследоваться.

В статье «Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация» В.В. Радаева справедливо отмечается, что в общественной хозяйственной деятельности все формы капитала при определенных условиях могут конвертироваться в экономический капитал: «Социальный капитал приносит информацию об экономических ресурсах. Административный капитал открывает наиболее краткий путь к их источникам. А политический капитал дает возможность побороться за эти источники. Культурный капитал облегчает способы мобилизации экономического капитала. А символический капитал позволяет представить его более значительным в глазах других агентов. Наконец, человеческий и физический капиталы помогают извлекать из использования экономических ресурсов наибольшие доходы» [2, с. 29].

В свою очередь, экономический капитал, как отмечает вышеназванный автор, позволяет «покупать должностных лиц и сами должности; экономический капитал делает своего обладателя более весомым в глазах окружающих, открывает доступ к образованию и позволяет поддерживать хорошее физическое состояние. Экономический капитал, обладающий наибольшей ликвидностью, способен к эффективному перетеканию в другие формы» [2, с. 29–30].

В.В. Богатырева как один из ведущих ученых в Республике Беларусь по исследованию проблематики человеческого капитала, отмечает интересные феноменологические особенности этой формы капитала: «В отличие от социального капитала, человеческий капитал является атрибутом отдельного индивида. Кроме того, его отличительной особенностью является то, что он не может быть быстро передан от одного субъекта другому. В случае же такой передачи совокупный человеческий капитал увеличивается, поскольку остается и у своего носителя. Например, передача знаний и умений не влечет за собой их уменьшение у субъекта, первоначально обладающего такими знаниями. Напротив, в процессе передачи их объем увеличивается у обоих субъектов» [3, с. 7]. Таким образом, человеческий капитал выступает тем фактором производства, который не только не обладает большой материалоемкостью, но и может тиражироваться сколько угодно раз [4]. Человеческий капитал за счет своего вовлечения в процесс производства экономических благ представляет собой определенную задействованную в экономических системах часть человеческого потенциала.

Прежде чем раскрыть экономическую сущность предмета настоящего исследования, рассмотрим различные трактовки категории «потенциал» как теоретическую основу определения человеческого потенциала. Проведя теоретический анализ содержания данной категории без привязки к какой-либо отрасли науки, получаем, что на текущий момент в науке сложилось два основных направления в понимании сущности потенциала и природы его проявления (рисунок 1).

Как видно из рисунка 1, в более широком понимании ученые потенциал представляют в первую очередь как источник тех возможностей, которые были приобретены его носителем в процессе своего развития. В более узком смысле потенциал и будет выступать той совокупностью возможностей, которые как могут быть применены, так и уже используются. Однако большинство исследователей склоняются к единому мнению

о том, что возможности могут быть применены их носителем (индивидом, обществом, государством и др.) в определенных сферах деятельности. Категория «потенциал» получила широкое распространение во многих областях знаний, в т.ч. в экономической науке. Так, ученые выделяют категорию «экономический потенциал». Исследование подходов позволило сформировать общее видение сущности и структуры экономического потенциала и особенности его формирования (рисунок 2).

В качестве экономического потенциала следует понимать совокупность способностей и возможностей субъектов экономики удовлетворять потребности общества в процессе привлечения и использования трудовых, финансовых, материальных и иных ресурсов. До сих пор вопрос о составе компонентов экономического потенциала является дискуссионным. Среди них можно выделить трудовой, производственный, человеческий, инновационный, финансовый потенциалы и др. [5, с. 175].

Весьма важным в контексте исследования человеческого потенциала представляется рассмотреть сущность трудового потенциала как одного из наиболее связанных с исследуемой категорией. Под трудовым потенциалом, в свою очередь, нами понимаются «производственные, инновационные, адаптационные и воспроизводственные возможности трудовых ресурсов, управление которыми осуществляется с использованием мотивационных и административно-командных механизмов» [6, с. 262]. Труд, как известно, – это особый вид субъектно-предметных и субъект-субъектных отношений. «Трудовая деятельность человека, – как отмечается в научной литературе, – представляет собой его целесообразную общественно необходимую и практически полезную производственную деятельность, направленную на обеспечение экономической жизни общества и его членов» [7, с. 77]. В процессе трудовой деятельности индивиды постоянно взаимодействуют друг с другом, формируя и постоянно трансформируя трудовые от-

Рисунок 1 – Основные направления в понимании сущности потенциала и природы его проявления
Источник: составлено автором.

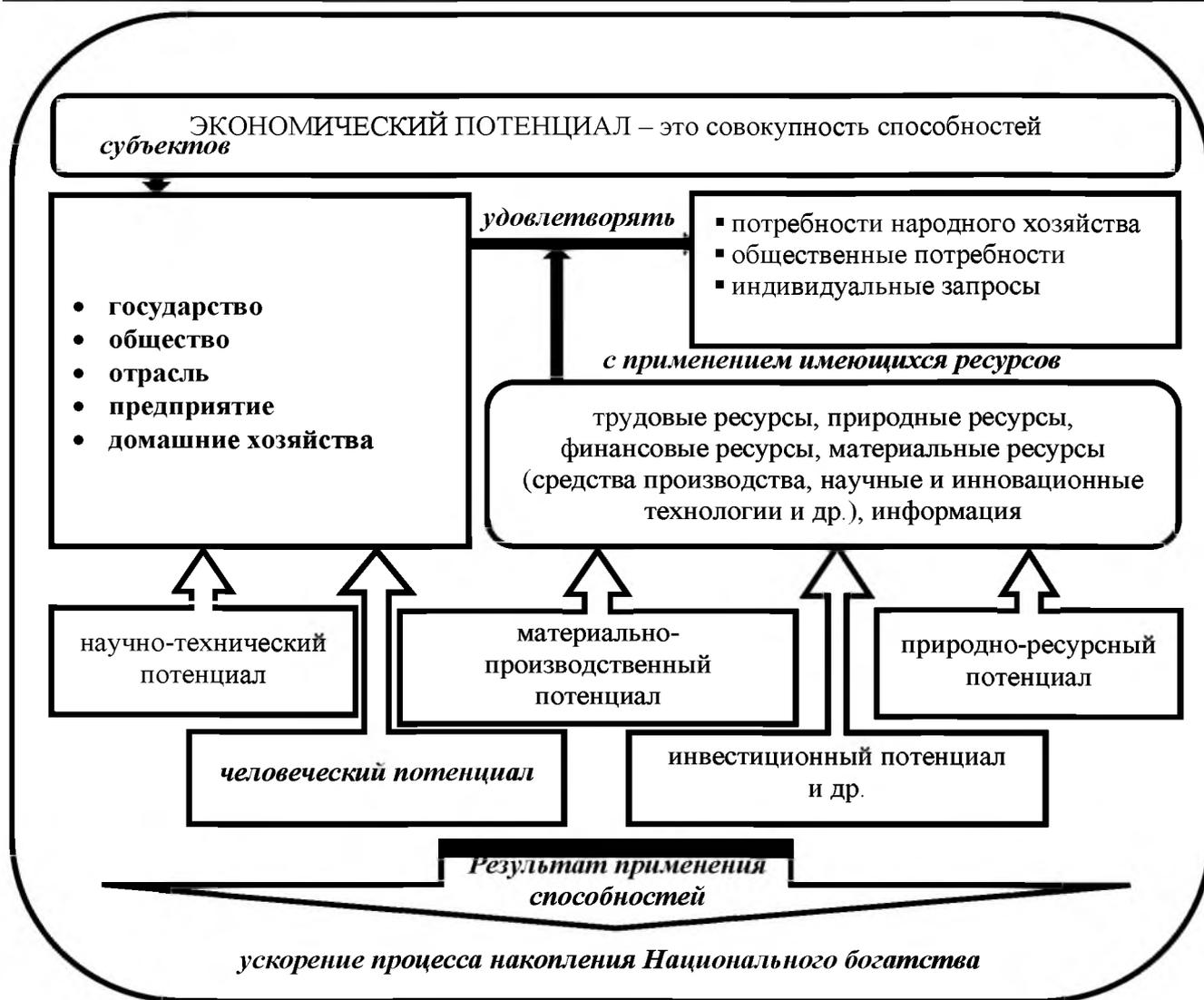

Рисунок 2 – Структура и содержание экономического потенциала
 Источник: составлено автором.

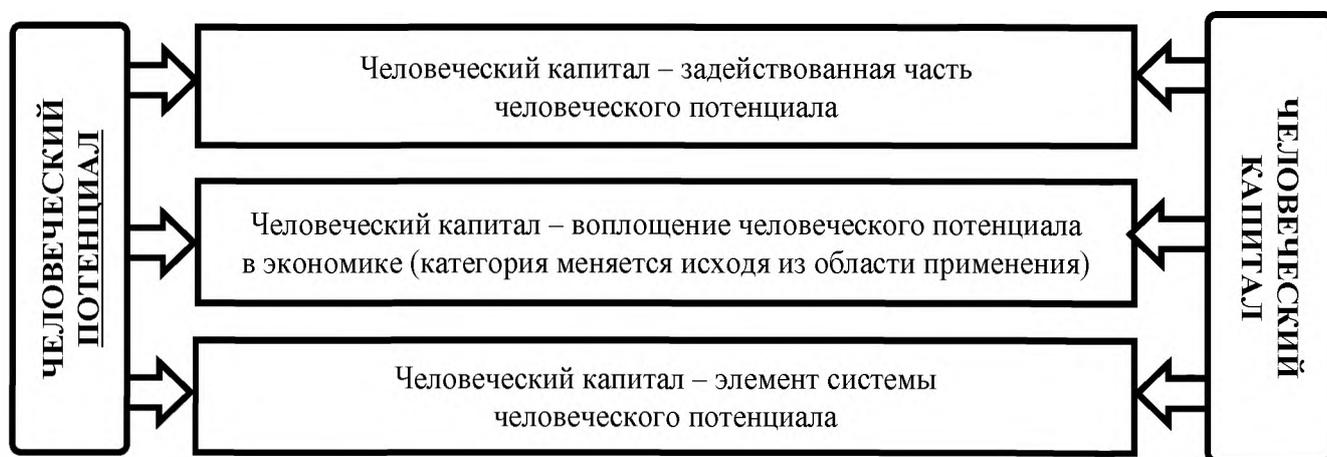

Рисунок 3 – Основные направления в понимании взаимосвязи человеческого потенциала и человеческого капитала

Источник: составлено автором.

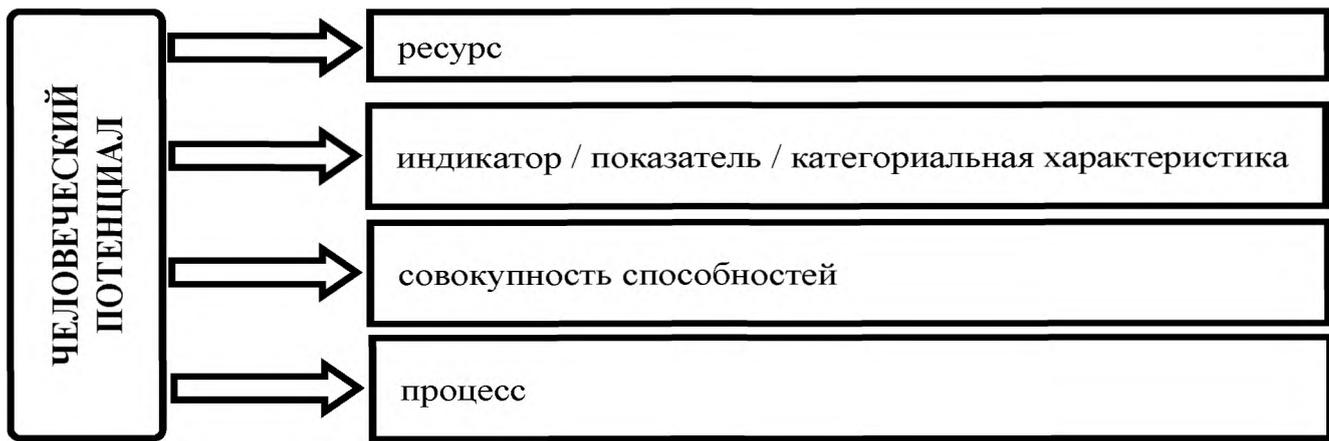

Рисунок 4 – Основные подходы к определению человеческого потенциала
 Источник: составлено автором.

ношения. «Усиление гносеологического интереса к проблеме трудовых отношений в последнее время обусловлено распространением гипотезы о доминировании трудовых отношений в системе детерминации социально-классовой структуры общества» [8, с. 260]. Трудовые отношения – это «отношения, которые возникают и устанавливаются между субъектами в процессе трудовой деятельности при создании материальных средств и благ, а также услуг, необходимых для удовлетворения экономических потребностей и нужд общества и его членов с целью обеспечения их жизненности» [9, с. 8]. Важнейшими составляющими этих отношений являются функционально-технологический способ соединения рабочей силы со средствами производства; разделение и кооперация труда; перемена труда [10, с. 26]. Для учета влияния развития экономики на трудовые отношения, трудовой потенциал и человеческий капитал методологически правильно в разграничении труда и кооперации труда условно разграничивать две стороны: материально-вещественную и общественную. Материально-вещественная сторона представляет собой средства производства, которые используются при целенаправленном воздействии человека на природу с целью получения необходимых последнему потребительских благ. Материально-вещественная компонента трудового процесса персонифицируется общественными институтами, что придает трудовым отношениям необходимую устойчивость.

В данном контексте учеными достаточно подробно описаны механизмы взаимодействия и формирования человеческого капитала и трудового потенциала. Человеческий потенциал в свою очередь будет выступать более широкой категорией, влияние на которую помимо всего прочего оказывают способности индивида, процесс его воспитания, окружающая среда и др.

Весьма спорным является вопрос разделения категорий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал». Многие ученые склонны отождествлять данные понятия. Однако, на наш взгляд, человеческий потенциал и капитал взаимосвязаны, однако не равны. Представим некоторые точки зрения на их взаимосвязь (рисунок 3)

По нашему мнению, человеческий капитал представляет ту часть накопленных человеческих навыков, способностей, умений, которые уже задействованы в производственной деятельности. Далее необходимо дать определение категории «человеческий потенциал», чтобы обозначить его место в формировании человеческого капитала. Представим основные подходы к его определению с точки зрения различных ученых (рисунок 4).

В контексте исследования подходов к определению категории «человеческий потенциал» можно встретить различные мнения о его сущности: от рассмотрения человеческого потенциала в качестве индикатора развития общественных систем до обозначения его в виде процесса развития индивида. Проанализировав теоретические аспекты категорий «экономический капитал», «экономический потенциал», «трудовой потенциал», «человеческий капитал», «человеческий потенциал» и обобщая подходы к их сущности, мы можем определить человеческий потенциал как «совокупность физических и духовных сил граждан, а именно личностные навыки, способности, умения, здоровье, образованность, которые могут быть вовлечены в определенную область производственного процесса» [11].

Заключение. Таким образом, были уточнены теоретико-методологические основы исследования содержания человеческого потенциала. Весьма важным является изучение процесса его влияния на формирование человеческого капитала, так как от качества человеческого потенциала

будет напрямую зависеть эффективность и отдача его вовлечения в производственную деятельность в форме человеческого капитала.

Качественный уровень человеческого капитала работника будет являться основой создания прибавочной стоимости в процессе воспроизводственного цикла. Следовательно, важность формирования человеческого потенциала не вызывает сомнения, так как в момент принятия на работу потенциал сразу преобразовывается в капитал. В дальнейшем отдача от человеческого капитала через налоговые и неналоговые платежи направляет дополнительные финансовые ресурсы на процесс воспроизводства человеческого потенциала.

Статья выполнена при поддержке БРФФИ (договор № Г20РА-011 от 04.05.2020 г.).

Литература

1. Солодовников, С.Ю. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала как политико-экономического феномена / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 6–56.
2. Радаев, В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В.В. Радаев // Экономическая социология. – 2002. – № 2. – С. 20–32.
3. Богатырева, В.В. Роль социального и человеческого капиталов в формировании и функционировании социально-экономической системы государства / В.В. Богатырева // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2020. – Вып. 11. – С. 5–11.
4. Богатырева, В.В. Теоретико-методологические основы взаимосвязи финансовых ресурсов и человеческого капитала организации / В.В. Богатырева // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2011. – № 6. – С. 48–52.
5. Салахова, Ю.Ш. Человеческий потенциал региона: сущность, информационное обеспечение процесса управления / Ю.Ш. Салахова // Бухгалтерская информационная система современности: монография. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – С. 174–182.
6. Сергиевич, Т.В. К исследованию категории «трудо-вой потенциал» / Т.В. Сергиевич // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2018: сб. ст. Шестой Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием): в 3 ч. – Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2018. – Ч. 2. – С. 257–262.
7. Солодовников, С.Ю. Модернизация белорусской экономики и экономика рисков: актуальные проблемы и перспективы / С.Ю. Солодовников, Т.В. Сергиевич, Ю.В. Мелешко; под науч. ред. С.Ю. Солодовникова. – Минск: БНТУ, 2019. – 491 с.
8. Сергиевич, Т.В. Трудовой потенциал и управление трудом в текстильной и швейной промышленности как объекты экономического исследования / Т.В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 260–275.
9. Морова, А.П. Социальная политика в сфере трудовых отношений / А.П. Морова. – Минск: ИСПИ, 2000. – 176 с.
10. Характер, структура и факторы формирования экономических отношений / Л.П. Васюченко [и др.]; под ред. А.П. Моровой. – Минск: Наука і тэхніка, 1992. – 191 с.
11. Салахова, Ю.Ш. Влияние качественных характеристик человеческого потенциала на процесс воспроизводства человеческого капитала организации / Ю.Ш. Салахова // Аналитические инструменты коммерческих организаций в инновационной экономике: сб. науч. тр. круглого стола, посвященного юбилейному году РГУ имени А.Н. Косыгина, Москва, 14 мая 2020 г. – М.: Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Рос. гос. ун-т имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2020. – С. 218–224.

Поступила в редакцию 06.07.2020

Имидж региона как инструмент внешнеэкономической стратегии: Витебская область

Трацевская Л.Ф., Колесниченко А.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Интернационализация международных экономических отношений, активизация интеграционных процессов и рыночная трансформация национальной экономики Республики Беларусь повысили роль и значение внешнеэкономической деятельности и поиска возможностей ее более успешного осуществления как в страновом, так и региональном масштабе.

Цель статьи – выявление и исследование современных факторов формирования положительного имиджа Витебской области и их значимости для реализации внешнеэкономической стратегии данного региона Республики Беларусь.

Материал и методы. Исследование осуществлялось с использованием научной и специальной литературы, аналитических материалов о социально-экономическом развитии Витебской области. Методологическую базу изучения составили: логико-дедуктивный метод, восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез, методы группировки и сравнения.

Результаты и их обсуждение. В современных условиях устойчивое социально-экономическое развитие регионов Республики Беларусь невозможно без успешного осуществления внешнеэкономической деятельности и выстраивания действенной внешнеэкономической стратегии. При этом очень важно, насколько регионы привлекательны как макроэкономические партнеры, насколько успешно их позиционирование в процессе внешнеторгового сотрудничества. Витебская область также стремится следовать этой тенденции. В статье проанализированы важнейшие факторы формирования положительного имиджа Витебской области как субъекта международных экономических отношений, сделаны выводы о его значимости для успешного осуществления внешнеэкономической стратегии данного региона Республики Беларусь. Особое место отведено характеристике свободной экономической зоны «Витебск», показана ее роль как важного инструмента региональной внешнеэкономической стратегии.

Заключение. Витебская область – ключевая территория Беларуси, обладающая выгодным геополитическим положением и активно его использующая. Здесь не только имеются, но и создаются условия для благоприятного позиционирования и популяризации региона на внешнем рынке и, тем самым, формирования успешной внешнеэкономической стратегии. Особым инструментом в этой связи выступает свободная экономическая зона «Витебск» как региональный центр притяжения иностранных инвестиций и развития предпринимательства.

Ключевые слова: имидж, регион, внешнеэкономическая стратегия региона, свободная экономическая зона.

Image of the Region as a Tool of Foreign Economic Strategy: Vitebsk Region

Tratsevskaya L.F., Kolesnichenko A.I.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

Internationalization of foreign economic relations, activation of integration processes and market transformation of the national economy of the Republic of Belarus raised the role and significance of foreign economic activity and of the search for possibilities for its more efficient implementation both in the country and region scale.

The purpose of the article is finding out and studying contemporary factors of shaping a positive image of Vitebsk Region and their significance for foreign economic strategy of this Region of the Republic of Belarus.

Material and methods. The study was conducted using scientific and special literature, analytical materials on social and economic development of Vitebsk Region. The methodological base of the research is built up by the logical deductive method, ascent from the abstract to the concrete, analysis and synthesis, methods of grouping and comparison.

Findings and their discussion. In the contemporary conditions the sustainable social and economic development of the regions of the Republic of Belarus is impossible without successful foreign economic activity and building efficient foreign economic strategy. At the same time it is significant how attractive the regions are as macro economic partners, how successful their position in foreign trade cooperation is. Most important factors of shaping a positive image of Vitebsk Region as a subject of international economic relations are analyzed in the article; conclusions are made about its significance for successful foreign economic strategy of this Republic of Belarus Region. Special place is taken by characteristics of the Free Economic Zone “Vitebsk”, its role as an important tool of the Region foreign economic strategy.

Conclusion. Vitebsk Region is a key territory of Belarus which has an advantageous geopolitical position and uses it actively. It not only has but also creates conditions for beneficial positioning and promotion of the Region in the foreign market and, thus, for shaping successful foreign economic strategy. The Free Economic Zone “Vitebsk” is a special tool as a Region center of attracting foreign investments and development of entrepreneurship.

Key words: image, region, the region foreign economic strategy, Free Economic Zone.

Для современной экономики Республики Беларусь исключительное значение имеет процесс интеграции в мировое хозяйство, необходимость которой обуславливается углублением международного разделения труда, развитием общемировой инфраструктуры. Особое значение при этом придается выбору и использованию инструментов, способствующих устойчивому экономическому развитию, эффективному продвижению и закреплению на внешнем рынке не только страны в целом, но и входящих в ее состав регионов. При этом очень важно, насколько эти регионы привлекательны как макроэкономические партнеры, насколько положителен их имидж для потенциального внешнеторгового сотрудничества. Витебская область также стремится позиционировать себя в соответствии с этой тенденцией путем выстраивания многовекторной внешнеэкономической стратегии.

Инструментом, способствующим ускорению этого процесса, являются свободные экономические зоны (СЭЗ), выступая одной из эффективных форм международной внешнеэкономической деятельности. Мировой опыт показывает, что с помощью свободных экономических зон страны и регионы могут решить многие стоящие перед ними задачи: проводить социально-экономические преобразования, осуществлять либерализацию внешней торговли, привлекать иностранные инвестиции, выбирать надежных зарубежных партнеров. В связи с этим Республика Беларусь, и в частности Витебская область, находясь на стадии стабилизации и модернизации своей экономики, рассматривает СЭЗ как полигон для отработки национальной и региональной рыночной модели развития, обеспечения условий для благоприятной социально-экономической динамики.

Исходя из вышеизложенного, целью настоящей статьи выступает выявление и исследование современных факторов формирования положительного имиджа Витебской области и их значимости для осуществления внешнеэкономической стратегии данного региона Республики Беларусь.

Материал и методы. Исследование осуществлялось с использованием научной и специальной литературы, аналитических материалов о социально-экономическом развитии Витебской области. Методологическую базу изучения составили логико-дедуктивный метод, восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез, методы группировки и сравнения.

Результаты и их обсуждение. Отличительной чертой современного мирового социально-экономического развития является разнообразие международного сотрудничества, особую роль в котором играют регионы как его самостоятель-

ные участники. Данная тенденция показательна и для регионов Республики Беларусь, в частности Витебской области.

Суверенитет и государственность Беларуси усилили важность геополитического положения данного региона, повысив его значимость в национальной экономике. По своей локации Витебская область является самой северной территорией Беларуси, занимая 40 тыс. кв. км, или 19,4% общей площади страны. На юге региона берут начало реки Березина – один из крупных притоков Днепра и Вилия – крупнейший приток Немана, а на северо-востоке – река Ловать, впадающая в озеро Ильмень. Таким образом, по территории Витебщины пролегает важнейший в Европе водораздел между реками Балтийского и Черноморского бассейнов. Расположение региона по отношению к сопредельным территориям своеобразно, о чем свидетельствуют данные рисунка.

Как следует из рисунка, Витебщина имеет общую западную границу с Гродненской областью, южную – с Минской и Могилевской областями Республики Беларусь. Важнейшей характерной чертой геополитического положения региона является соседство с Российской Федерацией (ее Смоленской и Псковской областями). Кроме того, особенностью локации Витебской области можно считать то, что она граничит с прибалтийскими странами – Латвией и Литвой. Внешнеэкономические взаимоотношения с этими государствами построены на принципах добрососедства и взаимной выгоды. Членство прибалтийских республик в Европейском союзе и непосредственное с ними соседство повысили значимость Витебской области во внутривнутриреспубликанском разделении труда. Это связано с отсутствием у Беларуси выхода к морю и возможностью выстраивания выгодных логистических маршрутов доставки на внутренний рынок страны разнообразных товаров, имеющих для нее важное экономическое значение (например, углеводородов) через морские порты стран Балтии. Данному обстоятельству также способствует расположение Витебской области в зоне прохождения II и IX Критских транспортных коридоров, являющихся важнейшими трансъевропейскими транзитными путями с высокой интенсивностью движения. Успешному выстраиванию региона в логистическую систему Республики Беларусь и дальнейшему развитию экономических связей не только с сопредельными государствами, но и многими другими странами Европы и Азии способствуют его расположение в преимущественно равнинной местности и отсутствие значительных природных преград для прокладки транспортных путей.

Таким образом, Витебская область обладает значительными экономико-географическими,

Рисунок – Геополитическое положение Витебской области

геополитическими и логистическими преимуществами, что не может не способствовать формированию ее положительного имиджа в глазах потенциальных внешнеэкономических партнеров.

Большое значение Витебщины для социально-экономического развития Республики Беларусь и ее статус ключевого региона страны определяется тем, что в ней проживает более 12% населения страны и сосредоточено около 13% ее трудовых ресурсов. На долю региона приходится 17,6 и 15,3% республиканских объемов промышленного и сельскохозяйственного производства соответственно [1], что не может не привлекать к ней внимания потенциальных внешне-торговых партнеров.

Кроме того, благоприятному имиджу Витебской области и ее внешнеэкономической привлекательности способствует то, что важнейшей отраслью специализации региональной экономики является промышленность. Промышленный комплекс обеспечивает сегодня около трети объема

валового регионального продукта и, как отмечалось выше, более 17% республиканского промышленного производства.

Экономика Витебской области по своему потенциалу, структуре и масштабам производственной деятельности является экспортноориентированной: за ее пределами реализуется более трети объема промышленного производства. Продукция таких предприятий и фирм, как ОАО «ВИСТАН», ОАО «ВИЗАС», ОАО «Знамя индустриализации», СП «Белвест», ЧУП «Марко», ОАО «Витязь», и ряда других является визитной карточкой региона на внешних рынках. То обстоятельство, что в области сохранены и функционируют крупные промышленные предприятия, обладающие всеми возможностями макроэкономических точек роста, не может не способствовать переливу сюда капиталов и формированию зон приложения иностранных инвестиций. Направлениями специализации промышленного комплекса Витебщины выступают производство электроэнергии, не-

фтепереработка, производство льняных тканей и обуви, продовольствия, полиэтилена, синтетических волокон и нитей, стекловолокна, металло-режущих станков, телевизоров. Производство перечисленных видов продукции ориентировано на экспорт, они поставляются в 81 страну мира.

В то же время индустриальная ориентация экономики Витебской области предопределила формирование основных угроз осуществлению эффективной внешнеэкономической стратегии региона. В первую очередь это связано с тем, что ведущие промышленные предприятия используют преимущественно импортные сырье и материалы: их доля в импорте производственных ресурсов превышает 89%.

По причине недостаточного использования в хозяйственной деятельности местных ресурсов и малой глубины их переработки предприятия, ориентированные на местную сырьевую базу, не создают в настоящее время достаточной конкуренции фирмам, использующим импортное сырье и комплектующие. Так, доля продукции, произведенной из местного сырья, не превышает 15% промышленного производства области.

В товарной структуре обрабатывающей промышленности преобладает продукция с низким удельным весом добавленной стоимости, что дает основание характеризовать сложившуюся структуру экономики Витебской области, специализирующейся на промышленном производстве, как недостаточно эффективную. Данное обстоятельство не может не сказываться на привлекательности региона как внешнеэкономического партнера.

В связи с этим особое значение для совершенствования внешнеэкономического имиджа региона будет иметь инновационное развитие регионального хозяйственного комплекса в соответствии с основными направлениями, определенными на 2016–2020 гг. в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь. В качестве важнейших из них выступают повышение инновационного уровня производства, приведение конкурентоспособности производимой продукции в соответствие с условиями рыночной конъюнктуры, привлечение в производственно-хозяйственную деятельность высококвалифицированного персонала, способного успешно выполнять свои профессиональные функции в условиях современного наукоемкого производства [2].

Анализ сложившейся в области социально-экономической ситуации позволил установить, что в наибольшей степени соответствует обозначенным требованиям, а значит, и обладает наибольшей конкурентоспособностью во внешнеэкономической деятельности производства пищевой, обувной, химической промышленности Витебской области. Наиболее благоприятные внешнеэконо-

мические перспективы имеют текстильное и швейное производство, производство продуктов химии и нефтехимии, а также производство электронного и оптического оборудования. Усиление восприимчивости предприятий обозначенных отраслей региональной промышленности к инновационной деятельности позволит создать здесь дополнительные производственные мощности, повысить эффективность хозяйственной деятельности, открыть новые рабочие места.

Как показало исследование, формирование и реализация внешнеэкономической стратегии Витебской области, возможность решения существующих проблем и пути социально-экономического развития региона в перспективе зависят от ряда эндогенных и экзогенных факторов. К первым следует отнести региональную ресурсную базу, сформировавшуюся структуру региональной экономики, возможности расширения производственно-хозяйственной деятельности ее участников. Что же касается вторых, то они связаны с процессами глобализации и интернационализации, интенсивными внешнеторговыми связями экономики области со многими странами. Данное обстоятельство обуславливает ее зависимость от внешнеэкономических и политических тенденций, а также конъюнктуры международных рынков.

Принимая во внимание влияние вышеобозначенных факторов, дальнейшее социально-экономическое развитие Витебской области и формирование региональной внешнеэкономической стратегии должно, как нам представляется, осуществляться по следующим направлениям:

- *формирование современного регионального туристического рынка, способствующее более эффективному использованию природно-рекреационного потенциала региона и повышению удельного веса сферы услуг в валовом региональном продукте;*
- *активизация вовлечения в экономический оборот и повышение эффективности использования местных видов ресурсов, позволяющие достичь роста рентабельности производства и осуществлять более гибкую ценовую политику;*
- *расширение производственного использования вторичных ресурсов, дающее возможность реализации идеи безотходного, более экономичного, производства;*
- *совершенствование инновационной деятельности участников региональной экономики, усиление восприимчивости хозяйствующих субъектов к достижениям научно-технического прогресса;*
- *осуществление эффективной политики ресурсосбережения, в частности энергосбережения, и снижения энергоемкости валового регионального продукта до уровня критерия экономической безопасности региона;*

• развитие логистической системы Витебской области и ее эффективное встраивание в национальную логистическую систему, способствующее эффективному товаропродвижению, сокращению издержек и конкурентному ценообразованию на товарном рынке.

Помимо этого, важную роль в благоприятном позиционировании Витебской области как внешнеэкономического партнера играет, по нашему мнению, создание в Республике Беларусь и самом регионе благоприятного инвестиционного климата. В Беларуси имеется развитое инвестиционное законодательство, направленное на стимулирование инвестиционной деятельности, ее государственную поддержку, а также на защиту прав инвесторов на территории республики. В стране действует Консультативный Совет по иностранным инвестициям, возглавляемый Премьер-министром, функционирует 6 свободных экономических зон с преференциальными условиями деятельности. Такая зона имеется и на территории Витебской области – Свободная экономическая зона «Витебск (далее – СЭЗ «Витебск»).

СЭЗ «Витебск» представляет собой территорию, на которую в соответствии с законодательством Республики Беларусь распространяется режим наибольшего благоприятствования осуществлению производственно-хозяйственной деятельности (льготное налогообложение, валютное и таможенное регулирование ведения бизнеса). Ее общая площадь составляет 1000 га. СЭЗ в Витебской области создавалась на срок 30 лет и представляет собой комплексную зону, включающую производственную, экспортную и таможенную зоны. Целью ее создания являлась активизация привлечения отечественных и иностранных инвестиций для организации и развития производств, основанных на новых и высоких технологиях, открытие дополнительных рабочих мест, формирование более благоприятных условий для развития внешнеэкономического потенциала Витебской области. Так как Витебская область граничит с Литвой и Латвией, то СЭЗ «Витебск» находится в непосредственной близости от границ Евросоюза, что позволило ей стать своего рода плацдармом в плане освоения перспективных рынков товаров и услуг России, стран СНГ и Балтии, скандинавских стран.

В настоящее время в качестве резидентов в СЭЗ «Витебск» функционируют 52 фирмы, созданные с участием инвесторов из 14 стран мира, в том числе Германии, Польши, США, Чехии, России, Великобритании, Израиля, Латвии, Канады, Кипра, Нидерландов и Беларуси [3], осуществляющие свою деятельность в следующих основных направлениях:

- нефтепереработка;

- производство препаратов для ветеринарной медицины;
- химическая промышленность;
- машиностроение;
- наука и научное обслуживание;
- легкая промышленность;
- производство продуктов питания;
- электроника.

Фирмы-участники СЭЗ «Витебск» представляют собой небольшие организации с численностью работников до 100 человек. Они функционируют в благоприятном для них режиме таможенного и налогового регулирования, предполагающем снижение финансовой нагрузки на 30–40% и невзимание пошлин при ввозе на территорию зоны сырья, материалов и комплектующих. Кроме того, на иностранных инвесторов в СЭЗ «Витебск» распространяется система государственных гарантий охраны инвестиций, предусмотренная законодательством Республики Беларусь.

С целью дальнейшего развития СЭЗ «Витебск» как эффективного инструмента осуществления внешнеэкономической стратегии Витебской области в качестве одного из приоритетных направлений могут рассматриваться инвестиционные программы по развитию в регионе туристско-рекреационной инфраструктуры, приоритет которой определяется наличием значительного количества объектов, притягательных для активной туристической деятельности. В связи с этим основными направлениями привлечения отечественных и иностранных инвестиций в данную сферу могут выступать *познавательное направление*, использующее имеющийся историко-культурный потенциал Витебской области; *экологическое направление*, ориентированное на использование уникальных природных комплексов и объектов региона; *аграрное направление* (сельская рекреация), использующее специфику локальных историко-этнографических районов региона; *спортивно-оздоровительное направление*, учитывающее природные ландшафты и акватории Браславской, Лепельской и Ушачской группы озер, а также озера Плисса Глубокского района [4].

В качестве основных способов реализации обозначенных приоритетных направлений, по нашему мнению, можно выделить:

- разгосударствление и приватизацию организаций туристической и гостиничной сферы, продажу контрольных пакетов акций акционированных организаций на инвестиционном конкурсе;
- заключение долгосрочных контрактов на доверительное управление объектами гостиничного хозяйства с обязательствами по финансированию их реконструкции;

- сдачу гостиничных и туристических комплексов в аренду, создание совместных предприятий;

- привлечение на конкурсной основе известных в международном гостиничном бизнесе компаний по управлению отелями в качестве компаний-операторов;

- регистрацию в качестве резидентов СЭЗ «Витебск» субъектов хозяйствования, осуществляющих туристско-рекреационную деятельность.

Все вышеобозначенное будет способствовать не только формированию своеобразного облика СЭЗ «Витебск» и расширению внешнеэкономических связей Витебской области, но и отработке и совершенствованию механизма реализации в данном регионе успешной внешнеэкономической стратегии.

В значительной мере содействует привлекательности Республики Беларусь и Витебской области как субъектов внешнеэкономической деятельности политическая, социальная и экономическая стабильность в стране и регионе. Все это не может не привлекать в экономику Витебщины с каждым годом все больше внешнеторговых партнеров и зарубежных инвесторов. Подтверждением выше сказанному может служить то, что за период с 2010 по 2018 г. приток прямых иностранных инвестиций в реальный сектор Витебской области увеличился с 24,6 до 75,9 млн USD, или в 3,1 раза [3]. Сформировавшаяся положительная тенденция сохраняется и в настоящее время.

Для полноценного использования выгод геополитического положения и экономического развития, а также дальнейшего формирования положительного имиджа и инвестиционной привлекательности Витебской области, на наш взгляд, необходимы совершенствование региональной транспортной инфраструктуры, наращивание транспортного и транзитного бизнеса. Это тем более необходимо потому, что она, гранича с Европейским союзом, может стать регионом, привлекательным для приложения иностранных инвестиций с перспективой выхода зарубежных инвесторов на новые рынки стран СНГ и ЕАЭС. Такому развитию событий во многом может способствовать создание в данном регионе современных логистических структур, которые бы обслуживали не только потребности бизнеса, но и способствовали бы развитию услуг грузоперевозчиков.

В настоящее время региональный рынок логистических услуг только формируется. В соответствии с Республиканской программой развития логистической системы и транзитного потенциала на 2016–2020 гг. в Витебской области в настоящее время созданы и развиваются 3 транспортно-логистических центра (один в Витебске с привлечением

чешских инвестиций и два в Орше, инвестируемые с помощью китайского бизнеса) [5]. Кроме того, ИП «Детскосельский – Городок» (Городокский район) реализует инвестиционный проект логистического центра приемки, сортировки, упаковки и временного хранения сельскохозяйственной продукции как за счет собственных средств, так и с привлечением займов иностранных партнеров. Формирование логистической инфраструктуры в регионе будет стимулироваться рядом преференций, действительных как в период ее создания, так и в процессе эксплуатации. В частности, предусмотрены нулевые ставки налога на добавленную стоимость и таможенной пошлины на ввоз оборудования, снижение налогообложения прибыли, освобождение от платежа за аренду земельных участков и другие льготы.

Заключение. Проведенный анализ факторов формирования имиджа Витебской области и его роли в осуществлении внешнеэкономической стратегии данного региона позволяет сделать вывод: здесь не только имеются, но и создаются дополнительные предпосылки для придания ему несомненной позитивности. Формируется концепция, в рамках которой разрабатываются и реализуются мероприятия, направленные на положительное позиционирование региона и популяризацию его за рубежом. Особая роль в этом процессе принадлежит свободной экономической зоне «Витебск». Обозначенные обстоятельства, несомненно, характеризуют Витебскую область как привлекательный, безопасный и перспективный и выгодный для иностранных партнеров регион, предпочтение которому уже сейчас отдают инвесторы многих стран мира, а значит, в дальнейшем еще более будут способствовать осуществлению эффективной региональной внешнеэкономической стратегии.

Литература

1. Социально-экономическое развитие Витебской области за январь – декабрь 2019 г. – Витебск: Управление статистики и анализа Витебского облисполкома, 2020. – 192 с.
2. Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы / под ред. А.Г. Шумилина. – Минск: ГУ «БелИСА», 2017. – 149 с.
3. Регионы Республики Беларусь, 2019: стат. сб. Т. 1 «Социально-экономические показатели» [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 22.04.2020.
4. Трацевская, Л.Ф. Экономическая диагностика инновационно-инвестиционного потенциала Витебской области / Л.Ф. Трацевская // Право. Экономика. Психология. – 2016. – № 1(4). – С. 41–46.
5. Республиканская программа развития логистической системы и транзитного потенциала на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 июля 2016 г., № 560 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

Поступила в редакцию 01.06.2020

Основные аспекты системного взаимодействия сферы туризма и региональной экономики

Янкевич Е.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Туристическая отрасль оказывает существенное влияние на социально-экономическое развитие страны. Улучшение уровня жизни и благосостояния населения во многом зависит от уровня развития туристической сферы.

Цель статьи – анализ современного состояния экономической системы туризма Республики Беларусь, оценка роли туристической сферы в формировании тенденций экономического развития регионов.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили статистические данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, государственные программные и нормативные документы, электронные информационные ресурсы, публикации специалистов в периодических изданиях. Основные методы исследования: анализ и синтез, горизонтальный анализ, регрессия и корреляция.

Результаты и их обсуждение. В научной работе рассмотрены система взаимодействия сферы туризма и динамика социально-экономических показателей в регионах, оценена взаимосвязь между изменением численности организованных туристов и основными показателями социально-экономического развития регионов, отражающими процессы роста валового внутреннего (регионального) продукта, номинальной начисленной среднемесячной заработной платы, динамику розничного товарооборота и платных услуг населению. Рост данных показателей предопределяет повышение стандартов жизни человека на всех территориях (дестинациях), что способствует равновесию между социальным и экономическим развитием страны.

Заключение. Туристический рынок Республики Беларусь динамично развивался в период 2016–2019 гг. Положительное влияние на него оказывает ряд практических мер государственного регулирования, принятых в последнее время. В ходе проведенного исследования была выявлена существенная взаимосвязь туристической сферы и показателей социально-экономического развития региона. Однако современная ситуация характеризуется снижением среднегодовой численности населения, занятого в экономике, что может оказать существенное влияние на ряд экономически значимых для регионов показателей. Результаты исследования могут быть использованы для принятия региональных управленческих решений. Перспективы развития туризма будут зависеть от позиционирования Беларуси как страны, привлекательной для туризма, что позволит развиваться смежным сферам экономики.

Ключевые слова: сфера туризма, туристические потоки, региональная экономика, дестинация, социально-экономические показатели.

Basic Aspects of System Interaction of the Sphere of Tourism and Regional Economy

Yankevich E.M.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The tourism industry has a significant impact on the social and economic development of the country. Improving the standard of living and welfare of the population depends on the level of development of the tourism sector.

The purpose of the article is to analyze the current state of the economic system of tourism in the Republic of Belarus, assess the role of tourist sphere in shaping trends of the economic development of the Region.

Material and methods. The research material was statistical data from the National Statistical Committee of the Republic of Belarus, state program and regulatory documents, electronic information resources and specialists' publications of in periodicals. The main research methods were analysis and synthesis, horizontal analysis, regression and correlation.

Findings and their discussion. The article considers the interaction of the tourism sector and its impact on the development of the economy in the regions, estimates the dynamics and the number of tourists organized by tourism bureaus on the dynamics of indicators of social and economic development, which reflects the growth processes of the gross domestic (regional) product, the nominal average monthly salary fees, the dynamics of retail trade and services. The growth of these indicators determines the improvement of human life standards in all territories (destinations), which contributes to the balance between social and economic development of the country.

Conclusion. The tourism market of the Republic of Belarus was dynamically developing between 2016 and 2019. A number of practical measures of state regulation adopted recently have a positive effect. The study allowed us to conclude a significant relationship between the interaction of the tourism sector and the indicators of the growth of the social and economic development of the region. However, the current situation is characterized by a decrease in the average annual population employed in the economy, which may have a significant impact on a number of economically significant indicators for the regions. The findings of the study can be used to make managerial decisions. The prospects for tourism development will depend on the positioning of Belarus as a country attractive for tourism, which will allow the development of related sectors of the economy.

Key words: tourism, tourist flows, regional economy, destination, social and economic indicators.

Целью любого государства является повышение уровня благосостояния населения и улучшение его уровня жизни путем развития конкурентоспособной экономики на международном уровне в условиях интеграции. Для выхода на траекторию устойчивого развития каждая страна должна ориентироваться на общесистемные принципы, которые обеспечивают гармоничное развитие экономики, социальной сферы и окружающей среды их взаимодействия. Развитие экономики Республики Беларусь базируется на научных достижениях, практических подходах международного опыта с учетом условий глобального развития и адаптации к особенностям нашей страны. Основные аспекты системного взаимодействия, влияющие на экономический рост, заложены в государственных программах. Так, НСУР-2030 – это долгосрочная стратегия, определяющая цели, этапы и направления перехода Республики Беларусь к постиндустриальному обществу и инновационному развитию экономики при гарантировании всестороннего развития личности, повышении стандартов жизни человека и обеспечении благоприятной окружающей среды. Она призвана устранить имеющиеся дисбалансы и создать прочный фундамент для дальнейшего устойчивого развития на основе модернизации системы экономических отношений и эффективного управления на всех территориальных уровнях с целью равновесия между социальным, экономическим и экологически безопасным развитием страны [1].

Из вышеобозначенного следует, что повышение стандартов жизни человека зависит от системы экономических отношений на территориальном уровне при взаимодействии социальной и экономической сферы.

Цель статьи – анализ современного состояния экономической системы туризма Республики Беларусь, оценка роли туристической сферы в формировании тенденций экономического развития регионов.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили статистические данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, главных статистических управлений Брестской, Витебской, Гомельской, Гродненской, Минской, Могилевской областей, государственные программные документы, такие как Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, научные работы зарубежных и отечественных ученых N. Leiper, А.И. Тарасенок и многих других, которые заложили основы менеджмента туризма и внесли вклад в теорию управления развитием территорий (дестинаций).

Поскольку туризм в Беларуси не развивается обособленно от других стран, был использован сайт UNWTO, где проанализированы тенденции международных туристических прибытий. Основные методы исследования: статистический расчет показателей абсолютного прироста и темпа роста макроэкономических показателей в регионах и Республике Беларусь в целом, а также отрасли туризма. Для оценки наличия, направления и тесноты взаимосвязи между показателями взаимодействия туристической сферы и социально-экономического развития регионов использовался коэффициент корреляции (Спирмена), рассчитанные показатели сравнивались как с региональными, так и с аналогичными показателями по Беларуси в целом.

Результаты и их обсуждение. Стратегия развития Республики Беларусь основывается на программах и концепциях развития на долгосрочный период, где заложены ее видение и приоритетные направления. Так, концептуальным ядром Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь выступает «выявление внешних возможностей и внутренних конкурентных преимуществ в социальной, экономической и природно-ресурсной сферах» [1, с. 5]. Акцент делается на взаимодействии подсистем, «обеспечивающих гармонизацию отношений в триаде «человек–окружающая среда–экономика». Другими словами, социально ориентированная модель развития белорусского государства направлена на экономический рост страны и удовлетворение потребностей местного населения, в том числе и зарубежных граждан, посещающих нашу страну с различными целями, что способствует увеличению экспорта услуг. Повышение уровня жизни населения обуславливается целым спектром социально-экономических показателей, таких как увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении, рост ВВП на душу населения и др. Важным является тот факт, что человек выбирает комфортную среду для проживания с развитой инфраструктурой, возможностью применения своих умений и навыков, реальностью трудоустройства, соответствующим уровнем оплаты труда, возможностью пользования социально-культурными и социально-потребительскими комплексами при соответствующем уровне экологической среды обитания.

В процессе глобализации все страны и регионы вовлечены в конкуренцию между собой в таких пространственно-отраслевых системах, как топливно-энергетическая, продовольственно-сырьевая, высокотехнологическая, социально-трудовая, финансово-инвестиционная, инновационная, военно-промышленная и др. Одной из них является система туризма, которой в по-

следние годы придается особое значение как фактору экономического роста и развития государства, оказывающему достаточное влияние на развитие отраслей, связанных с обслуживанием туристических потоков. Наличие системообразующих потоков туристов и экскурсантов обеспечивает дополнительный приток валютных поступлений, инвестиций в индустрию гостеприимства, маркетинга дестинаций в предложении туристических услуг и товаров. Аспекты системного взаимодействия предлагается рассмотреть с позиций региональной дестинации.

Впервые термин «туристская дестинация» был введен в 1980 г. Лейпером [2]. В данный момент под дестинацией понимают географическую территорию, имеющую определенные границы, которая может привлекать и удовлетворять потребности достаточно широкой группы туристов. При характеристике дестинации используется несколько подходов, предложенных различными зарубежными и отечественными исследователями, которые постоянно дополняются и уточняются. Экономический подход основывается на применении единой валюты, едином рынке труда, общем механизме функционирования рынка. Туристически-ориентированный подход специализируется на определенном виде туризма, схожего культурно-исторического наследия, уровня обслуживания туристов и т.д. Географический подход выделяет территорию, имеющую единый бренд и благоприятную по различным факторам для туризма.

Наиболее обоснованно дает определение дестинации белорусский ученый А.И. Тарасенок и характеризует ее как «центральную подсистему геоэкономической системы туризма, успех развития которой определяется конкурентоспособностью дестинации в отношении освоения туристического спроса, привлечения инвесторов, туроператоров (посредников) и органов местной власти (политических кругов) для увеличения своего потенциала и конкурентной борьбы с другими дестинациями и местными нетуристическими отраслями» [3].

Иными словами, как подсистема дестинация воздействует на различные социально-экономические показатели страны, которые проявляются через разные эффекты. Эффект является отражением результата деятельности, то есть понятия «эффект» и «результат» можно рассматривать как тождественные. Социально-экономический эффект – это не только чисто экономический результат в виде приращения объема производства и стоимости произведенной продукции (услуг), получения прибыли, но и улучшение условий жизни людей, повышение их благосостояния, предотвращение загрязнения окружающей среды,

научно-технический прогресс, развитие личности.

Рассмотрим дестинацию в рамках экономической системы региональной экономики и оценим ее влияние путем анализа некоторых показателей социально-экономического развития Республики Беларусь в целом, так и ее регионов, изменяющихся в процессе воздействия туристической дестинации. На основании статистических данных (таблица 1) осуществим анализ влияния численности туристических потоков на изменение социально-экономических показателей социально-экономического развития Республики Беларусь.

Проанализировав данные таблицы 1, можно констатировать общий рост как показателей численности туристических организаций и обслуженных ими организованных туристов и экскурсантов, так и макроэкономических показателей по Республике Беларусь. За весь период исследования в стране возрастают показатели ВВП, начисленной номинальной заработной платы, увеличивается розничный товарооборот и размер платных услуг населению, что является основой для улучшения уровня благосостояния населения. ВВП в 2019 г. по отношению к 2018 г. увеличился на 7,9%, на душу населения прирост составил 8,6%. Увеличение заработной платы на 12,3% повлекло за собой рост розничного товарооборота и платных услуг населению в размере 10%. Очевидным является факт сокращения среднегодовой численности населения, занятого в экономике, так в 2019 г., по сравнению с 2018 г., снижение составило 0,2%, или на 7,8 тыс. чел. Причем темпы роста численности туристов и экскурсантов, выехавших из Беларуси, выше темпов роста въездного и внутреннего турпотока в 2019 г. по отношению к 2018 г.

Изучив динамику туристических потоков в целом по республике, оценим их влияние на изменение социально-экономических показателей региональной дестинации, предпримем попытку детализировать исследование данного аспекта по регионам.

В таблице 2 рассмотрим показатели туристических потоков и их влияние на некоторые показатели социально-экономического развития Брестского региона.

Как видно из данных таблицы 2, с возрастанием численности организованных туристических потоков наблюдается рост макроэкономических показателей в Брестской области. Прирост среднемесячной заработной платы на 13,8% и ВРП на душу населения на 10,8% способствовал увеличению розничного товарооборота и росту платных услуг населению на 9,9 и 8,8% соответственно. В Брестской области отмечается рост внутреннего туризма (+13,4%). Положительным является тот факт, что преобладают туристические потоки

Таблица 1 – Динамика туристических потоков и показателей социально-экономического развития Республики Беларусь за 2016–2019 гг.

Показатели	2016 г.	2017 г.	2018г.	2019 г.	2019 г. к 2018 г.	
					Абс. прир. (+, -)	Темп роста, %
Число турист. организаций, ед.	1376	1444	1482	1544	62,0	104,2
Всего организованных туристов, обслуж. турист. орг., тыс. чел.	1714,9	1987,0	2224,0	2495,3	271,3	112,2
Численность иностр. туристов и экскурсантов, посетивших Беларусь, тыс. чел.	217,4	282,7	365,5	405,5	40,0	110,9
Численность туристов и экскурсантов, выехавших из Беларуси, тыс. чел.	495,7	727,5	850,7	982,9	132,2	115,5
Численность туристов и экскурсантов, отправленных по маршрутам тура в пределах Беларуси, тыс. чел.	1001,8	976,8	1007,8	1106,9	99,1	109,8
Среднегод. численность населения, занятого в экономике, тыс. чел.	4405,7	4353,6	4337,9	4330,1	-7,80	99,8
Номинал. начислен. среднемесячн. заработная плата, руб.	722,7	822,8	971,4	1090,9 ¹	119,5	112,3
ВВП, млн руб.	94949	105748	122320	131952	9632,0	107,9
ВВП на душу населения, руб.; в текущих ценах	9993	11133	12898	14011	1113,0	108,6
Розничный товарооборот, млрд руб.	36,9	40,2	45,2	49,3	4,1	109,1
Платные услуги населению, млрд руб.	9,3	10,1	11,6	12,8	1,2	110,3

Источник: составлено автором на основании статистических данных [4].

Таблица 2 – Динамика туристических потоков и показателей социально-экономического развития Брестской области за 2016–2019 гг.

Показатели	2016 г.	2017 г.	2018г.	2019 г.	2019 г. к 2018 г.	
					Абс. прир. (+, -)	Темп роста, %
Число турист. организаций, ед.	116	120	117	119	2,0	101,7
Всего организованных туристов, обслуж. турист. орг., тыс. чел.	598,7	635,7	691,6	780,5	88,9	112,9
Въездной туризм, тыс. чел.	64,8	85,4	95,4	105,7	10,3	110,8
Выездной туризм, тыс. чел.	38,7	45,1	50,2	55,8	5,6	111,2
Внутренний туризм, тыс. чел.	495,2	505,2	546,0	619,0	73,0	113,4
Среднегод. численность населения, занятого в экономике, тыс. чел.	600,9	593,8	592,5	590,3	-2,2	99,6
Номинал. начислен. среднемесячн. заработная плата, руб.	617,4	699,1	828,4	942,6 ¹	114,2	113,8
ВРП, млн руб.	9057,6	10367,1	11520,5	12453,7	933,2	108,1
ВРП на душу населения, руб.	6531,9	7483,1	8333,5	9233,2	899,7	110,8
Розничный товарооборот, млн руб.	4506,0	4911,8	5537,0	6084,5	547,5	109,9
Платные услуги населению, млн руб.	935,8	950,9	1077,6	1172,8	95,2	108,8

Источник: составлено автором на основании статистических данных [5].

¹ Данные в таблицах 1–7 приведены по крупным и средним организациям.

внутреннего туризма (113,4%) над туристическими потоками въездного и особенно выездного туризма. Это значит, что население свои доходы перераспределяет внутри региона. Среднегодовая численность населения, занятого в экономике, как и по республике, снизилась в 2019 г. по отношению к 2018 г. на 0,4%, или на 2,2 тыс. чел., что в процентном соотношении выше, чем по стране.

В таблице 3 показаны данные туристических потоков и социально-экономического развития Витебской области.

Витебская область, исходя из данных таблицы 3, демонстрирует положительную тенденцию почти по всем показателям за исследуемое количество лет. Номинальная начисленная заработная плата и ВРП на душу населения в 2019 г. по отношению к 2018 г. увеличились на 12,8%, рост розничного товарооборота и платных услуг населению за данный период составил около 8%. Число туристических организаций возросло на 4,1 п.п. по сравнению с количеством обслуженных организованных туристов и экскурсантов. Значительно выше показатель выездного туризма в отношении внутренних и въездных потоков, прирост составил по отношению к 2018 г. 13,5%. Однако значительно уменьшился въездной турпоток (на 9,6%). Как по республике и Брестской области, так и в Витебской области снизился показатель среднегодо-

вой численности населения, занятого в экономике (на 0,8%).

Взаимосвязь туристических потоков и показателей социально-экономического развития Могилевской области представлена в таблице 4.

В соответствии с данными таблицы 4 можно констатировать, что динамика показателей туристической отрасли оказывает положительное влияние на динамику макроэкономических показателей Могилевской области. За период 2019 г. (к 2018 г.) в наибольшей степени вырос показатель номинальной начисленной заработной платы (+12,0%), ВРП увеличивается меньшими темпами, чем ВРП на душу населения, что предполагает уменьшение численности населения, проживающего в регионе. Рост розничного товарооборота и платных услуг населению составил около 8%. Достаточно высоки темпы прироста выездного туризма (21,4%). Возможно, население Могилевской области больше предпочитает путешествовать через турорганизации, в то время как жители других областей выбирают путешествия самостоятельно. В области снизились только два показателя – среднегодовая численность населения, занятого в экономике (-0,8%, или 3,4 тыс. чел.), и показатель въездного туризма (на 4,7%).

Оценим взаимосвязь туристических потоков и их влияние на показатели социально-эконо-

Таблица 3 – Динамика туристических потоков и показателей социально-экономического развития Витебской области за 2016–2019 гг.

Показатели	2016 г.	2017 г.	2018г.	2019 г.	2019 г. к 2018 г.	
					Абс. прир. (+, -)	Темп роста, %
Число турист. организаций, ед.	135	151	157	171	14,0	108,9
Всего организованных туристов, обслуж. турист. орг., тыс. чел.	165,7	188,3	197,9	207,4	9,5	104,8
Въездной туризм, тыс. чел.	34,1	37,3	37,6	34,0	-3,6	90,4
Выездной туризм, тыс. чел.	36,0	48,8	63,8	72,4	8,6	113,5
Внутренний туризм, тыс. чел.	95,6	102,2	96,5	101,0	4,5	104,7
Среднегод. численность населения, занятого в экономике, тыс. чел.	506,1	494,6	490,3	486,4	-3,9	99,2
Номинал. начислен. среднемесячн. заработная плата, руб.	613,4	687,3	814,4	918,9 ¹	104,5	112,8
ВРП, млн руб.	7498	8036	9074	9903	829,0	109,1
ВРП на душу населения, руб.	6296	6787	7717	8702	985,0	112,8
Розничный товарооборот, млн руб.	4103,4	4410,8	4979,3	5317,5	338,2	106,8
Платные услуги населению, млн руб.	802,0	867,2	966,1	1032,6	66,5	106,9

Источник: составлено автором на основании статистических данных [6].

Таблица 4 – Динамика туристических потоков и показателей социально-экономического развития Могилевской области за 2016–2019 гг.

Показатели	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019 г. к 2018 г.	
					Абс. прир. (+, -)	Темп роста, %
Число турист. организаций, ед.	92	92	92	94	2,0	102,2
Всего организованных туристов, обслуж. турист. орг., тыс. чел.	90,7	98,8	110,9	123,6	12,7	111,5
Въездной туризм, тыс. чел.	7,9	8,4	8,5	8,1	-0,4	95,3
Выездной туризм, тыс. чел.	26,0	36,4	45,8	55,6	9,8	121,4
Внутренний туризм, тыс. чел.	56,8	54,0	56,6	59,9	3,3	105,8
Среднегод. численность населения, занятого в экономике, тыс. чел.	461,6	451,6	448,1	444,7	-3,4	99,2
Номинал. начислен. среднемесячн. заработная плата, руб.	609,3	690,4	802,0	898,5 ¹	96,5	112,0
ВРП, млн руб.	6743,8	7517,7	8458,7	9105,3	646,6	107,6
ВРП на душу населения, руб.	6326,1	7081,6	8011,6	8875,3	863,7	110,8
Розничный товарооборот, млн руб.	3251,7	3579,1	3972,6	4282,9	310,3	107,8
Платные услуги населению, млн руб.	667,4	717,3	822,5	889,7	67,2	108,2

Источник: составлено автором на основании статистических данных [7].

Таблица 5 – Динамика туристических потоков и показателей социально-экономического развития Гродненской области за 2016–2019 гг.

Показатели	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019 г. к 2018 г.	
					Абс. прир. (+, -)	Темп роста, %
Число турист. организаций, ед.	105	104	110	104	-6,0	94,6
Всего организованных туристов, обслуж. турист. орг., тыс. чел.	78,0	115,0	181,9	214,6	32,7	118,0
Въездной туризм, тыс. чел.	4,7	38,8	94,8	125,2	30,4	132,1
Выездной туризм, тыс. чел.	24,5	32,7	38,4	42,7	4,3	111,2
Внутренний туризм, тыс. чел.	48,8	43,5	48,7	46,7	-2,0	95,9
Среднегод. численность населения, занятого в экономике, тыс. чел.	477,6	468,3	463,0	460,8	-2,2	99,5
Номинал. начислен. среднемесячн. заработная плата, руб.	622,4	703,2	831,9	939,8 ¹	107,9	113,0
ВРП, млн руб.	7741,3	8688,5	10070,3	10838,9	768,6	107,6
ВРП на душу населения, руб.	7381,1	8309,9	9669,3	10543,9	874,6	109,1
Розничный товарооборот, млн руб.	3813,4	4129,1	4658,0	5071,5	413,5	108,9
Платные услуги населению, млн руб.	694,8	743,7	837,0	920,6	83,6	110,0

Источник: составлено автором на основании статистических данных [8].

мического развития приграничной Гродненской области (таблица 5).

Как показывают данные таблицы 5, положительная динамика отмечается по большинству показателей как туристической отрасли, так и социально-экономического развития Гродненской области. За исследуемый период достаточными темпами увеличивается численность обслуженных организованных туристов, прирост численности которых в 2019 г. (по отношению к 2018 г.) составил 18,0%. Данная ситуация обусловлена ростом въездного турпотока, чему способствовала программа безвизового режима въезда зарубежных туристов, невзирая на снижение турорганизаций на 5,4%. Можно предположить, что эффективно осуществляли свою деятельность только конкурентоспособные туристические организации, с соответствующей маркетинговой стратегией. В Гродненской области номинальная начисленная заработная плата выросла на 13,0%, валовый региональный продукт на душу населения увеличился на 9,1%, что повлекло за собой увеличение розничного товарооборота на 8,9% и платных услуг населению на 10,0%. Как по республике в целом, так и в Гомельской области стабильно снижается показатель среднегодовой численности населения, занятого в экономике, который в 2019 г. по отношению к 2018 г. уменьшился на 2,2 тыс. чел. (-0,5%).

Влияние туристической сферы на результаты социально-экономического развития Гомельской области отражено в таблице 6.

В Гомельской области, исходя из данных таблицы 6, число туристических организаций и численность организованных туристов, обслуженных ими, увеличились в 2019 г. (по сравнению с 2018 г.) в пределах 8%. Положительным является тот факт, что въездной вид туризма преобладает над выездными и внутренними потоками и составил 14,6%. Данная ситуация объясняется привлекательностью территории для туристов. Темпы роста номинальной начисленной заработной платы достигли 14,2%, ВРП увеличился меньшими темпами, чем на душу населения, что говорит о малонаселенности региона. Розничный товарооборот и платные услуги населению увеличились за последние годы и составили около 8% и ничем не отличаются от темпов роста других регионов. Численность населения, занятого в экономике, уменьшилось на 0,4%.

Результаты социально-экономического развития Минской области и влияние на них сферы туризма показаны в таблице 7.

В Минской области количество туристических организаций – 131 ед., и их увеличение в 2019 г. не существенно, как показывают данные таблицы 7. Номинальная начисленная заработная плата и ВРП повысились в пределах 15%.

Таблица 6 – Динамика туристических потоков и показателей социально-экономического развития Гомельской области за 2016–2019 гг.

Показатели	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019 г. к 2018 г.	
					Абс. прир. (+, -)	Темп роста, %
Число турист. организаций, ед.	123	139	140	150	10,0	107,1
Всего организованных туристов, обслуж. турист. орг., тыс. чел.	68,5	78,4	87,9	95,2	7,3	108,3
Въездной туризм, тыс. чел.	4,2	3,9	4,8	5,5	0,7	114,6
Выездной туризм, тыс. чел.	37,6	50,6	57,4	62,5	5,1	108,9
Внутренний туризм, тыс. чел.	26,7	23,9	25,7	27,2	1,5	105,8
Среднегод. численность населения, занятого в экономике, тыс. чел.	602,4	594,0	590,8	588,5	-2,3	99,6
Номинал. начислен. среднемесячн. заработная плата, руб.	633,5	722,9	853,3	974,5 ¹	121,2	114,2
ВРП, млн руб.	9422,6	10778,9	12304,3	13456,6	1152,3	109,4
ВРП на душу населения, руб.	6627,3	7600,4	8709,1	9679,8	970,7	111,2
Розничный товарооборот, млн руб.	4426,0	4781,4	5371,3	5774,3	403,0	107,5
Платные услуги населению, млн руб.	947,1	986,1	1096,3	1185,0	88,7	108,1

Источник: составлено автором на основании статистических данных [9].

В 2019 г. достаточное увеличение получил розничный товарооборот (+10,1%). Несколько ниже, чем у других областей, темпы прироста платных услуг населению (+6,2%). Вызывает особое удивление сокращение на 24% въездных туристических потоков в 2019 г. (по сравнению с 2018 г.). Вероятно, это можно объяснить отсутствием существенных конкурентных преимуществ по сравнению со столицей, располагающей высокоразвитой туристической инфраструктурой и предлагающей широкий ассортимент всех видов туристических услуг высокого качества. Положительным является факт увеличения численности занятого населения в экономике на 0,1%, что объясняется достаточным количеством хозяйствующих субъектов малого и среднего бизнеса. Город Минск существенно отличается от прочих регионов по своим качественным характеристикам, которые в свою очередь формируют принципиально отличные количественные показатели. Таким образом, прямое сравнение г. Минска с областями республики будет не совсем корректным. Кроме того, туристическая система г. Минска является неотъемлемой частью туристической отрасли республики в целом, поэтому при расчете общереспубликанских показателей статистические данные по городу Минску нами учтены.

Проанализировав каждый регион, приведем сравнительную характеристику развития туризма и их влияния на динамику основных соци-

ально-экономических показателей и разместим данные в итоговую таблицу 8.

Данные таблицы 8 позволяют утверждать, что рост потоков организованного туризма оказывает влияние на темпы роста социально-экономических показателей валового внутреннего продукта (валового регионального продукта) в целом и на душу населения как по Республике Беларусь, так и по областям. При этом рост численности организованных туристов, обслуженных туристическими организациями, демонстрирует прямую связь с приростом номинальной начисленной среднемесячной заработной платы (+12,3% по стране), данный показатель в Брестской и Гродненской областях выше республиканского. На общереспубликанском уровне за 2019 г. по показателю численности туристических организаций успешней оказалась Витебская область (прирост 8,9%). По показателю обслуженных организованных туристов – Гродненская область (прирост 18% за счет «безвизового режима въезда»). Наибольший прирост по въездному туризму получила Гродненская область (32,1%). Выездной туризм больше всего развит в Минской и Могилевской областях (прирост 24,3 и 21,4% соответственно). Если для Минской области данная ситуация объяснима и связана с более высокими доходами населения, обусловленными развитостью субъектов малого и среднего бизнеса, то что касается Могилевской области, данный

Таблица 7 – Динамика туристических потоков и показателей социально-экономического развития Минской области за 2016–2019 гг.

Показатели	2016 г.	2017 г.	2018г.	2019 г.	2019 к 2018 г.	
					Абс. прир. (+, -)	Темп роста, %
Число турист. организаций, ед.	123	126	130	131	1,0	100,8
Всего организованных туристов, обслуж. турист. орг., тыс. чел.	156,2	152,7	139,4	147,9	8,5	106,1
Въездной туризм, тыс. чел.	13,6	10,2	7,9	6,0	-1,9	76,0
Выездной туризм, тыс. чел.	24,2	32,3	36,2	45,0	8,8	124,3
Внутренний туризм, тыс. чел.	118,4	114,7	95,3	96,9	1,6	101,7
Среднегод. численность населения, занятого в экономике, тыс. чел.	691,2	683,7	686,3	686,7	0,4	100,1
Номинал. начислен. среднемесячн. заработная плата, руб.	713,3	812,9	956,8	1098,3 ¹	141,5	114,8
ВРП, млн руб.	13802,5	15856,2	18056,0	20786,1	2730,1	115,1
ВРП на душу населения, руб.	9719,1	11129,1	12648,4	14140,4	1492,0	111,8
Розничный товарооборот, млн руб.	5537,5	6036,2	6681,9	7356,3	674,4	110,1
Платные услуги населению, млн руб.	637,6	696,6	829,7	881,3	51,6	106,2

Источник: составлено автором на основании статистических данных [10].

Таблица 8 – Сравнительная характеристика темпов роста показателей туристических потоков и показателей социально-экономического развития по Республике Беларусь и оцененным регионам за 2019 г.

Показатели	Темпы роста показателей за 2019 г. к 2018 г., в %						
	Республика Беларусь	Брестская обл.	Витебская обл.	Могилевская обл.	Гродненская обл.	Гомельская обл.	Минская обл.
Число турист. организаций, ед.	104,2	101,7	108,9	102,2	94,6	107,1	100,8
Всего организованных туристов, обслуж. турист. орг., тыс. чел.	112,2	112,9	104,8	111,5	118,0	108,3	106,1
Въездной туризм, тыс. чел.	110,9	110,8	90,4	95,3	132,1	114,6	76,0
Выездной туризм, тыс. чел.	115,5	111,2	113,5	121,4	111,2	108,9	124,3
Внутренний туризм, тыс. чел.	109,8	113,4	104,7	105,8	95,9	105,8	101,7
Среднегод. численность населения, занятого в экономике, тыс. чел.	99,8	99,6	99,2	99,2	99,5	99,6	100,1
Номинал. начислен. среднемесячн. заработная плата, руб.	112,3	113,8	112,8	112,0	113,0	114,2	114,8
ВРП, млн руб.	107,9	108,1	109,1	107,6	107,6	109,4	115,1
ВРП на душу населения, руб.	108,6	110,8	112,8	110,8	109,1	111,2	111,8
Розничный товарооборот, млн руб.	109,1	109,9	106,8	107,8	108,9	107,5	110,1
Платные услуги населению, млн руб.	110,3	108,8	106,9	108,2	110,0	108,1	106,2

Источник: составлено автором на основании статистических данных [4–10].

Таблица 9 – Расчетные показатели для оценки коэффициента ранговой корреляции по регионам и Республике Беларусь за 2018 г.

Показатели	Республика Беларусь	Брестская обл.	Витебская обл.	Могилевская обл.	Гродненская обл.	Гомельская обл.	Минская обл.
Число туристов, тыс. чел. (x)	2224,0	691,6	197,9	110,9	181,9	87,9	139,4
ВВП (ВРП) на душу населения, руб. (y)	12898	8333,5	7717	8011,6	9669,3	8709,1	12648,4
Розничный товарооборот, млн руб. (y)	45165,0	5537,0	4979,3	3972,6	4658,0	5371,3	6681,9
Платные услуги населению, млн руб. (y)	11646	1077,6	966,1	822,5	837,0	1096,3	829,7

Источник: составлено автором на основании статистических данных [4–10].

Таблица 10 – Расчетные показатели для оценки коэффициента ранговой корреляции по регионам и Республике Беларусь за 2019 г.

Показатели	Республика Беларусь	Брестская обл.	Витебская обл.	Могилевская обл.	Гродненская обл.	Гомельская обл.	Минская обл.
Число туристов, тыс. чел. (x)	2495,3	780,5	207,4	123,6	214,6	95,2	147,9
ВВП (ВРП) на душу населения, руб. (y)	14011	9233,2	8402,0	8875,3	10543,9	9679,8	14140,4
Розничный товарооборот, млн руб. (y)	49284,0	6084,5	5317,5	4282,9	5071,5	5774,3	7356,3
Платные услуги населению, млн руб. (y)	12829	1172,8	1032,6	889,7	920,6	1185,0	881,3

Источник: составлено автором на основании статистических данных [4–10].

факт требует дальнейшего исследования. Развитие внутреннего туризма в Брестской области (прирост 13,4%) может стать примером для других регионов. Выше среднего по стране показатель ВРП Минской области (15,1%). Прирост ВРП на душу населения в Витебской области (12,8%) обусловлен снижением численности населения региона. Естественная убыль населения Витебщины составила в 2019 г. 7728 чел., миграционная убыль – 1583 чел., причем преобладает межобластная миграция (–2270 чел., а международная составила +687 чел.) [6]. Розничный товарооборот высокий в Минской и Гродненской областях, платные услуги населением более востребованы и возросли в Гродненской и Брестской областях, т.е. где выше всего показатель численности туристов, обслуженных туристическими организациями региона. Необходимо отметить, что статистические данные развития туризма в Беларуси позволяют анализировать информацию, касающуюся только организованного туризма.

Исходя из результатов исследования можем с уверенностью констатировать наличие прямой взаимосвязи между развитием туристической от-

обусловимся, что x-признак – число организованных туристов, y-результат – размер ВВП(ВРП) на душу населения, розничный товарооборот и платные услуги населению.

В результате оценки показателей численности туристов и ее влияния на ВРП на душу населения за 2019 г. получен коэффициент ранговой корреляции $\rho = 0,5741$, что говорит о наличии тесной и прямой связи между показателем численности организованного туризма и размером валового внутреннего (регионального) продукта на душу населения. Коэффициент ранговой корреляции между численностью обслуженных туристов и показателем розничного товарооборота ($\rho = 0,9649$) свидетельствует о существенной и прямой взаимосвязи. Коэффициент корреляции между показателем обслуженных туристов и платными услугами населению составил $\rho = 0,9672$ и говорит о существенной прямой связи. Причем результаты деятельности туристической отрасли более значимо влияют на показатели розничного товарооборота и платных услуг населению, чем на ВРП, и это факт, т.к. доля отрасли туризма в ВВП пока недостаточна невелика.

В 2019 г. в результате расчета получены следующие коэффициенты ранговой корреляции: влияние на ВРП ($\rho = 0,5383$), влияние на розничный товарооборот ($\rho = 0,9643$), влияние на размер платных услуг населению ($\rho = 0,9665$), что говорит о наличии существенной, тесной и прямой связи между показателем численности организованного туризма и анализируемыми показателями социально-экономического развития регионов.

Изучив и проанализировав показатели по регионам Республики Беларусь, следует отметить, что, по данным UNWTO, за 2019 г. было зарегистрировано 1,5 млрд международных туристических прибытий, что на 4% выше, чем в 2018 году, таким образом, туризм «растет» уже десятый год подряд [11]. Цифры прошлых лет доказывают, что важность этого сектора невозможно

расли и показателями социально-экономического развития регионов. Для оценки тесноты связи мы рассчитали коэффициенты ранговой корреляции Спирмена:

где d – разность между рангами x-признака и y-результата по каждой единице совокупности.

Для расчетов использовали исследуемые нами абсолютные показатели туристической сферы и социально-экономического развития по регионам Республики Беларусь за два года и представили исходные данные в таблицах 9–10, для чего

$$\rho = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n(n^2 - 1)},$$

переоценить. Прослеживается тенденция возрастания туристических потоков неорганизованного туризма, что предполагает исследование транспортных потоков и оказания транспортных услуг.

Заключение. Результаты проведенного исследования демонстрируют наличие системного влияния региональной дестинации на социально-экономическое развитие регионов и страны в целом. Статистический анализ подтверждает тесную прямую связь между ростом туристических потоков и основных показателей социально-экономического развития Республики Беларусь и ее регионов. Все это в комплексе дает возможность говорить о развитии сферы туризма как об одном из ключевых направлений реализации потенциала экономического роста и социально-экономического развития на местном, региональном и республиканском уровнях. Перспективным направлением дальнейших исследований является детальный анализ и выявление различного рода факторов и причинно-следственных связей между развитием региональной дестинации и социально-экономическим развитием регионов, что позволит сформулировать комплекс предложений и рекомендаций для формирования управленческих решений на микро-, мезо- и макроуровне.

Литература

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года: протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 02 мая 2017 г. № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.economy.gov.by/](https://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf)

2. Leiper, N. *Tourism Management*. 3d ed. / N. Leiper. – Sidney: Pearson Education Australia, 2004. – 326 p.
3. Тарасенок, А.И. Геоэкономический механизм обеспечения конкурентоспособности туристических дестинаций: учеб.-метод. пособие / А.И. Тарасенок. – Минск: РИПО, 2014. – 144 с.
4. Беларусь в цифрах: стат. справочник [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 29.04.2020.
5. Брестская область в цифрах: стат. справочник [Электронный ресурс] // Главное статистическое управление Брестской области. – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://brest.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 02.05.2020.
6. Витебская область в цифрах: стат. справочник [Электронный ресурс] // Главное статистическое управление Витебской области. – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://vitebsk.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 02.05.2020.
7. Могилевская область в цифрах: стат. справочник [Электронный ресурс] // Главное статистическое управление Могилевской области. – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://mogilev.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 02.05.2020.
8. Гродненская область в цифрах: стат. справочник [Электронный ресурс] // Главное статистическое управление Гродненской области. – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://grodno.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 02.05.2020.
9. Гомельская область в цифрах: стат. справочник [Электронный ресурс] // Главное статистическое управление Гомельской области. – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://gomel.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 02.05.2020.
10. Минская область в цифрах: стат. справочник [Электронный ресурс] // Главное статистическое управление Минской области. – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://minsk.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 02.05.2020.
11. Количество международных туристических поездок достигло 1,5 миллиарда [Электронный ресурс] // Новости туризма. – Режим доступа: <https://www.unian.net/tourism/news>. – Дата доступа: 04.05.2020.

Поступила в редакцию 01.06.2020

Тревожность как стратегия поведения личности с ограниченными возможностями здоровья

Богомаз С.Л., Оленина О.Е.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Проблема тревожности является одной из наиболее актуальных в современной психологии, так как может сигнализировать об опасной ситуации, а также привлекает внимание к возможным трудностям, препятствиям для достижения цели, содержащимся в ситуации, позволяет мобилизовать силы и тем самым достичь наилучшего результата. Однако чрезмерно высокий уровень тревожности рассматривается как дезадаптивная реакция, проявляющаяся в общей дезорганизации поведения и деятельности, достижении успехов.

Цель статьи – изучение влияния тревожности на выбор копинг-стратегий поведения личности с ограниченными возможностями здоровья.

Материал и методы. Исследование проводилось с ноября 2018 по ноябрь 2019 года в городе Витебске. В нем принимали участие молодые люди в возрасте от 19 до 24 лет, имеющие ограниченные возможности здоровья (всего 16 респондентов). Среди них 12 девушек и 4 юноши. При работе с респондентами использованы следующие методы: диагностические методы, методы количественной и качественной обработки эмпирических данных, включая методы математической статистики.

Результаты и их обсуждение. Заболевание, приводящее к инвалидности, травма или дефект, не влияющий на то, какие физиологические составляющие индивидуального организма являются отклоненными от функциональной нормы, приводят к тем последствиям, за которыми стоят ситуация особого психологического климата для человека, затрудненные жизненные условия, а именно возникновение специфической социальной и психологической ситуации. Возникающие перемены приобретают непосредственную связь с наступлением инвалидности, появляется стремительное снижение функции удовлетворения необходимых потребностей, а также приобретения социальной, профессиональной и личностной самореализации индивида. В результате свое место находит состояние фрустрации, т.е. ситуативная ответная реакция на дисфункцию получить необходимое, затем проявляет себя индивидуальное реагирование на стратегии неконструктивного характера, которые ставят преграду на пути к преодолению трудной ситуации.

Заключение. Материалы исследования использованы при разработке психокоррекционной программы, направленной на снижение высокого уровня тревожности у людей с ограниченными возможностями здоровья, внедренной на базе кафедры прикладной психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Ключевые слова: тревожность, ситуативная тревожность, личностная тревожность, состояние, свойство, устойчивое образование, копинг, стратегия, совладающее поведение, ограниченные возможности, дезадаптация, личность.

Behavior of the Person With Health Disabilities

Bogomaz S.L., Olenina O.E.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The issue of anxiety is one of the most relevant in the contemporary psychology since it can signal about the danger and draws attention to possible situation hardships, obstacles to reaching the aim, makes it possible to mobilize forces and thus gain the best result. However the extremely high anxiety level is considered as a maladaptation reaction which manifests itself in the general behavior and activity disorganization.

The purpose of this article is to study the influence of anxiety on the choice of behavior coping strategies of a person with disabilities.

Material and methods. The study was conducted from November 2018 to November 2019 in the City of Vitebsk. Sixteen young people aged 19 to 24 with health disabilities took part in the research. Among the 12 were girls and 4 were boys. The following methods were used: diagnostic methods, methods of quantitative and qualitative processing of empirical data, including methods of mathematical statistics.

Findings and their discussion. A disease, an injury or defect leading to disability which do not affect the physiological components of the individual body which are the deviation from the functional norm, lead to the consequences, behind which there is a situation of a special psychological climate for a person, difficult living conditions, namely, the emergence of a specific social and psychological situation. The emerging changes acquire a direct relationship with the onset of disability; there is a rapid decline in the function of meeting the necessary needs, as well as the acquisition of social, professional and personal self-implementation of the individual. As a result, a state of frustration takes place, i.e. a situational response to the dysfunction to get what is needed; then an individual response to strategies of a non-constructive nature that put an obstacle on the way to overcoming a difficult situation manifests itself.

Conclusion. The research materials were used in elaborating a psycho-correction program which aims at the reduction of high level anxiety of people with health disabilities that was introduced at the Department of Applied Psychology of Vitebsk State P.M. Masherov University.

Key words: anxiety, situational anxiety, personal anxiety, state, property, sustainable education, coping, strategy, coping behavior, disabilities, maladaptation, personality.

Из волнующих проблем, которые возникают в профессиональной и практической деятельности человека, важное место занимают те, которые связаны с психическими состояниями. Процесс принятия и переживания человеком факта ограничения своих физических возможностей имеет сложноструктурную основу, на которую может оказать непосредственное влияние множество факторов. Первоочередно данные ограничения подразумевают изменения социальной ситуации развития личности, а также они приводят к смене роли и изменению круга лиц, которые включены во взаимодействие с человеком, масштаба решаемых им проблем и возможностей принятия им решений и ответственности, к изменению его образа жизни и, наконец, его «образа Я». Личностная деформация, которая происходит, в свою очередь, приводит к кардинальным изменениям во всей структуре личности в целом. С успехом противостоять таким переживаниям дается возможность, увы, не каждому. В большом количестве случаев человеком, который столкнулся с таковой ситуацией, для снижения уровня деструктивных чувств используются неконструктивные психологические защиты (отрицание, вытеснение, диссоциация, примитивная изоляция, регрессия и т.д.). Возникают подобные реакции в результате неправильно построенной стратегии совладания с появившейся ситуацией. Кроме того, верно выбранная стратегия совладания с ситуацией ограниченных возможностей способствует не только восстановлению и поддержанию психологического равновесия, но и также оказывает содействие в формировании гармоничной, зрелой личности, которая умеет правильно оценивать окружающую ее действительность и способна противостоять различным стрессогенным факторам [1].

Цель статьи – изучение влияния тревожности на выбор копинг-стратегий поведения личности с ограниченными возможностями здоровья.

Материал и методы. Наше исследование проводилось с ноября 2018 по ноябрь 2019 года в городе Витебске. В нем принимали участие молодые люди в возрасте от 19 до 24 лет, имеющие ограниченные возможности здоровья (всего 16 респондентов). Среди них 12 девушек и 4 юноши. Основной характер ограничения в возможностях здоровья отобранных испытуемых имело врожденное заболевание с дисфункцией опорно-двигательного аппарата, речевого и слухового анализаторов либо приобретенная травма шейного и спинного отделов. Ввиду определенных сложностей в организации и проведении диагностики испытуемых при личной встрече исследование проводилось исключительно при помощи сети Интернет посредством электронных бланков методик. Диагностические методики: шкала личностной и ситуативной тревожности Ч.Д. Спилбергера–Ю.Л. Ханина [2], индикатор копинг-стратегий (Д. Амирхан) [3], диагностика стратегий импунитивного поведения в конфликтных ситуациях [4], методы количественной и качественной обработки эмпирических данных, включая методы математической статистики (коэффициент корреляции r Пирсона), выполненные в пакете статистических программ SPSS 15.0 [5].

Результаты и их обсуждение. Исследование осуществлялось в несколько этапов. По результатам диагностики по методике выявления уровня тревожности Спилбергера были получены следующие данные: 75% испытуемых с ограниченными возможностями здоровья испытывают средний уровень ситуативной тревожности (рисунок 1); 38% испытуемых с ограниченными возможностями здоровья испытывают высокий уровень личностной тревожности (рисунок 2).

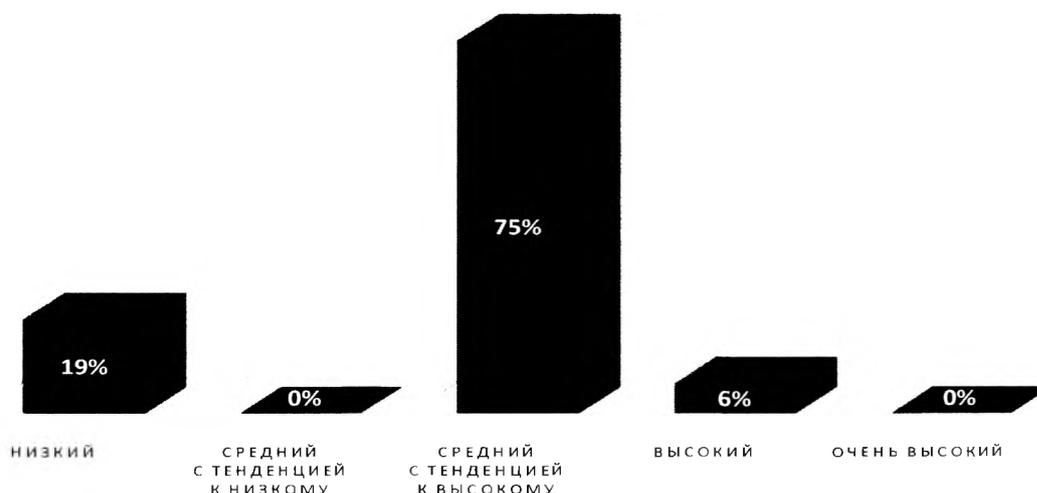

Рисунок 1 – Результаты диагностики ситуативной тревожности людей с ОВЗ

По результатам диагностики по методике изучения стратегий совладающего поведения Амирхана были получены следующие данные:

шкала «Разрешение проблем» (преобладает средний уровень – 50% испытуемых); шкала «Поиск социальной поддержки» (преобладает средний уровень – 19% испытуемых); шкала «Избегание проблем» (преобладает высокий уровень – 69% испытуемых) (таблица).

Анализ полученных результатов по методике «Диагностика стратегий импунитивного поведения в конфликтных ситуациях» показал следующее:

выбор форм в пользу адаптивного поведения: разрядка (60%), рациональные действия (71%), поиск помощи (68%), позитивное мышление (20%), поэтапные действия (61%), приобретение силы (60%), самоизменение (19%), оценка вины (21%), вера (40%), выражение чувств (33%) и т.д.;

выбор форм в пользу паллиативного поведения: разрядка (60%), фатализм (20%), самообвинение (44%), отстранение (56%), отвлечение (54%), сдерживание (32%), уход (73%), преодоление вне реальности (46%) и т.д.;

ведущими стратегиями стали: разрядка (60%), поэтапные действия (61%), сравнение (68%), осторожность (75%), уход (73%), нерешительность (53%), рациональные действия (71%), поиск помощи (68%), отстранение (56%), приобретение силы (60%), самообвинение (49%), отвлечение (54%).

Имеются два ключевых вида разрешения трудных ситуаций внутреннего конфликта – адаптационный и паллиативный. Адаптационное действие направлено на интенсивную перемену остроконфликтных взаимоотношений, реальное предотвращение остроконфликтного условия. Его определяют, к примеру, подобные формы преодолевающего поведения, равно как поэтапное разрешение, переосмысление, обращение за поддержкой и т.д. Паллиативное действие обозначает душевную психологическую адаптацию к конфликту внутри целей лимитирования его нервных, психологических и прочих потерь с помощью подобных поведенческих реакций, непосредственное представление эмоций, снятие напряжения, заменяющая работа (сублимация), воображение, комизм, подавление, устранение

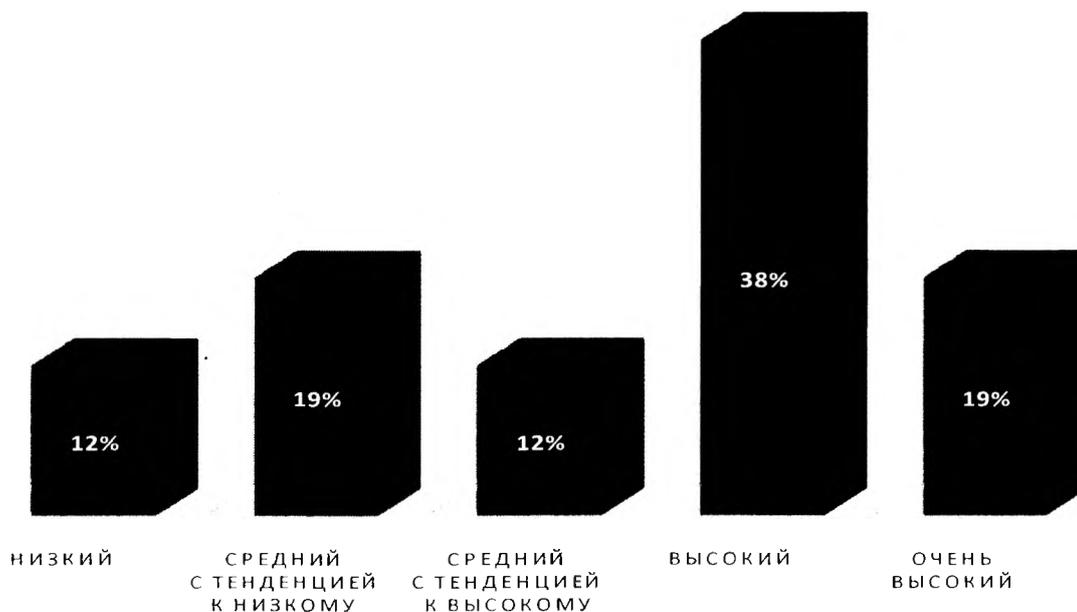

Рисунок 2 – Результаты диагностики личностной тревожности людей с ОВЗ

Таблица – Результаты диагностики стратегий совладающего поведения людей с ОВЗ

Уровень шкала	Разрешение проблем	Поиск социальной поддержки	Избегание проблем
Очень низкий	6%	13%	6%
Низкий	44%	6%	19%
Средний	50%	19%	69%
Высокий	0%	62%	6%

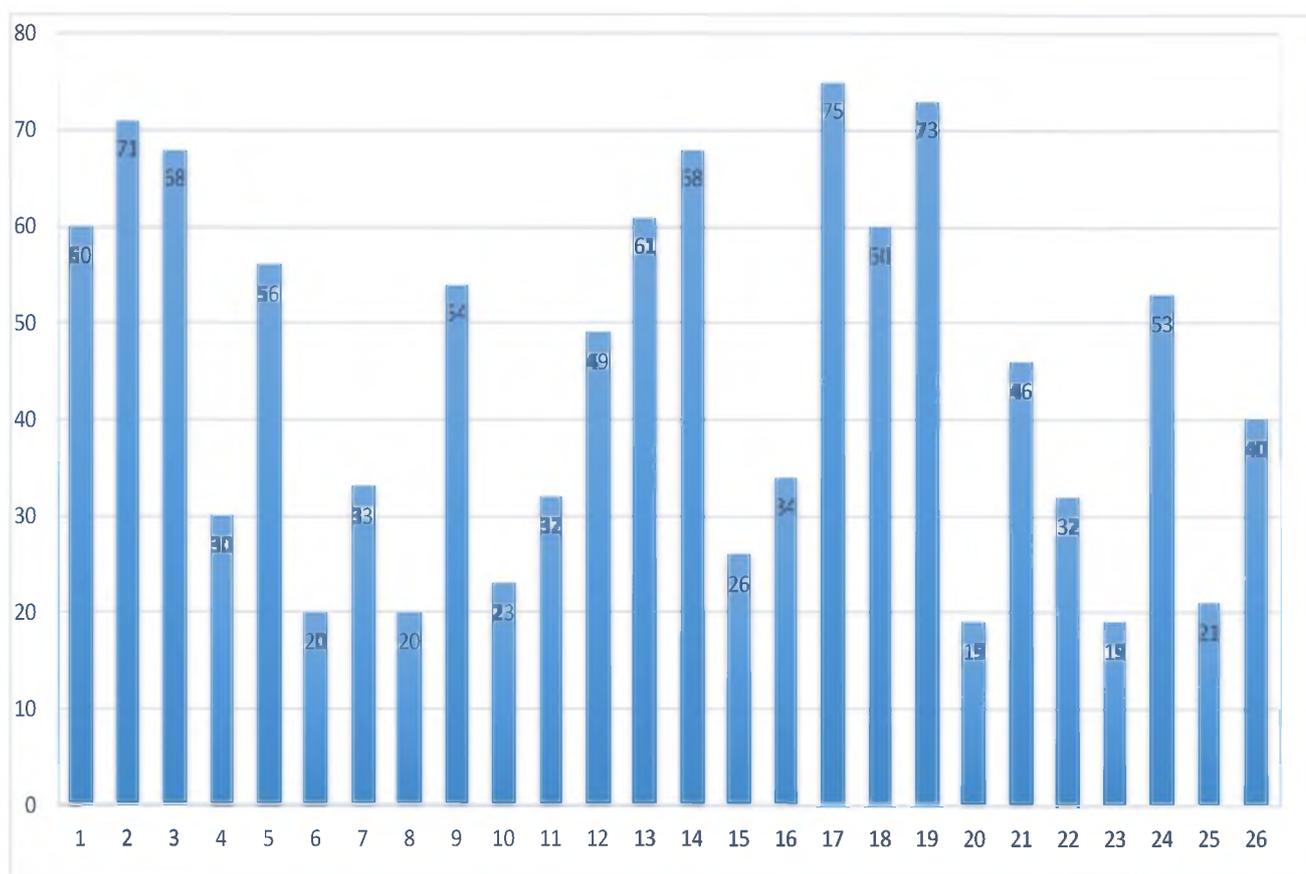

Рисунок 3 – Результаты диагностики стратегий импульсивного поведения в конфликтных ситуациях людей с ОВЗ

и др. Применение подобного действия более рационально при неразрешимых разногласиях.

Для определения степени взаимовлияния изучаемых нами переменных был использован корреляционный анализ. В первую очередь мы исследовали степень взаимосвязи уровня ситуативной тревожности людей с ограниченными возможностями здоровья и шкал стратегий совладающего поведения (разрешение проблем, поиск социальной поддержки и избегание проблем). Исходя из результатов исследования было выявлено, что между интересующими нас переменными существует определенная связь. Средняя положительная корреляция (по общей классификации) фиксируется между переменными «Ситуативная тревожность» и «Поиск социальной поддержки» ($r = 0,561$). Также средняя положительная корреляция (по общей классификации) фиксируется между переменными «Ситуативная тревожность» и «Избегание проблем» ($r = 0,503$).

Затем нами была изучена степень взаимовлияния уровня личностной тревожности с теми же шкалами. В данном случае зафиксирована сильная (по общей классификации) положительная корреляция (по общей классификации) между переменными «Личностная тревожность»

и «Поиск социальной поддержки» ($r = 0,770$), а также между переменными «Личностная тревожность» и «Избегание проблем» ($r = 0,600$). В соответствии с частной классификацией между этими переменными существует значимая корреляция, поскольку коэффициент корреляции соответствует уровню статистической значимости $p \leq 0,01$.

В итоге наличие сильной положительной корреляции, которая существует между выбранными стратегиями «Поиск социальной поддержки», «Избегание проблем» и личностной тревожности, свидетельствует о том, что люди с ограниченными возможностями здоровья, которые имеют личностную склонность к проявлению повышенного или высокого уровня психологического напряжения в самых разных жизненных ситуациях, даже таких, которые объективно к этому не располагают, испытывают безотчетный страх, неопределенное ощущение угрозы, готовы воспринять любое событие как неблагоприятное и опасное. Человек, подверженный такому состоянию, постоянно находится в настороженном и подавленном настроении, у него затрудняются контакты с окружающим миром. Зачастую такие люди испытывают трудности в принятии реше-

ний, тем самым проявляя способность человека уходить от решения надвигающихся проблем путем избегания проблемной ситуации и прибегая к поиску помощи со стороны окружающих. Данные связи также обосновываются и тем, что люди с ОВЗ являются социально уязвимой группой.

Заключение. Таким образом, результаты исследования дают основание говорить о том, что несмотря на значительное количество зарубежных и отечественных исследований, посвященных психологическим особенностям людей с ограниченными возможностями здоровья, в спектре интересующих все еще остается масса нерешенных проблем, в том числе касаемых специфики совладающего поведения данной категории личностей, которые, в свою очередь, должны быть подвержены тщательному научному изучению.

Материалы исследования использованы при разработке психокоррекционной программы, направленной на снижение высокого уровня

тревожности у людей с ограниченными возможностями здоровья, внедренной в образовательный процесс при составлении преподавателями психологии учебного материала для студентов-психологов на базе кафедры прикладной психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Литература

1. Богомаз, С.Л. Самоанализ: подходы, тенденции, возможности и ограничения / С.Л. Богомаз // Вестн. Віцеб. дзярж. ун-та. – 2005. – № 2(36). – С. 50–70.
2. Спилбергер, Ч.Д. Шкала личностной и ситуативной тревожности. Психологическая диагностика / Ч.Д. Спилбергер. – М.: ООО «Исследовательская группа Социальные науки», 2011. – 141 с.
3. Амирхан, Д. Индикатор копинг-стратегий [Электронный ресурс] / Д. Амирхан. – Режим доступа: <https://vsetesti.ru/448/>. – Дата доступа: 09.11.2018.
4. Диагностика стратегий импунитивного поведения в конфликтных ситуациях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vsetesti.ru/196/>. – Дата доступа: 12.01.2020.
5. Албегова, И.Ф. Особенности социальной адаптации инвалидов / И.Ф. Албегова // Вестн. соц. работы. – 2003. – № 2(7). – С. 214–220.

Поступила в редакцию 09.03.2020

Содержание образа Я у матерей, имеющих детей раннего возраста с отклонениями в развитии

Валитова И.Е.

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Рождение ребенка с отклонениями в развитии рассматривается как жизненный кризис, преодоление которого и появление чувства эмоционального благополучия возможно при модификации субъектом своего образа Я. Специфика образа Я женщины, переживающей кризисную ситуацию, а также роль модификаций образа Я в принятии данной ситуации относится к малоисследованным вопросам.

Цель статьи – описать специфику структуры образа Я у матерей, имеющих детей раннего возраста с неврологической патологией, на основе сравнения с матерями нормально развивающихся детей.

Материал и методы. Выборка включала 2 группы исследуемых. 1-я группа: 117 матерей детей с неврологической патологией. Все дети проходили курсы реабилитации в центре медицинской реабилитации, они имеют выраженные и умеренно выраженные отставания в двигательном, познавательном, речевом и социальном развитии. 2-я группа: 92 матери, имеющие детей без неврологического диагноза. Отбор матерей осуществлялся методом простой случайной выборки, в том числе в дошкольных учреждениях и детских поликлиниках г. Бреста. Методы исследования: методика Т. Куна «Кто Я?» использовалась в варианте «10 ответов на вопрос «Кто Я?»».

Результаты и их обсуждение. Ядром осознания себя для женщин, имеющих детей раннего возраста с отклонениями в развитии, являются позиция матери и ее собственная роль в семейном окружении. Матери детей раннего возраста с отклонениями в развитии осознают себя как мать, любящую своего ребенка, обладающую качествами, необходимыми для поддержки ребенка, ответственную и целеустремленную личность. Однако они не описывают себя как мать особенного ребенка, при этом осознают себя в системе семейных и межличностных отношений как жену, родственницу и друга. Модификация образа Я матери за счет повышения значимости для нее своих умений заботиться и помогать своему ребенку, личностных качеств, своей индивидуальности и качеств профессионала может рассматриваться как ресурс на пути совладания с кризисом и принятия особенного ребенка.

Заключение. Результаты исследования имеют значение для понимания процесса принятия матерью ситуации рождения ребенка с отклонениями в развитии как благоприятного исхода данной кризисной ситуации. Методика «10 ответов на вопрос «Кто Я?»» может использоваться психологами в работе с женщинами, переживающими кризис рождения особенного ребенка как диагностический инструмент, позволяющий описать содержание их образа Я и выявить ресурсы самосознания, необходимые для благополучного совладания с кризисом.

Ключевые слова: Дети раннего возраста, материнская позиция, образ Я матери, ролевые позиции матери.

Content of Mothers' who Have Early Age Children with Disabilities Self Image

Valitova I.E.

Education Establishment "Brest State A.S. Pushkin University"

The birth of a child with developmental disorders is considered as a life crisis. This crisis may be overcome, but the occurrence of the emotional well-being feelings is possible only with modification of subject's self-image. The specificity of the image of a woman experiencing a crisis situation, as well as the role of modifications of self-image in coping with this situation refers to unexplored issues.

The purpose of this article is to describe the specifics of the structure of self-image of mothers having young children with neurological pathology, based on a comparison with the mothers of normally developed children.

Material and methods. The sample included 2 groups of subjects. Group 1 was composed of 117 mothers of early age children with neurological pathology. All the children underwent rehabilitation courses at the medical rehabilitation center; they have severe and moderate delays in motor, cognitive, speech and social development. Group 2 included 92 mothers of normally developing children without neurological diagnosis. The selection of mothers was carried out by a simple random sample, including kindergartens and children's clinics. The research methods were the procedure by T. Kun "Who Am I?" used in the variant "Ten answers to the question "Who Am I?".

Findings and their discussion. The core of self-awareness of women having young children with developmental disorders is the position of the mother and her own role in the family environment. Mothers of young children with developmental disorders are aware of themselves as mothers who love their children, have qualities necessary to support the children and are responsible and purposeful people. However, they do not describe themselves as the mother of a special child, while they are aware of themselves in the system of family and interpersonal relationships as a wife, a relative and a friend. Modification of the mother's self-image by increasing the importance for her the ability to care for and help her child, personal qualities, her personality and professional qualities can be considered as a resource for coping with the crisis and accepting a special child.

Conclusion. The results of the study are important for understanding the mother's acceptance of the situation of birth a child with developmental disorders as a favorable outcome of this crisis situation. Method "Give 10 answers to the question «Who Am I?»" can be used by psychologists in working with women in crisis as a diagnostic tool to describe the content of their self-image and to identify resources needed for successful coping with the crisis.

Key words: early age children, mother's position, mother's self-image, mother's role positions.

Рождение в семье ребенка с отклонениями в развитии относится к кризисным жизненным ситуациям, и она характеризуется такими признаками, как внезапность наступления события и его сверхнормативность для человека; изменения в ситуации, в условиях жизнедеятельности, в социальных ролях, выход к пределам адаптационных ресурсов человека [1]. Как подчеркивал Ф.Е. Василюк, кризис делает невозможной реализацию жизненного замысла, а результатом переживания этой невозможности является «метаморфоза личности, перерождение ее, принятие нового замысла жизни, новых ценностей, новой жизненной стратегии, нового образа Я» [2, с. 47]. Преодоление кризиса и появление чувства эмоционального благополучия у человека возможно только при модификации субъектом определения своего места в данной ситуации, своего представления о себе или образа Я в условиях кризиса. В психологии специфика образа Я человека в условиях кризисной ситуации, а также роль его модификаций в принятии данной ситуации остается малоизученной. В полной мере это относится к ситуации и появления в семье ребенка с отклонениями в развитии, и кризисных переживаний его матери.

Психологическая помощь семье и матери особенного ребенка рассматривается как одно из направлений деятельности службы раннего вмешательства, принципом которой является семейная центрированность. Однако разработка научно-психологического обоснования деятельности психологов в этом направлении находится только на начальном этапе. Для понимания содержания психологической помощи необходима разработка проблем содержания переживаний матери, ее внутреннего мира, осознания самой себя.

Цель данной статьи – описать специфику структуры образа Я у матерей, имеющих детей раннего возраста с неврологической патологией, на основе сравнения с матерями нормально развивающихся детей.

Исследования образа Я у матерей, имеющих детей с отклонениями в развитии, немногочисленны, и они организованы в рамках изучения материнской позиции по отношению к ребенку. Понятие «внутренняя материнская позиция» определяется Е.И. Захаровой [3] как форма отражения, принятия и освоения женщиной своей социальной позиции матери. Это понятие позволяет изучать в комплексе и взаимовлиянии ряд феноменов, регулирующих материнское поведение в детско-родительских отношениях, к которым автор относит эмоциональное отношение к материнству, к себе в роли матери, образ себя в роли

матери. Как установлено в ряде исследований автора, включение материнского образа в структуру Я-концепции происходит либо на поздних сроках беременности, либо сразу после рождения ребенка. В этом процессе женщина решает задачу перераспределения представлений о структуре своего Я, в которую предстоит включить образ себя как матери и свое представление о ребенке. Следовательно, образ себя в материнской роли и образ ребенка – это составляющие внутренней материнской позиции, которые организуют восприятие и понимание ребенка и себя, чувства по отношению к ребенку и себе и реальное поведение во взаимодействии. Варианты внутренней материнской позиции при синдроме Дауна у детей раннего возраста описаны в работе Е.Б. Айвазян, Г.Ю. Одиноквой [4] на основе сочетания отношения матери к себе и отношения к ребенку. Образ Я у матери в данной работе исследуется через его эмоциональный компонент.

Когнитивный компонент образа Я может рассматриваться как набор ролей, ролевых позиций и качеств, которые субъект выделяет в самом себе. В нашем исследовании [5] определен перечень наиболее значимых ролевых позиций и психологических качеств, осознаваемых матерями детей с отклонениями в развитии дошкольного и младшего школьного возраста (дети с расстройствами аутистического спектра, с интеллектуальной недостаточностью, с детским церебральным параличом). Отвечая на вопрос «Кто Я?», матери на первые места в большинстве случаев ставят позицию «мама». Далее называются позиции «женщина» и «жена», ролевые позиции в семейных и социальных отношениях «дочь», «сестра», «подруга». Значимое место занимают позиции «психолог», «педагог», «врач», «целитель», «тренер», которые конкретизируют свои роли в отношении ребенка с отклонениями в развитии. Обозначения своей профессиональной роли были единичными. Эти данные показывают, что матери, имеющие детей дошкольного и младшего школьного возраста с отклонениями в развитии, осознают себя, прежде всего, как маму особенного ребенка, выполняющую по отношению к нему набор функций, а также как человека внутри семейной системы.

Однако содержание образа Я у матерей, имеющих детей раннего возраста с отклонениями в развитии, еще не получило освещения в литературе. Можно предположить, что образ Я у матерей маленьких детей имеет свою специфику, так как в этом возрасте детей матери еще только начинают осваивать роль матери особенного ребенка и склонны воспринимать недостатки и дефициты ребенка как явление преходящее и доступное исправлению. Кроме того, возрастные особенности

детей, их типичные «милые» черты и качества вызывают выраженное эмоционально положительное отношение взрослых к ребенку и могут затенять явные недостатки и дефициты ребенка.

Материал и методы. В качестве исследуемых выступали матери детей раннего возраста, которые были разделены на 2 группы. 1-я группа (НП): 117 матерей детей с неврологической патологией; неврологические диагнозы включают последствия раннего органического поражения центральной нервной системы (G98.9, 98.8), детский церебральный паралич (G80) и другие психоневрологические расстройства. Все дети проходили курсы реабилитации в Брестском областном центре медицинской реабилитации «Тонус». Дети из этой группы имеют выраженные и умеренно выраженные отставания в двигательном, познавательном, речевом и социальном развитии. 2-я группа (НТ): 92 матери, имеющие нормотипичных детей, без неврологического диагноза. Отбор матерей осуществлялся методом простой случайной выборки, в том числе в дошкольных учреждениях и детских поликлиниках г. Бреста.

Нами использовалась методика «Кто Я?» М. Куна и Т. Маркпатленда [6] в варианте «10 ответов на вопрос “Кто я”», что связано с относительной сложностью выполнения данного задания для респондентов, как было установлено в пилотажном исследовании. Сложность выполнения такого задания отмечается, например, В.С. Мухиной: «“Кто я?” – естественный вопрос человека к самому себе, когда он понимает, что должен познать самого себя. Однако этот вопрос не так-то прост. Люди подчас удивляются ему и начинают мучиться в поисках ответа» [7, с. 117].

Изначально методика «Кто Я?» была направлена на выявление социальных ролевых позиций респондентов, хотя с ее помощью можно определить и осознаваемые ими личностные характеристики. Методика «Кто Я?» отличается от других методик изучения самосознания максимальной проективностью, так как в ней респонденту не даются какие-либо ориентиры для обозначения своих качеств и свойств. Респонденты, отвечая на вопросы о себе, называют те социальные и межличностные роли, те качества и черты характера, которые открыты для них самих и находятся в фокусе осознания.

Аналізу подвергались 158 анкет, из них 82 анкеты от матерей детей с НП и 76 анкет от матерей НТ детей. В 44 анкетах строки для ответов на вопросы методики оказались пустыми, при этом респонденты заполнили бланки других методик (всего 5), что еще раз говорит о трудностях выполнения задания ответить на 10 вопросов о самих себе. Четыре анкеты не были включены

в количественный анализ, так как они представляли собой описательные развернутые характеристики личности, а не ролевых позиций.

Результаты и их обсуждение. Полученные ответы на вопросы «Кто Я?» были проанализированы по трем направлениям: 1) контент-анализ: выделение категорий среди названных респондентами ролевых позиций; 2) установление частоты встречаемости каждой ролевой позиции: процент анкет, в которых данная позиция была указана; 3) определение ранга или места данной категории из десяти: чем меньше значение показателя ранга, тем выше по рангу данная позиция и тем более значимой для респондентов она является. Вычислялись средние значения по каждой из подгрупп по возрасту: дети второго года жизни, дети в возрасте 2–2,5 года, дети в возрасте 2,5–3 лет. Но в дальнейшем оказалось, что различия между возрастными подгруппами являются незначимыми (критерий χ^2 , $p < 0,05$), поэтому все данные представлены по группам НП и НТ в целом, без деления по возрастным параметрам.

Среди категорий ролевых позиций и личностных качеств мы выделили следующие:

- родитель (мать);
- жена;
- женщина (красивая, любимая);
- родственница (дочь, сестра, внучка, тетя, крестная мать, невестка);
- профессионал (врач, учитель, парикмахер, студент, коллега);
- домашние роли (хозяйка дома, повар, прачка, уборщица);
- позиция по отношению к ребенку (воспитатель, няня, учитель, сиделка, доктор, психолог);
- личностная позиция (человек, личность, имя);
- межличностная позиция (друг, подруга, соседка);
- социокультурная позиция (принадлежность к религии, нации и месту проживания);
- увлечения (спортсменка, вязальщица, волонтер, кулинар, шоппоголик);
- водитель;
- индивидуальные и личностные качества, которые обозначены двумя категориями: любовь и доброта (добрая, заботливая, внимательная) и ответственность (трудолюбивая, ответственная, умная).

Отдельно мы обозначили категорию индивидуальности, к которой отнесли индивидуальные описания респондентами самих себя (обладатель серебряной медали в школе, перфекционист и прагматик, хозяйка своей судьбы, мой девиз «удобство и практичность во всем», склонна к лидерству и др.).

Характерной особенностью части респондентов является использование прилагательных при назывании ролевой позиции, причем чаще эта тенденция встречается в группе матерей детей с НП. Например: Я – разносторонний человек, хорошая мама, любимая и любящая жена, хорошая дочь, верная подруга, добрая тетя, добросовестный работник; Я – состоявшаяся женщина, хорошая дочь, супер сестра, заботливая мать; Я – внимательная дочь, надежный друг, ответственный работник; Я – любящая мама, верный друг, хороший человек, ранимая душа, интересный собеседник, грамотный специалист, целеустремленный человек. Данная тенденция может свидетельствовать о стремлении матерей более глубоко раскрыть свою личность и показать свою индивидуальность.

Проведем далее сравнительный анализ частоты представленности ролевых позиций в группах матерей, имеющих детей с неврологической патологией и детей с нормотипичным развитием. Выделенные категории среди названных ролевых позиций и частота их встречаемости в выборках представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Частота встречаемости ролевых позиций

Ролевые позиции	НП		НТ	
	место* позиции	в %**	место* позиции	в %**
Мама, родитель	1	91,4	1	100
Личность, человек, имя	9	44,4	11	30,2
Женщина, красивая, любимая	5	55,5	2	89,4
Жена	2	70,4	3	73,6
Родственные отношения	3	59,3	5–6	59,2
Подруга, соседка	4	56,8	5–6	59,2
Профессионал, студент, коллега	8	46,9	4	60,5
Хозяйка дома, домашние функции	6	50,6	7	57,9
Воспитатель, няня, учитель	14	11,1	10	32,9
Любовь, счастье, радость	13	13,5	12	22,3
Доброта, опора, поддержка	7	48,1	9	35,5
Ответственность, настойчивость, ум	10	37	8	36,8
Индивидуальность	11	28,3	13	15,7
Религия, национальность, место жительства	12	18,5	14	11,8
Водитель	16	4,94	16	7,8
Хобби, волонтер, спортсмен	15	8,64	15	10,5

НП – неврологическая патология, НТ – нормотипичный

*Различия между местами, которые занимают ролевые позиции в двух группах по частоте их встречаемости, статистически незначимы (коэффициент корреляции Спирмена $r_{\text{эмп}} = 0,893$, связь между рангами – прямая, зависимость признаков статистически значима ($r_{\text{крит}} = 0,503$, $p < 0,05$, $df = 8$).

**Статистическая значимость различий между группами НП и НТ частоты встречаемости категорий доказана с помощью критерия χ^2 : $df = 8$, $\chi^2_{\text{эмп}} = 22,239$, $\chi^2_{\text{крит}} = 20,09$ при $p = 0,01$. Различия между группами статистически значимы при $p < 0,01$.

Выделенные категории позволяют судить о содержании представлений матерей, имеющих детей раннего возраста, о самих себе. Так как ранги частоты встречаемости категорий между группами не различаются, можно говорить о том, что по всей выборке выделенные категории занимают примерно одинаковые места по частоте. При этом процент встречаемости отдельных категорий в двух группах в целом различается.

В анкетах матерей детей с НП в более чем 50% случаев названы следующие категории: мама, жена, родственница, подруга, женщина, хозяйка. Мы полагаем, что эти категории составляют ядро представлений о себе у матерей из этой группы.

На 1-м месте по частоте встречаемости находится категория «мать, родитель» (100% в группе НТ и 91,4% в группе НП). 8,6% матерей в группе НП не указали на свою ролевую позицию матери. В этих случаях респонденты сосредоточивались на описании своих индивидуальных особенностей. Интересно, что не было отмечено ни одного случая, когда матери сказали бы о себе как о матери особенного ребенка, это может свидетельствовать о том, что они четко не осознают, что

являются таковыми, акцентируя внимание лишь на ролевой позиции матери.

2-е и 3-е места по частоте встречаемости у матерей группы НП занимают позиции жены (70,4%) и родственницы (59,3%), что свидетельствует о значимости для них семьи и семейных отношений, об осознании своей принадлежности к семье и своей роли в семье. У матерей НТ детей данные позиции смещены по частоте встречаемости на 3-е (73,6%) и 5–6-е (59,2%) места так как 2-ю позицию у них занимает категория «женщина, красивая, любимая» (89,4%). В отличие от них у матерей группы НП категория «женщина, красивая, любимая» смещена на 5-е место по частоте встречаемости (55,5%), что говорит о ее меньшей значимости для женщины при наличии ребенка с отклонениями в развитии. Также существенные различия наблюдаются относительно позиции профессионала: 8-е место по частоте встречаемости в группе НП (46,9%) и 4-е место в группе НТ (60,5%). Так как большинство матерей обеих групп находятся в декретном отпуске, не имея профессиональной занятости, то эти различия можно объяснить меньшей значимостью профессиональной деятельности и профессиональных отношений для матерей детей с НП. В одной из анкет позиция матери была так и обозначена «Я мама в декретном отпуске».

Вероятно, увеличение частоты встречаемости категории «индивидуальность» в группе НП (11-е место, 28,3%) по сравнению с группой НТ (13-е место, 15,7%) можно трактовать как своеобразную компенсацию снижения значимости профессиональных позиций.

Обращает на себя внимание только 14-я по частоте встречаемости позиция категории «воспитатель, няня, учитель» (11,1%) в группе НП по сравнению с 10-й позицией в группе НТ (32,9%). Осознание себя как воспитателя, как человека, дающего заботу ребенку, больше представлено у матерей группы НТ детей. Матери детей с НП недостаточно осознают себя в этой роли, вероятно, сосредоточившись на своих ролях мамы и жены. Кроме того, эти матери чаще осознают себя как дающих доброту, поддержку и опору для своих детей (7-е место, 48,1%), что может рассматриваться как аналог человека, дающего заботу. Это предположение подтверждается также следующими данными: частота представленности категорий «воспитатель, няня, учитель» и «доброта, опора, поддержка» в группах НП и НТ неодинакова. В группе НП чаще встречается категория «доброта» (48,1%) и реже категория «воспитатель» (11,1%), а в группе НТ эти категории встречаются почти с одинаковой частотой (35,5 и 32,9% соответственно). Следовательно, матери детей с НП осознают в себе те качества, которые позволя-

ют им выполнять неформальные функции воспитателя, учителя, няни, доктора, тем более что в 37% случаев называются и такие важные качества, как «ответственность, настойчивость, ум», которые также необходимы для выполнения указанных функций.

Уменьшение значимости роли воспитателя и врача ребенка является неожиданным фактом, так как можно предполагать, что для матерей проблема здоровья ребенка с неврологической патологией и его излечения является актуальной. Эти факты могут указывать на преобладание личностного компонента в структуре образа Я и в родительской позиции матерей по сравнению с функциональными компонентами. Однако осознание своих ролей врача ребенка, воспитателя и педагога по отношению к ребенку может рассматриваться как основание для понимания собственной эффективности. Самоэффективность как осознание собственной эффективности в работе с ребенком и уверенность в том, что именно ты как мама можешь помочь и поддержать его, являются важными инструментами, которые помогают снизить уровень стресса, осознать и почувствовать себя в качестве лучшей матери для своего ребенка. В работах американских психологов на примере расстройств аутистического спектра у детей выявлена высоко значимая положительная корреляция: чем более эффективной воспринимает себя мать, чем она более образованна и компетентна в вопросах расстройства в спектре аутизма, тем прагматичнее она в решении стоящих перед ней задач и тем лучше результаты развития ее ребенка [8].

Остальные категории представлены в обеих группах примерно одинаково: хозяйка дома и хозяйственные функции; религия, национальность, место жительства; хобби, водитель.

Результаты анализа рангов ролевых позиций, которые обозначают значимость каждой названной позиции для респондента, представлены на рисунке 1. Предполагается, что наиболее значимые для респондента позиции занимают первые места, а менее значимые позиции – последние места. Данные, представленные на рисунке 1, показывают значимость ролевых позиций в структуре образа Я у матерей двух групп.

Исходя из полученных результатов на рисунке 1 можно констатировать, что наиболее значимыми позициями (с 1-й по 8-ю позицию) для матерей детей с НП являются: мама, жена, родственница, личность, друг, женщина, личностные качества, профессионал. Для матерей группы НТ набор наиболее значимых позиций несколько отличается: мама, жена, личность, хобби, водитель, друг. Для матерей обеих групп наиболее значимыми являются ролевые позиции в семейных

и межличностных отношениях, а также понимание себя как личности и индивидуальности.

Наличие значимых различий между группами НТ и НП определялось с помощью коэффициента ранговой корреляции Кендалла: $\tau_{\text{эмп}} = 0,42$, связь между признаками статистически незначима ($\tau_{\text{крит}} = 0,48$ $p < 0,05$), что свидетельствует о статистически значимых различиях ранговых значений категорий между группами НП и НТ.

Таким образом, на основании полученных результатов можно описать содержание образа Я у женщин, имеющих детей раннего возраста с отклонениями в развитии (таблица 2). В содержании образа Я выделяются основные (ядерные) и дополнительные категории. В основные категории включены те, которые имеют ранг выше медианного значения, в дополнительные – ниже медианного значения.

Рисунок 1 – Ранги ролевых позиций

Таблица 2 – Ранговые значения ролевых позиций у матерей детей с НП

Место ранга	Категория	Ранг НП
1	Мама	1,48
2	Жена	3,24
3	Родственница	4,11
4	Личность	4,25
5	Подруга	4,69
6	Женщина	4,7
7	Доброта, поддержка	5,38
8	Профессионал	5,76
9	Любовь, счастье, радость	5,81
10	Хозяйка дома	6,02
11	Ответственность, настойчивость, ум	6,19
12	Воспитатель, няня, учитель, доктор	6,45
13	Индивидуальность	7,15
14	Водитель	7,39
15	Религия, национальность, место жительства	7,56
16	Волонтер, спортсмен, хобби	8,19
Статистика		Среднее – 5,5231 Медиана – 5,7850 Ст. отклонение – 1,74 Дисперсия – 3,043

В нашем исследовании установлено, что матери детей раннего возраста с отклонениями в развитии осознают себя как мать (родительницу), любящую своего ребенка, обладающую качествами, необходимыми для поддержки ребенка, ответственную и целеустремленную личность. Однако матери таких детей не описывают себя как мать особенного ребенка. Они осознают себя в системе семейных и межличностных отношений как жену, родственницу и друга. В структуре образа Я важную роль играет осознание себя как личности и индивидуальности.

Заключение. В ходе изучения получены новые данные о том, что ядром осознания себя для женщин, имеющих детей раннего возраста с отклонениями в развитии, являются позиция матери и ее собственная роль в семейном окружении. Сходные данные были получены нами в процессе изучения ответов матерей, имеющих детей с отклонениями в развитии дошкольного и младшего школьного возраста.

Результаты исследования имеют значение для понимания процесса принятия матерью ситуации рождения ребенка с отклонениями в развитии как благоприятного исхода данной кризисной ситуации. Модификация образа Я матери за счет повышения значимости для нее своих умений заботиться и помогать своему ребенку, личностных качеств, своей индивидуальности и качеств про-

фессионала может рассматриваться как ресурс на пути совладания с кризисом и принятия особенного ребенка.

Методика «10 ответов на вопрос “Кто Я?”» может использоваться психологами в работе с женщинами, переживающими кризис рождения особенного ребенка как диагностический инструмент, позволяющий описать содержание их образа Я и выявить ресурсы самосознания, необходимые для благополучного совладания с кризисом.

Литература

1. Пергаменщик, Л.А. Кризисная психология: учеб. пособие / Л.А. Пергаменщик. – Минск: Выш. шк., 2004. – 239 с.
2. Василюк, Ф.Е. Психология переживания / Ф.Е. Василюк. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 198 с.
3. Захарова, Е.И. Психология освоения родительства: науч. монография / Е.И. Захарова. – М.: ИИУ МГОУ, 2014. – 258 с.
4. Айвазян, Е.Б. Материнство: варианты переживания и поведения / Е.Б. Айвазян, Г.Ю. Одинокова // Синдром Дауна. XXI век. – 2010. – № 2(5). – С. 14–20.
5. Валитова, И.Е. Особенности самосознания матери ребенка с ограниченными возможностями здоровья / И.Е. Валитова // Развитие личности. – 2018. – № 4. – С. 57–85.
6. Кун, М. Эмпирическое исследование установок личности на себя / М. Кун, Т. Маркпатленд // Современная зарубежная социальная психология. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 180–184.
7. Мухина, В.С. Рефлексивный тест «Кто я?»: возвращение к обоснованию установок, обращенных к реципиенту, и требования к анализу типов рефлексий на себя / В.С. Мухина // Развитие личности. – 2008. – № 4. – С. 116–129.
8. Григоренко, Е.Л. Расстройства аутистического спектра. Вводный курс: учеб. пособие для студентов / Е.Л. Григоренко. – М.: Практика, 2018. – 281 с.

Поступила в редакцию 23.03.2020

Исследование ценностных ориентаций и академической мотивации студентов-психологов

Кияшко М.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Профессиональное становление в процессе учебно-профессиональной деятельности студента – это сложный процесс, что особенно очевидно при подготовке студентов-психологов, когда главным предметом преобразования и развития являются их личность и картина мира. Личностная, аффективно-мотивационная составляющая процесса обучения становится едва ли не важнее, чем интеллектуальная и практическая. Только единство этих компонентов позволяет качественно и эффективно осуществлять профессиональную подготовку будущих специалистов в высшей школе.

Цель научной статьи – изучение ценностных ориентаций и академической мотивации в студенческой группе (в том числе с помощью факторного и корреляционного анализа) и разработка рекомендаций по усовершенствованию психолого-педагогической работы со студентами для улучшения психологических условий их учебно-профессиональной деятельности в вузе.

Материал и методы. Исследование проводилось с участием академической группы студентов-психологов ВГУ имени П.М. Машерова в количестве 18 человек. Нами применялись следующие методики: «Ценностные ориентации» М. Рокича, «Шкала академической мотивации», разработанная Т.О. Гордеевой, О.А. Сычевым и Е.Н. Осиним. Математико-статистическую обработку данных и вычислительного моделирования производили посредством факторного и корреляционного анализа.

Результаты и их обсуждение. Основные результаты нами получены с помощью вычислительного моделирования ценностно-мотивационной структуры исследуемой группы студентов-психологов (с использованием факторного анализа, расчета факторных нагрузок, построения иерархии системообразующих факторов). Первые шесть ступеней иерархии системообразующих терминальных ценностей: познание, свобода, красота природы и искусства, счастье других, любовь, интересная работа. Первые шесть ступеней иерархии системообразующих инструментальных ценностей: неприятие недостатков в себе и других, терпимость, независимость, самоконтроль, аккуратность, высокие запросы. Системообразующей академической мотивацией является мотивация достижений. С помощью корреляционного анализа обнаружены и проанализированы выборочные связи ценностей с академической мотивацией. В результате вычислительного моделирования был составлен психологический портрет коллектива, выявлены имеющиеся противоречия и задачи, требующие решения, и на основе этого выстроена стратегия психологического сопровождения исследуемой группы.

Заключение. Разработанная программа изучения академической группы студентов представляет собой готовый сценарий изучения коллектива с целью разработки стратегических и тактических путей его развития. Проведенное исследование позволяет дать психологическую характеристику демонстрируемой и неявной структуры ценностно-мотивационной сферы студенческой группы. Изученный коллектив характеризуется познавательной направленностью (в частности в области межличностных отношений), что является очень благоприятным условием работы коллектива в процессе совместной учебно-профессиональной деятельности. Выявленные психологические задачи являются потенциальной движущей силой на пути развития коллектива и каждого из его участников.

Ключевые слова: ценности, академическая мотивация, студенты-психологи, академическая группа, учебно-профессиональная деятельность, факторный вес, системообразующий фактор, иерархия системообразующих факторов, корреляционный анализ.

The Study of Psychology Students' Value Orientations and Academic Motivation

Kiyashko M.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Professional maturation in the process of student academic and professional activities is a complicated process. This is especially evident in training Psychology students when the main object of transformation and development is their personalities and picture of the world. The personality, affective and motivation component of the teaching process becomes almost more important than the intellectual and practical one. Only the unity of these components makes it possible to qualitatively and efficiently carry out professional training of would-be specialists at universities.

The research purpose is the study of value orientations and academic motivation in a student group (with the help of factor and correlation analysis including) and the development of guidelines on the improvement of psychological and pedagogical work with students aiming at the improvement of psychological conditions of their academic and professional activities at the university.

Material and methods. An academic group of eighteen Vitebsk State University Psychology students participated in the research which applied the methods of Value Orientations by M. Rokish, School of Academic Motivation by T.O. Gordeyeva, O.A. Sychev and E.N. Osyn. The factor and the correlation analyses were used for mathematical statistic data processing and calculation modeling.

Findings and their discussion. The main research results were obtained by means of calculation modeling of the value and motivation structure of the studied group of Psychology students (using factor analysis, estimation of factor loads, building the hierarchy of system shaping factors). The first six hierarchy steps of system building terminal values are cognition, freedom, nature and art beauty, happiness of others, love, interesting job. The first six steps of the hierarchy of system building instrument values are rejection of one's own and others' shortcomings, tolerance, independence, self-control, diligence, high demands. The system building academic motivation is motivation of achievements. With the help of correlation analysis selected links of values with academic motivation were identified and analyzed. As a result of calculation modeling a psychological portrait of the collective was made, the contradictions and tasks which require solution were identified and, on the basis of it, a strategy of psychological support for the studied group was built.

Conclusion. The developed program of the study of a student academic group is a ready-made scenario of the collective study aiming at the development of strategic and tactic ways of its development. The study makes it possible to give a psychological characteristic of the demonstrated and hidden structure of value and motivation sphere of a student group. The studied collective is characterized by a cognitive slant (in particular, in the field of interpersonal relations) which is a favorable condition for the work of the collective in the process of joint academic and professional activity. The identified psychological tasks are a potential motor force on the way of the development of the collective and each of its participants.

Key words: values, academic motivation, Psychology students, academic group, academic and professional activity, factor weight, system building factor, hierarchy of system building factors, correlation analysis.

Профессиональное становление в процессе учебно-профессиональной деятельности студента – это не только формирование специфического набора компетенций и компетентностей. Это особенно очевидно в подготовке студентов-психологов, когда главным предметом преобразования и развития являются их личность и картина мира. Личностная, аффективно-мотивационная составляющая процесса обучения становится едва ли не важнее, чем интеллектуальная и практическая. Известно, что только единство этих компонентов позволяет качественно и эффективно осуществлять профессиональную подготовку будущих психологов. Игнорирование личностного компонента приводит к снижению мотивации к обучению и, следовательно, качества подготовки, разочарованию в выбранной профессии, ощущению бесполезности проведенного в университете времени, в крайних случаях – желанию сменить профессию, а при получении психологического образования – еще и к дефициту необходимых личностных качеств как предпосылок для осуществления успешной и непатологической профессиональной деятельности.

Мотивационная сфера, ценностные ориентации выступают в качестве основы профессионального саморазвития человека, убежден С.А. Дружилов, так как направленность является системообразующей характеристикой личности, а ее квинтэссенция – ценностные образования – формируют установки, склонности и характер. Профессиональные установки, в свою очередь, становятся главным аспектом общих жизненных установок и ценностей (Е. Бордин, И. Дарли, Т. Хаген, Дж. Холланд и др.). Таким образом, именно ценности лежат в основе индивидуального ресурса профессионального развития, который является детерминирующим фактором развития личности и определяет направленность ее развития. Как показывают исследования (Е.М. Борисова, 1981), по мере профессионализации интересы человека начинают проникать во все сферы его жиз-

недеятельности, а значит, жизненные ценности и установки все более влияют на деятельность [1].

В процессе профессионального становления и выполнения профессиональной деятельности происходит развитие личности деятеля. Однако известно, что не всякая деятельность является условием прогрессивного развития личности. Профессиональное развитие – это процесс, возникающий при несовпадении наличных возможностей у человека и требований профессии, как реакция на разрешение возникшего противоречия [1]. От качества решения этих противоречий зависит путь дальнейшего развития человека и как профессионала, и как личности в целом.

С учетом обозначенной позиции осуществляемая педагогическая деятельность сопровождалась исследованием ценностной и мотивационной сфер студентов. Полученные результаты открывают возможности не только для повышения качества подготовки студентов в рамках изучения отдельной дисциплины путем выстраивания взаимодействия преподавателя с исследуемой группой исходя из обнаруженных психологических особенностей, но и позволяют разработать рекомендации для кураторов и других лиц, сопровождающих студентов в процессе их обучения в вузе на протяжении длительного времени и имеющих возможность более полно использовать полученные результаты на практике с целью улучшения психологических условий учебно-профессиональной деятельности коллектива.

Цель исследования – изучение ценностных ориентаций и академической мотивации в студенческой группе (в том числе с помощью факторного и корреляционного анализа) и разработка рекомендаций по усовершенствованию психолого-педагогической работы со студентами для улучшения психологических условий их учебно-профессиональной деятельности в вузе.

Материал и методы. С целью разработки программы теоретического изучения и практического сопровождения группы студентов-психологов нами было проведено исследование,

в котором приняла участие академическая группа студентов 1-го курса факультета социальной педагогики и психологии ВГУ имени П.М. Машерова, обучающаяся по специальности «Психология» и состоящая из 18 человек.

На диагностическом этапе были использованы следующие методики: «Ценностные ориентации» М. Рокича, «Шкала академической мотивации», разработанная Т.О. Гордеевой, О.А. Сычевым и Е.Н. Осиним на основе «Шкалы академической мотивации Валлеранда». Для математико-статистической обработки данных применялся метод факторного анализа (расчет факторных весов и моделирования иерархии системообразующих факторов), а также корреляционный анализ.

Результаты и их обсуждение. Исследование состояло из следующих этапов: проведение диагностики изучаемых параметров; моделирование иерархии системообразующих факторов среди ценностей и видов академической мотивации; расчет корреляций между ценностями и видами мотивации; интерпретация полученных данных; разработка практических рекомендаций.

Результаты диагностики ценностных ориентаций представлены в таблице 1 в виде иерархии ценностей по их значимости по среднегрупповым показателям. Ценности разделены на 3 группы: наиболее значимые, менее значимые, наименее значимые (таблица 1).

Группа наиболее значимых терминальных ценностей представлена ценностями любви, здоровья, свободы, творчества, материально обеспеченной жизни и интересной работы. К наиболее значимым инструментальным ценностям относятся самоконтроль, эффективность в делах, воспитанность, рационализм, образованность, честность. Данный рейтинг представляет собой результат ранжирования ценностей студентами, усредненный по среднегрупповым показателям. Такие данные показывают осознанные тенденции ценностных предпочтений студентами группы, не учитывая специфики межличностного взаимодействия студентов, каждого со своим индивидуальным набором ценностных ориентаций. В процессе постоянного взаимодействия, на пересечении индивидуальных предпочтений каждого члена коллектива, неизбежно возникнут специфические

Таблица 1 – Рейтинг инструментальных и терминальных ценностей в исследуемой группе по среднегрупповым показателям

Среднегруп. значение	Терминальные ценности	Ранг	Инструментальные ценности	Среднегруп. значение
7,22	Любовь	1	Самоконтроль	7,44
7,61	Здоровье	2	Эффективность в делах	7,78
8,00	Свобода	3	Воспитанность	7,89
8,39	Творчество	4	Рационализм	8,11
8,39	Материально обеспеченная жизнь	5	Образованность	8,28
8,50	Интересная работа	6	Честность	8,33
9,00	Познание	7	Аккуратность	8,50
9,28	Жизненная мудрость	8	Ответственность	8,61
9,39	Счастье других	9	Широта взглядов	8,72
9,39	Активная деятельная жизнь	10	Независимость	8,99
9,39	Удовольствия	11	Смелость в отстаивании своего мнения	9,50
9,50	Наличие хороших и верных друзей	12	Твердая воля	9,56
9,61	Продуктивная жизнь	13	Исполнительность	10,28
10,39	Уверенность в себе	14	Жизнерадостность	10,39
10,39	Развитие	15	Чуткость	10,67
11,39	Красота природы и искусства	16	Терпимость	12,06
11,44	Общественное признание	17	Высокие запросы	12,44
13,17	Счастливая семейная жизнь	18	Непримиримость к недостаткам в себе и других	13,56

внутригрупповые особенности проявления ценностно-мотивационной сферы, которые ранее, при анализе среднегрупповых показателей, были скрыты. Для выявления таких неявных, скрытых групповых тенденций применяется факторный анализ, а именно – расчет факторных нагрузок и построение иерархии системообразующих факторов. Данный вид анализа позволяет определить системообразующий параметр системы (в проведенном исследовании это ценности и виды академической мотивации), а также построить их иерархию по системообразующей функции. Системообразующий фактор – это параметр, обладающий наибольшим факторным коэффициентом (вес, нагрузка), который имеет оптимальное количество связей со всеми исследуемыми параметрами системы, что делает его наиболее значимым и весомым (в первую очередь для управления этой системой). Таким образом, факторный анализ используется как метод изучения латентных признаков исследуемого явления, что позволяет с помощью вычислительного эксперимента смоделировать внутренние ненаблюдаемые закономерности его функционирования [2; 3].

Соотнесение выявленной с помощью вычислительных действий иерархии системообразующих ценностей и видов академической мотивации с осознанно построенным рейтингом ценностей (и видов мотиваций) по среднегрупповым показателям

позволит дать характеристику скрыто действующим ценностным и мотивационным предпочтениям в группе, которые проявятся только в пространстве взаимодействия. Неявные закономерности играют более значимую роль в групповой динамике, чем диагностический срез этих же параметров. Именно на основе связей в процессе взаимодействия каждого студента между собой формируется уникальная групповая ценностно-мотивационная структура, которая позволит составить психологический портрет коллектива и определить пути наиболее эффективного его сопровождения, так как именно с помощью системообразующего группового фактора происходит запуск самопроизвольного процесса регуляции групповых процессов, а также актуализация развития коллектива.

Таким образом, в проведенном исследовании с помощью факторного анализа обнаружены скрытые внутригрупповые тенденции в области ценностных ориентации и академической мотивации, осуществлено сравнение этих тенденций с открыто демонстрируемыми предпочтениями, что позволило выстроить стратегию психологического сопровождения исследуемой группы.

В таблице 2 представлены результаты построения иерархии системообразующих инструментальных и терминальных ценностей в исследуемой группе по результатам расчета факторных весов.

Таблица 2 – Иерархия системообразующих инструментальных и терминальных ценностей в исследуемой группе по результатам расчета факторных весов

Терминальные ценности	Место в иерархии	Инструментальные ценности
Познание	1	Непримиримость к недостаткам в себе и других
Свобода	2	Терпимость
Красота природы и искусства	3	Независимость
Счастье других	4	Самоконтроль
Любовь	5	Аккуратность
Интересная работа	6	Высокие запросы
Творчество	7	Исполнительность
Счастливая семейная жизнь	8	Честность
Продуктивная жизнь	9	Эффективность в делах
Жизненная мудрость	10	Широта взглядов
Здоровье	11	Твердая воля
Общественное признание	12	Рационализм
Развитие	13	Смелость в отстаивании своего мнения
Уверенность в себе	14	Ответственность
Наличие хороших и верных друзей	15	Воспитанность
Удовольствия	16	Образованность
Активная деятельная жизнь	17	Чуткость
Материально обеспеченная жизнь	18	Жизнерадостность

Учитывая полученные результаты (в первую очередь содержание первой группы системообразующих ценностей в иерархии), можно дать следующую характеристику студенческого коллектива с точки зрения наиболее преобладающих (неявно) ценностных ориентаций. Так, исследуемая группа характеризуется стремлением к познанию как возможности расширения своего образования, кругозора, общей культуры, к интеллектуальному развитию в целом; ценит наличие возможности быть самостоятельным, независимым в суждениях и поступках; способна к переживанию прекрасного в природе и искусстве; имеет стремление заботиться о благосостоянии, развитии и совершенствовании других людей, всего народа, человечества в целом; этой группе свойственно придавать большое значение наличию духовной и физической близости с любимым человеком, а также возможности реализовываться на интересной работе.

В таблицах 3 и 4 представлено соотнесение рангов среднегрупповых значений с иерархией системообразующих факторных значений терминальных ценностей в исследуемой группе.

При анализе демонстрируемых ценностных предпочтений и скрытых групповых тенденций в этой сфере видны перемещения многих позиций между тремя группами значимости. Так, 1-е место

в иерархии системообразующих факторов заняла ценность познания, переместившись с 7-го места (вторая группа значимости) по среднегрупповым показателям на 1-е место по системообразующей функции. С последней группы значимости (16-е место) в первую (3-е место) переместилась ценность красоты природы и искусства. Ценность «счастье других» заняла 4-е место после 9-го. Ценности «любовь», «свобода» и «интересная работа» разместились в рамках прежней группы значимости.

На последнее (18-е) место с 5-го переместилась ценность материально обеспеченной жизни. Это означает, что данная ценность является наименее значимой для группы и не имеет существенного влияния на коллективную деятельность студентов в процессе совместной деятельности, в отличие от ценности познания, занявшей 1-е место. Именно познание выступает ведущей ценностью исследуемого коллектива, т.е. имеет наиболее существенное влияние на групповые процессы, оптимально затрагивая ценностную сферу каждого. Поэтому при совместной деятельности студентов в этой группе актуализация именно ценности познания позволит наиболее эффективно организовать работу, задействуя всю систему ценностей путем «запуска» каждой ценности по очереди согласно ступеням иерархии системообразующих факторов.

Таблица 3 – Соотнесение рангов среднегрупповых значений с иерархией системообразующих терминальных ценностей в исследуемой группе

Рейтинг терминальных ценностей по среднегрупповым значениям	Место в иерархии	Иерархия системообразующих терминальных ценностей
Любовь	1	Познание
Здоровье	2	Свобода
Свобода	3	Красота природы и искусства
Творчество	4	Счастье других
Материально обеспеченная жизнь	5	Любовь
Интересная работа	6	Интересная работа
Познание	7	Творчество
Жизненная мудрость	8	Счастливая семейная жизнь
Счастье других	9	Продуктивная жизнь
Активная деятельная жизнь	10	Жизненная мудрость
Удовольствия	11	Здоровье
Наличие хороших и верных друзей	12	Общественное признание
Продуктивная жизнь	13	Развитие
Уверенность в себе	14	Уверенность в себе
Развитие	15	Наличие хороших и верных друзей
Красота природы и искусства	16	Удовольствия
Общественное признание	17	Активная деятельная жизнь
Счастливая семейная жизнь	18	Материально обеспеченная жизнь

В иерархии инструментальных системообразующих ценностей распределение показало скрытое значение большего количества ценностей из второй и третьей групп значимости по среднегрупповым показателям. К ним относятся ценности «непримиримость к недостаткам в себе и других», которая заняла 1-е место, переместившись с последнего – 18-го; «терпимость» – 2-е место после 16-го; «независимость» – 3-е место после 10-го; «аккуратность» – с 7-го места переместилась на 5-е; «высокие запросы» – с 17-го места на 6-е. Такие ценности, как «воспитанность» и «образованность»,

продемонстрировали невысокие системообразующие возможности, несмотря на высокие ранги по среднегрупповым показателям.

С помощью факторного анализа была также построена иерархия системообразующих видов академической мотивации и произведено сравнение с проранжированными среднегрупповыми показателями (таблица 5).

Самые высокие среднегрупповые показатели имеет познавательная мотивация, которая связана со стремлением узнать новое, понять изучаемый предмет, с переживанием интереса

Таблица 4 – Соотнесение рейтинга среднегрупповых значений с иерархией системообразующих инструментальных ценностей исследуемой группы

Рейтинг терминальных ценностей по среднегрупповым значениям	Место в иерархии	Иерархия системообразующих терминальных ценностей
<i>Самоконтроль</i>	1	Непримиримость к недостаткам в себе и других
<i>Эффективность в делах</i>	2	Терпимость
<i>Воспитанность</i>	3	Независимость
<i>Рационализм</i>	4	<i>Самоконтроль</i>
<i>Образованность</i>	5	Аккуратность
<i>Честность</i>	6	Высокие запросы
Аккуратность	7	Исполнительность
Ответственность	8	<i>Честность</i>
Широта взглядов	9	<i>Эффективность в делах</i>
Независимость	10	Широта взглядов
Смелость в отстаивании своего мнения	11	Твердая воля
Твердая воля	12	<i>Рационализм</i>
Исполнительность	13	Смелость в отстаивании своего мнения
Жизнерадостность	14	Ответственность
Чуткость	15	<i>Воспитанность</i>
Терпимость	16	<i>Образованность</i>
Высокие запросы	17	Чуткость
Непримиримость к недостаткам в себе и других	18	Жизнерадостность

Таблица 5 – Соотнесение рейтинга среднегрупповых значений с иерархией системообразующих видов академической мотивации исследуемой группы

Рейтинг видов академической мотивации по среднегрупповым значениям	Место в иерархии	Иерархия системообразующих видов академической мотивации
Познавательная мотивация	1	Мотивация достижения
Мотивация саморазвития	2	Экстернальная мотивация
Мотивация достижения и самоуважения	3	Мотивация саморазвития
Мотивация достижения и самоуважения	4	Мотивация самоуважения
Интернальная мотивация	5	Амотивация
Экстернальная мотивация	6	Познавательная мотивация
Амотивация	7	Интернальная мотивация

и удовольствия от самого процесса познания. Из представленного в таблице 5 сравнения видно, что системообразующим видом мотивации к обучению в исследуемой группе, тем не менее, является мотивация достижения. Доминирование этого вида мотивации можно считать скрытым, так как по среднегрупповым показателям он занимает 3/4-е место, а самые высокие показатели имеет познавательная мотивация, которая по системообразующей функции заняла предпоследнее место. Мотивация достижения, в отличие от познавательной мотивации, основывается не столько на интересе от процесса познания, сколько на конкретных результатах, проявленных умениях и способностях – компетенциях. Другими словами, в учебно-профессиональной деятельности студентов в первую очередь мотивирует не процесс познания, а ощущение способности решать трудные интеллектуальные задачи, возможность чувствовать себя компетентным, в познавательной-интеллектуальной сфере эти студенты имеют определенные амбиции.

На 2-м месте в иерархии системообразующих факторов находится экстернатальная мотивация, которая занимает предпоследний ранг по среднегрупповому уровню проявления. При этом виде мотивации студент испытывает вынужденность учебной деятельности, обусловленную следовать требованиям, диктуемым социумом, т.е. он учится, чтобы избежать возможных проблем. Таким образом, несмотря на невысокие показатели, такая мотивация, вместе с мотивацией достижения, оказывает на группу определяющее значение при осуществлении совместной деятельности и общения. Примечательно, что при экстернатальной мотивации характерным является ощущение максимальной фрустрации потребности в автономии, что при одновременно высоких диагностируемых показателях ценностей свободы и независимости может вскрывать причину высокой значимости этих ценностей, а именно – дефицит автономии, самостоятельности и независимости в принятии решений.

Мотивация саморазвития, которая по среднегрупповым показателям заняла 2-е место, в иерархии системообразующих факторов сместилась на 3-е место, что показывает снижение значимости этого вида мотивации в процессе группового взаимодействия.

На следующем этапе исследования был проведен корреляционный анализ взаимосвязей ценностей и академической мотивации (таблицы 6 и 7), при котором было учтено, что в опроснике М. Рокича полученные значения шкал имеют обратный характер, т.е. чем меньше ранг ценности, тем выше значимость ценности для респондента,

и наоборот – чем выше ранг, тем ниже значимость ценности. Для облегчения восприятия и интерпретации данных в таблицах и последующем анализе коэффициенты корреляции указаны со знаками после преобразования оценок ценностей на обратные (чем выше ранг – тем выше значимость ценности). Таким образом, в дальнейшем анализе при наличии прямой связи высокий показатель мотивации будет соответствовать высокой значимости ценности.

В результате корреляционного анализа обнаружены выборочные связи ценностей с академической мотивацией. Каждая связь раскрывает психологические особенности исследуемой группы, ее психологический портрет. При отсутствии возможности развернуто проинтерпретировать каждую из них ввиду ограниченного объема статьи сосредоточим внимание на наиболее важных для начатого анализа внутренней структуры ценностной сферы связях.

Связь ценности познания с мотивацией достижения еще раз подтверждает выводы о содержании познавательной направленности студентов, сделанных ранее. Таким образом, ценность познания в исследуемой группе облечена в форму интеллектуальных и социальных достижений и компетенций, на что указывает еще и наличие корреляции между ценностью познания и мотивацией достижения ($r = 0,51$, при $p \leq 0,05$) и отсутствием значимой связи этой ценности с познавательной академической мотивацией.

По связям с академической мотивацией первых двух системообразующих ценностей – «познание» и «свобода» – можно предположить наличие внутри коллектива потенциального или уже действительного противостояния между студентами, стремящимися к учебным достижениям, и студентами, амотивированными в учебной деятельности (ценящими свободу и независимость и, скорее всего, ощущающими их дефицит). Такая ситуация в межличностных отношениях среди студентов является достаточно популярной и часто раскалывает коллектив на «успевающих» и «отстающих», «интеллектуально заинтересованных» и «безразличных», «отличников» и «прогульщиков» (между мотивацией к достижению и амотивацией существует сильная обратная связь $r = -0,76$, при $p \leq 0,01$). Это не способствует продуктивной групповой работе, часто провоцирует преобладание индивидуального подхода к учебе, неспособности решать учебные задачи в группе. Очевидно, что ведущую роль в коллективе играют именно «отличники», что усложняет возможности «отстающих» занять более активные позиции, так как, вероятно, они часто «проигрывают» в интеллектуальной конкуренции. Решение противоречия между этими двумя частя-

ми группы заключается в «объединении» ценности познания и свободы в пространстве межличностного взаимодействия. Это можно сделать с помощью следующих четырех ступеней в иерархии ценностей: ценностей красоты природы и искусства, счастья других, любви и интересной работы. Как видно, эти ценности являются высокими духовными ценностями, выходящими за пределы сиюминутных потребностей, за пределы социальных прений, и могут выступать в роли интегрирующих группу интересов. Причем менее значимые для группы ценности «красота природы и искусства» и «счастье других» являются более весомыми для группового сплочения по сравнению с ценностями «любовь» и «интересная работа». При актуализации этих ценностей в коллективе, заполнении ими содержания социального взаимодействия группа сможет выстроить комфортные отношения и превратиться из случайно образованного собрания людей в целостный и эффективно действующий коллектив.

Изучение иерархии инструментальных ценностей обнаруживает инструмент и механизм необходимого объединения (таблица 7).

В первую очередь, следует обратить особое внимание на первые две позиции иерархии ценностей по системообразующей функции – непримиримости к недостаткам и терпимости к другим. Эти две ценности являются наиболее значимыми среди всех инструментальных ценностей для данной группы и они, так же как и две первые терминальные ценности, находятся в противоречии. Рассматривая их в контексте решения внутригруппового противостояния, можно сделать вывод о том, что понимание студентами условий непринятия и принятия других людей позволит им открыть пути преодоления межличностных противоречий. Причем можно отметить, что к непримиримости к недостаткам, вероятнее всего, склонны именно «отличники» (между ценностями «непримиримость к недостаткам» и «свобода» обнаружена тенден-

Таблица 6 – Связи терминальных ценностей с академической мотивацией

Место в иерархии	Иерархия системообразующих терминальных ценностей	Вид академической мотивации	Коэффициент корреляции
1	<i>Познание</i>	Мотивация достижений	$r = 0,51$, при $p \leq 0,05$
2	<i>Красота природы и искусства</i>	Познавательная мотивация Амотивация	$r = -0,52$, при $p \leq 0,05$ $r = 0,53$, при $p \leq 0,05$
3	Коэффициент корреляции	–	
4	<i>Счастье других</i>	Познавательная мотивация	$r = 0,5$, при $p \leq 0,05$
5	<i>Любовь</i>	–	
6	<i>Интересная работа</i>	–	
7	<i>Творчество</i>	Мотивация саморазвития Интроэцированная мотивация	$r = -0,54$, при $p \leq 0,05$ $r = -0,47$, при $p \leq 0,05$
8	Счастливая семейная жизнь	Интроэцированная мотивация Экстернальная мотивация	$r = 0,49$, при $p \leq 0,05$ $r = 0,56$, при $p \leq 0,05$
9	Продуктивная жизнь	–	
10	<i>Жизненная мудрость</i>	–	
11	<i>Здоровье</i>	–	
12	Общественное признание	Мотивация саморазвития	$r = 0,52$, при $p \leq 0,05$
13	Развитие	–	
14	Уверенность в себе	–	
15	<i>Наличие хороших и верных друзей</i>	–	
16	Удовольствия	–	
17	Активная деятельная жизнь	–	
18	<i>Материально обеспеченная жизнь</i>	Мотивация достижений Экстернальная мотивация Амотивация	$r = -0,54$, при $p \leq 0,05$ $r = 0,55$, при $p \leq 0,05$ $r = 0,58$, при $p \leq 0,05$

ция к обратной связи $r = -0,36$). Объединяющим фактором в процессе понимания условий и особенностей отношения к другим людям является ценность познания (познание и непримиримость к недостаткам имеют тенденцию к прямой связи $r = 0,45$, при $p \leq 0,1$; познание и терпимость также имеют тенденцию к прямой связи $r = 0,34$). Учитывая, что исследование проводится с группой будущих психологов в контексте их учебно-профессиональной деятельности, решение этой психологической задачи является чрезвычайно важным не только для улучшения климата в коллективе, но и становится определяющим условием профессионального развития студентов, повышения их способности с пониманием выстраивать межличностные отношения, понимать тонкости проявления принятия и непринятия людьми друг друга, уметь неконфликтно относиться к разным особенностям личности и поведения других людей, их достоинствам и недостаткам, ошибкам и заблуждениям. Познание этих механизмов является профессиональной задачей для будущего психолога, поэтому она может быть с легкостью вплетена в учебную деятельность студентов. Таким образом, качественное решение вы-

явленных противоречий скажется не только на отношениях в коллективе, но и на профессиональном и личностном развитии каждого студента.

Касательно рекомендаций для работы с коллективом, на наш взгляд, исследуемая группа студентов-психологов нуждается в минимальной коррекционной работе и в гораздо большей степени – в поддерживающем и развивающем сопровождении. Коррекционные мероприятия могут коснуться содержания процесса познания, в частности, в дополнении мотивации достижений познавательной мотивацией, когда ценность компетентности не замещает сам процесс познания, а является его закономерным результатом. Смоделированная внутригрупповая структура ценностно-мотивационной сферы требует поддержания и дальнейшего развития в области познания механизмов построения межличностных отношений, что может быть реализовано с помощью ряда непрямых методов. Так, поддержание познавательной направленности может заключаться в постановке учебных задач, которые основывались бы на актуализации ценности познания с учетом стремления студентов к ощущению конкретных достижений как заметного резуль-

Таблица 7 – Связи инструментальных ценностей с академической мотивацией

Место в иерархии	Иерархия системообразующих инструментальных ценностей	Вид академической мотивации	Коэффициент корреляции
1	Непримиримость к недостаткам в себе и других	–	
2	Терпимость	Мотивация саморазвития	$r = -0,48$, при $p \leq 0,05$
3	Независимость	Познавательная мотивация	$r = -0,48$, при $p \leq 0,05$
4	Самоконтроль	–	
5	Аккуратность	Мотивация достижений Интроэцированная мотивация Экстернальная мотивация	$r = -0,55$, при $p \leq 0,05$ $r = 0,63$, при $p \leq 0,01$ $r = 0,6$, при $p \leq 0,01$
6	Высокие запросы	–	
7	Исполнительность	–	
8	Честность	–	
9	Эффективность в делах	–	
10	Широта взглядов	–	
11	Твердая воля	Мотивация саморазвития Интроэцированная мотивация	$r = 0,51$, при $p \leq 0,05$ $r = 0,58$, при $p \leq 0,05$
12	Рационализм	–	
13	Смелость в отстаивании своего мнения	–	
14	Ответственность	–	
15	Воспитанность	–	
16	Образованность	–	
17	Чуткость	–	
18	Жизнерадостность	–	

тата их интеллектуальных усилий. Если познание будет касаться сферы межличностных отношений, это задействует потребность будущих психологов в познании условий, когда требуется проявлять неприятие и непримиримость к недостаткам, стремиться к их исправлению, а когда требуется проявление терпимости к личностным особенностям, взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения. Учебные задачи с таким содержанием позволяют осуществлять важную ценностную направленность и потребность будущих психологов, это будет способствовать соединению мотивационно-ценностного и интеллектуального компонентов в обучении, а также содействовать не только их профессиональному, но и личностному развитию посредством решения обозначенных психологических задач. Такие задачи могут быть содержанием практических занятий многих психологических дисциплин, лежать в основе вопросов для обсуждения при групповых дискуссиях, быть темами научно-психологических эссе, содержаться в тематике курсовых и дипломных работ, быть предметом изучения в индивидуальных и групповых научно-исследовательских работах.

Что касается воспитательного процесса, то обозначенным вопросам могут быть посвящены беседы куратора со студентами, решение возникающих личностных и социальных трудностей с позиции обнаруженных особенностей ценностно-мотивационной сферы студенческого коллектива.

Психологическое сопровождение исследуемой группы могут осуществлять не только преподаватели и кураторы, но и студенты-психологи старших курсов в качестве реализации практического компонента своей профессиональной подготовки, развития практических навыков психологической деятельности: студенты старших курсов могут принимать участие как в исследовании (диагностическом, вычислительном моделировании) психологических особенностей коллективов младших курсов (например, в рамках своих курсовых, дипломных проектов, индивидуальных и групповых научно-исследовательских заданий), так и в разработке и реализации конкретных практических приемов в решении задач психологического сопровождения коллективов (под руководством педагога-куратора осуществлять профилактическую и просветительскую работу, разрабатывать и проводить систему

практических мероприятий в рамках коррекционно-развивающей и консультативной психологической деятельности).

Заключение. Представленная программа исследования академической группы студентов представляет собой готовый сценарий изучения коллектива с целью разработки стратегических и тактических путей его развития. Проведенное исследование позволяет дать психологическую характеристику демонстрируемой и неявной структуры ценностно-мотивационной сферы студенческой группы. Изученный коллектив характеризуется познавательной направленностью (в частности, в области межличностных отношений), что является очень благоприятным условием работы коллектива в процессе совместной учебно-профессиональной деятельности. Эту мотивацию необходимо сохранить и развивать, наполнив ее содержательную сторону. Выявленные психологические задачи являются потенциальной движущей силой на пути профессионального развития коллектива и каждого из его участников. Их решение может происходить в процессе как учебной деятельности, так и воспитательной работы с группой, что будет иметь своим проявлением (своеобразными маркерами эффективности психологической работы) повышение академической мотивации, интереса к учебе; улучшение социально-психологического климата коллектива, его сплочение; повышение качества взаимодействия как на уровне «преподаватель–студент», так и на уровне «студент–студент»; актуализацию профессионального роста студентов, в первую очередь, за счет объединения мотивации к обучению со сферой ценностных ориентаций личности студента и с учетом скрытых внутригрупповых процессов.

Литература

1. Дружилин, С.А. Индивидуальные ресурсы и потенциалы личности как необходимые условия становления профессионализма человека [Электронный ресурс] / С.А. Дружилин // Современные научные исследования и инновации. – 2011. – № 4. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2011/08/1930>. – Дата доступа: 29.06.2020.
2. Подшивайлова, А.М. Манипулятивное воздействие в политическом дискурсе: монография / А.М. Подшивайлова. – К., 2013. – 431 с.
3. Кияшко, М.А. Психологическое исследование межличностных отношений в студенческой группе в процессе учебно-профессиональной деятельности / М.А. Кияшко // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 1(6). – С. 60–71.

Поступила в редакцию 30.06.2020

Психологические адаптационные характеристики лиц с ограниченными физическими возможностями

Косаревская Т.Е., Ткач М.Г.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машиерова»

В статье представлены результаты исследования механизмов социально-психологической адаптации у людей со стойким функциональным нарушением опорно-двигательного аппарата различного генеза и степени тяжести.

Цель научной работы – анализ адаптационных возможностей личности в ситуации заболевания, сопровождающегося нарушением работы опорно-двигательного аппарата.

Материал и методы. В число респондентов вошли взрослые лица, имеющие группу инвалидности, связанную с нарушением опорно-двигательного аппарата (лица с травмой позвоночника и лица с детским церебральным параличом). В эмпирическом исследовании использовались методика социально-психологической адаптации К. Роджерса, Р. Даймонда в адаптированном варианте А. Осницкого и методы математической статистики.

Результаты и их обсуждение. Проанализированные данные позволяют сделать вывод о том, что в представленной выборке значения по интегральным показателям социально-психологической адаптации находятся на среднем и высоком уровнях. Вместе с тем выявлен и ряд отличий в уровне развития адаптационных механизмов и психологических характеристиках респондентов с разными заболеваниями, связанными с нарушением опорно-двигательного аппарата. Установлены наиболее статистически значимые связи между интегральными показателями социально-психологической адаптации.

Заключение. Социально-психологическая адаптация представляет собой динамичный непрерывный процесс, в котором задействованы физиологические и психологические механизмы личности, а также условия и факторы социальной среды, в которой личность живет и функционирует. Полученные данные позволяют говорить о возможности достижения конструктивного баланса между личностью и средой в условиях инвалидизирующего заболевания. Развитые адаптационные характеристики человека не только способствуют достижению личностной стабильности и приспособлению к условиям жизнедеятельности, но и ведут к раскрытию личностного потенциала.

Ключевые слова: адаптация, адаптационные механизмы, социальная среда, лица с ограниченными физическими возможностями.

Psychological Adaptation Characteristics of People With Health Limitations

Kosarevskaya T.E., Tkach M.G.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masharov University"

The article presents the research results of social and psychological adaptation mechanisms of people with persistent functional muscle-skeleton disorders of different genesis and severity.

The purpose of the article is to analyze the personality adaptation mechanisms in case of muscle-skeleton disorders of various geneses.

Material and methods. The respondents are the adults with an identified Disability Group connected with muscle-skeleton disorders (people with spinal cord injuries and people with infantile cerebral palsy). The empirical study used the methodology of social and psychological adaptation of C. Rogers, R. Diamond in the adapted version of A. Osnitsky and methods of mathematical statistics.

Findings and their discussion. The analyzed data allow us to conclude, that in the presented sample the values for integral indicators of social and psychological adaptation are at the average and high levels. At the same time, a number of differences have been identified in the level of development of adaptation mechanisms and psychological characteristics of respondents with different diseases related to muscle-skeleton disorders. The most statistically significant links between integral indicators of social and psychological adaptation have been established.

Conclusion. Social and psychological adaptation is a dynamic continuous process involving the physiological and psychological mechanisms of the individual, as well as the conditions and factors of the social environment in which the individual lives and functions. The obtained data suggest the possibility of achieving a constructive balance between personality and environment in conditions of disability disease. Developed human adaptation characteristics contribute not only to the achievement of personal stability and adaptation to living conditions, but also lead to the disclosure of personal potential.

Key words: adaptation, adaptive mechanisms, social environment, persons with health limitations.

Развитые адаптационные возможности личности – важная предпосылка для удовлетворения потребностей личности через приспособление к требованиям среды, межличностным отношениям, видам деятельности и способность к мотивированному, целенаправленному развитию.

Стойкое нарушение здоровья и, как следствие, возникновение инвалидности представляет собой кризисную ситуацию развития личности. Возникновение патологических и дефицитарных состояний лишает человека сложившегося образа жизни и требует значительных усилий для процесса адаптации к изменившимся условиям жизнедеятельности. Проблемная ситуация, коей является болезнь, и последующая инвалидизация личности выступают именно тем стимулом для возникновения адаптационного процесса. Основной целью любой адаптации является устранение либо минимизация вредоносного (разрушающего) действия или явления. В данном случае можно говорить о снижении негативного воздействия болезни на человека с помощью адаптационных возможностей [1].

Многие исследователи рассматривают адаптацию в нескольких аспектах: физико-биологическом, индивидуально-психологическом, социально-психологическом.

В контексте исследуемого вопроса нас интересовала именно социально-психологическая адаптация, которая предполагает получение личностью конкретного социально-психологического статуса, способствующего согласованности внутренних и внешних условий жизнедеятельности.

Социально-психологическая адаптация выступает как сложная комбинация взаимосвязанных компонентов: личностных характеристик, особенностей социальной среды – и предполагает целый спектр изменений, которые приводят к формированию необходимых адаптационных возможностей личности в ситуации совладающего поведения [2].

Цель научной работы – анализ адаптационных возможностей личности в ситуации заболевания, сопровождающегося нарушением работы опорно-двигательного аппарата.

Материал и методы. В психологическом исследовании приняли участие 60 человек. В группу респондентов вошли лица от 18 до 66 лет, имеющие группу инвалидности, связанную с нарушением опорно-двигательного аппарата различной степени тяжести. В ходе проведения эмпирического изучения выборка была разделена на две группы: в состав первой группы вошли лица с диагнозом детский церебральный паралич (ДЦП), в состав второй – лица с нарушением функциони-

рования опорно-двигательного аппарата вследствие травмы позвоночника. Отметим, что в ходе предварительного этапа выборка испытуемых была сформирована из лиц, согласившихся принять участие в исследовании, что составило около 40% от всех опрошенных респондентов.

Для диагностики адаптационных возможностей личности была использована методика социально-психологической адаптации К. Роджерса, Р. Даймонда в адаптированном варианте А. Осницкого [3]. Полученные результаты методики интерпретируются по нескольким шкалам: адаптация, интернальность, самопринятие, принятие других, эмоциональный комфорт и стремление к доминированию. Статистический анализ проводился с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение. Исходя из полученных эмпирических данных установлено, что в представленной выборке испытуемых значения по интегральным показателям адаптации, принятия других, самопринятию, интернальности и стремлению к доминированию находятся на среднем и высоком уровнях. Можно считать, что в исследовании приняли участие лица, достаточно хорошо адаптировавшиеся к ситуации болезни и инвалидности.

Более детальный анализ результатов эмпирического исследования по группам респондентов позволяет отметить ряд отличий как в уровнях адаптации, так и в других социально-психологических характеристиках. Так, в группе лиц с травмой позвоночника высокий уровень адаптации зафиксирован у 69% испытуемых, 31% испытуемых показали средний уровень по данному показателю. Полученные данные свидетельствуют о мобилизации адаптационных свойств личности, которые, в свою очередь, способствуют приспособлению к изменившимся условиям жизни в связи с инвалидностью. В группе лиц с диагнозом ДЦП, напротив, отмечается преобладание среднего уровня адаптации (55% респондентов). Это может объясняться особенностями диагноза ДЦП, в частности спецификой личностного профиля больного, которая затрудняет достижение более высокого уровня адаптационных возможностей. Низкого уровня адаптации среди респондентов двух групп выявлено не было (рисунок 1). Данный результат также немаловажен, так как критерии адаптированности отчасти совпадают с критериями личностной зрелости, в том числе с чувством собственного достоинства и умением уважать других, открытостью реальной практике деятельности и отношений, пониманием своих проблем и стремлением совладать, справиться с ними.

Данные по интегральному показателю «Самопринятие» в двух группах распределились следующим образом. Группа с травмой позвоночника показала высокий уровень самопринятия – 97% респондентов, остальные 3% лиц относятся к среднему уровню. В то время как в группе с ДЦП высокий уровень самопринятия выявлен у 74% участников, 26% испытуемых имеют средний уровень (рисунок 2). В обеих группах установлена сильная значимая связь уровня адаптированности и принятия себя: у испытуемых с травмой $r_s = 0,87$ ($p \leq 0,01$), у испытуемых с ДЦП $r_s = 0,83$ ($p \leq 0,01$).

Опираясь на полученные данные, а также на проведенные личные встречи и индивидуальные беседы с участниками исследования, мы можем предположить, что преобладание высокого уровня самопринятия среди лиц с травмой позвоночника может объясняться фактом отсутствия в составе группы людей с недавно приобретенной инвалидностью (до года или 1 год), которые находятся в остром стрессовом состоянии. У такой категории лиц уровень самопринятия значительно отличался бы от вышеописанного. Характеризуя нашу группу с травмой позвоночника, стоит отметить значительный стаж инвалидности среди

участников, от 5 до 10 лет, в некоторых случаях свыше 10 лет.

Безусловно, столь оптимистичные эмпирические данные в обеих группах дают основания предполагать, что принятие себя в ситуации инвалидности выступает как результат адекватной самооценки, дружественного отношения к собственному «Я» и определяет степень удовлетворенности личностными характеристиками. Однако существует вероятность того, что высокая степень самопринятия нередко может превращаться в нетребовательность, неприязнательность, когда человеку «все хорошо» даже в тех случаях, когда это совсем не так. Как подчеркивают многие специалисты, развитие личности должно сопровождаться принятием себя, но не должно им ограничиваться или заканчиваться.

Как отмечалось выше, люди с диагнозом ДЦП также имеют высокий уровень самопринятия, но вместе с тем количество испытуемых с показателем среднего уровня значительно превышает количество респондентов в группе с травмой позвоночника. На наш взгляд, наличие среднего уровня самопринятия у людей с ДЦП может быть связано с нестабильной самооценкой,

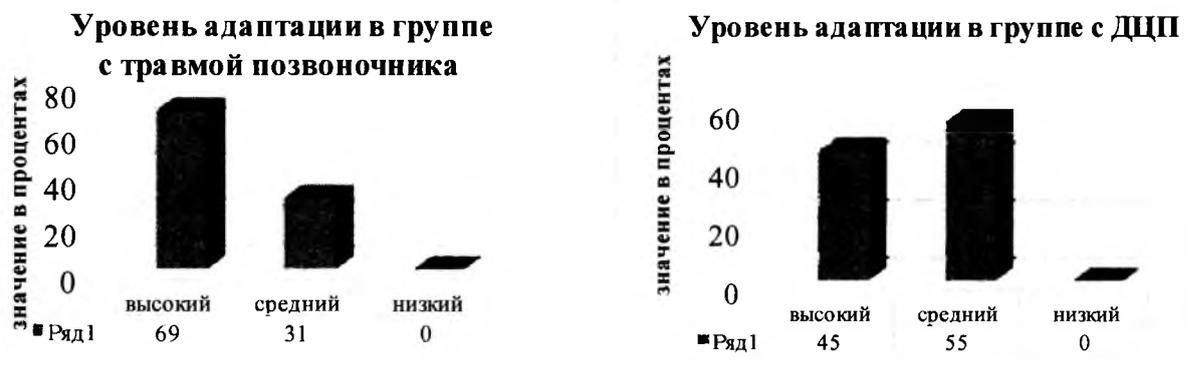

Рисунок 1 – Уровни социально-психологической адаптации в группах выборки

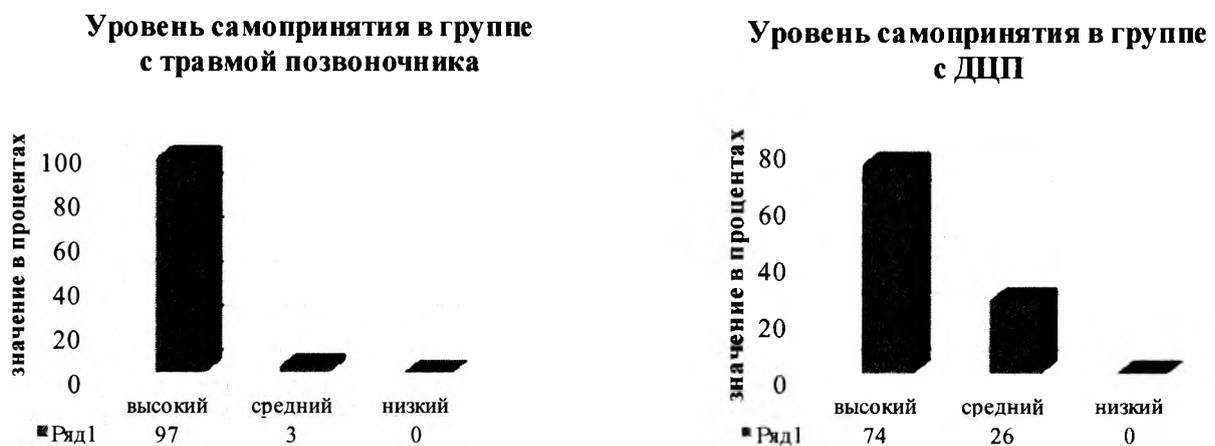

Рисунок 2 – Уровень показателя «Самопринятие» в группах выборки

со значительной зависимостью от социального окружения, которое оценивает личностные качества человека, его умения, достижения, особенности характера.

По показателю «Принятие других» высокий уровень значений был отмечен у 66% испытуемых в группе с травмой позвоночника, средний уровень – у 34%. Группа с диагнозом ДЦП показала следующее распределение: 39% участников группы имеют высокий уровень, 55% – средний и 6% – низкий. Связь уровня адаптированности и принятия других: у испытуемых с травмой $r_s = 0,63$ ($p \leq 0,01$), у испытуемых с ДЦП $r_s = 0,40$ ($p \leq 0,01$).

Принятие других подразумевает определенную потребность личности в общении, взаимодействии и совместной деятельности, умение и готовность принять другого человека с его недостатками и достоинствами. Мы предполагаем, что преобладание высокого уровня принятия других в группе с травмой позвоночника связано с умением выстраивать межличностное взаимодействие и коммуникационный процесс, ожиданием позитивного отношения к себе окружающих, которые сохраняются и после наступления инвалидности. Говоря о людях, живущих с детским церебральным параличом, умение взаимодействовать с людьми и потребность в общении чаще всего не получают должного развития в силу определенной ограниченности возможности взаимодействия с социальным окружением (часто круг общения ограничен семьей).

Сравнительный анализ результатов по шкале «Эмоциональный комфорт» показал, что люди с травмой позвоночника испытывают больший эмоциональный комфорт (59%), чем люди с диагнозом ДЦП, здесь высокий уровень отмечен лишь у 36% респондентов, в то время как средний уровень в данной группе был выявлен у 58% испытуемых, 6% испытывают эмоциональный дискомфорт. Связь уровня адаптированно-

сти и эмоционального комфорта: у испытуемых с травмой $r_s = 0,81$ ($p \leq 0,01$), у испытуемых с ДЦП $r_s = 0,59$ ($p \leq 0,01$). Интерпретируя полученные данные, стоит сказать, что эмоциональный комфорт связан, в первую очередь, с состоянием уверенности, спокойствия, удобства, когда человек всем доволен, оптимистичен, открыто выражает свои эмоции и может получать положительные эмоции извне, не испытывает чувства страха и тревоги.

Обращая внимание на распределение показателей по данной шкале в группе людей с детским церебральным параличом, стоит отметить, что преобладание среднего уровня эмоционального комфорта может объясняться наличием неблагоприятных ситуаций и внешних факторов, существенно влияющих на эмоциональный фон. Но, на наш взгляд, средние и низкие показатели эмоционального комфорта следует рассматривать в контексте личностных особенностей. И здесь речь может идти о существующем субъективном восприятии собственных ограничений жизнедеятельности. В такой ситуации человек с инвалидностью создает ограничения, ставит себя в определенные рамки, которые не позволяют как проявлять эмоции, так и получать эмоциональные впечатления от процесса включенности в общественную жизнь. Опираясь на индивидуальные беседы с участниками исследования, мы можем говорить о феномене выученной беспомощности, который характеризуется дефицитностью мотивационной, когнитивной и эмоциональной сфер личности. Рассматривая эмоциональный аспект выученной беспомощности, мы говорим об эмоционально нестабильном состоянии, возникающем в результате как оценки семьи и окружающих, так и собственной субъективной оценки действий и поступков, часто переживаемых как безрезультатные и тщетные в силу имеющихся ограничений жизнедеятельности. Неустойчивость эмоционального состояния часто

Уровень интернальности в группе с травмой позвоночника

Уровень интернальности в группе с ДЦП

Рисунок 3 – Уровень показателя «Интернальность» в группах выборки

связана с представлением о неподконтрольности ситуации, то есть независимости результата от прилагаемых усилий.

При оценке результатов по показателю эмоционального комфорта у людей с травмой позвоночника отметим, что более высокий уровень эмоционального комфорта объясним сохранностью прежнего восприятия жизни, который был до наступления инвалидности. Перенос предыдущего опыта жизни на нынешнюю ситуацию болезни обеспечивает меньшую зависимость от оценки окружающих и адекватную реакцию на болезнь, что, в свою очередь, не создает дополнительных ограничений и существенных колебаний эмоциональных состояний личности.

Следующая рассматриваемая характеристика – интернальность как свойство личности, присущее людям, которые принимают ответственность за то, что происходит с ними, за свои поступки на себя, отражает уровень субъективного контроля.

Данные, представленные на рисунке 3, свидетельствуют о том, что высокие значения интернальности наблюдаются в группе людей с травмой позвоночника – у 72% респондентов, в группе людей с диагнозом ДЦП по аналогичному критерию высокие показатели отмечаются значительно реже – у 45% испытуемых, в то время как средний уровень демонстрируют 55% участников группы. На основании этого мы можем сделать вывод, что у людей после травмы позвоночника интернальность приобретает определенную мотивационную нагрузку, поэтому и возникает склонность в максимальной степени брать ответственность за происходящие в жизни события на себя, а достигнутые результаты оценивать с позиции собственного поведения, способностей и личностных характеристик. Однако наличие повышенного уровня внутреннего контроля порой означает нежелание видеть имеющуюся ресурсность социального окружения, отсутствие определенной степени доверия ни к кому иному кроме как к себе самому.

Преобладание средних значений показателя интернальности в группе людей с ДЦП, на наш взгляд, в значительной степени имеет ситуативный характер, то есть в зависимости от жизненных обстоятельств ответственность может приниматься на себя либо частично, либо полностью делегироваться другому человеку. Связь уровня адаптированности и интернальности: у испытуемых с травмой $r_s = 0,68$ ($p \leq 0,01$), у испытуемых с ДЦП $r_s = 0,75$ ($p \leq 0,01$).

Методика, использовавшаяся в исследовании, позволяет рассмотреть и такой параметр социально-психологической адаптации, как

стремление к доминированию в межличностных отношениях. В обеих группах респондентов преобладал средний уровень стремления к доминированию. Это наиболее оптимальный показатель по данному критерию, когда в личностном профиле могут сочетаться как лидерские качества и способность к руководству, так и возможность быть зависимым от других, полагаться на чужое мнение и выполнять установленный алгоритм действий. Процентное соотношение по уровню в группах выборки следующее: высокий уровень доминирования наблюдался у 16% испытуемых в группе с ДЦП и у 10% респондентов в группе с травмой позвоночника; низкий уровень – у 36% в группе людей с ДЦП и у 24% респондентов в группе с травмой позвоночника. Связь уровня адаптированности и доминирования менее выраженная, чем для других рассмотренных параметров: у испытуемых с травмой $r_s = 0,43$ ($p \leq 0,01$), у испытуемых с ДЦП $r_s = 0,50$ ($p \leq 0,01$).

Заключение. В ходе анализа адаптационных возможностей лиц с ограниченными физическими возможностями было установлено, что по всем представленным параметрам преобладает высокий и средний уровни социально-психологической адаптации. Очевидно, мы получили информацию о наиболее благополучно адаптированной категории лиц с инвалидностью. Выявлены различия в личностных характеристиках и основаниях адаптации у лиц с ДЦП и лиц с травмой позвоночника. В целом последняя категория лиц занимает более самостоятельную и активную позицию, что является психологическим ресурсом для реабилитационного процесса. Лица с ДЦП, а также их семьи нуждаются в организации психологической поддержки для коррекции эмоционального состояния и личностного развития при данных ограничениях здоровья. Содержание психологической помощи для лиц с разной этиологией физических ограничений должно быть дифференцированным. Отметим, что организация психологической работы для лиц с трудностями адаптации наиболее актуальна, но существенно осложнена в силу их отказа от участия в исследовании из-за опасений, что это может повлиять на оценку статуса их инвалидности.

Литература

1. Хаустова, А.И. Социально-психологическая адаптация / А.И. Хаустова // Молодой ученый. – 2016. – № 26(130). – С. 614–617.
2. Тюрина, Н.В. Понятие адаптации в современной психологии / Н.В. Тюрина // Вестн. АГТУ. – 2007. – № 5. – С. 152–157.
3. Осницкий, А.К. Определение характеристик социальной адаптации / А.К. Осницкий // Психология и школа. – 2004. – № 1. – С. 43–56.

Поступила в редакцию 02.06.2020

Мотивация достижения успеха и мотивация избегания неудач у индивидов с разными уровнями и видами перфекционизма в период ранней взрослости

Соколович Е.А.

Белорусский государственный университет

Перфекционизм представляет собой искажение когнитивной структуры, которое характеризуется чрезмерной важностью достижений и отсутствием способности объективно оценивать возможности самого себя и окружающих.

Цель статьи – установление взаимосвязи мотивации достижения успеха и мотивации избегания неудач у мужчин и женщин с различными уровнями и видами перфекционизма в период ранней взрослости.

Материал и методы. В качестве материала послужили результаты психологического исследования перфекционизма и мотивационных показателей (мотивации достижения успеха и мотивации избегания неудач) у мужчин и женщин в возрасте от 17 до 28 лет, проживающих на территории Республики Беларусь. Для проведения исследования использовались следующие методики: «Многомерная шкала перфекционизма» Р. Hewitt и G. Flett (адаптация И.И. Грачевой), «Методика диагностики личности на мотивацию к успеху» Т. Элерса, «Методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач» Т. Элерса.

Результаты и их обсуждение. Вне зависимости от уровня общего перфекционизма и возрастного периода у мужчин и женщин не было выявлено различий в показателях мотивации достижения успеха и мотивации избегания неудач. У женщин в период перехода к ранней взрослости с высоким уровнем субъектно-ориентированного перфекционизма выше показатели мотивации избегания неудач, чем у мужчин. У индивидов с высоким уровнем общего и субъектно-ориентированного перфекционизма в период вхождения в раннюю взрослость выше показатели мотивации избегания неудач, чем в период перехода к ранней взрослости. У индивидов с объектно-ориентированным и социально предписываемым перфекционизмом не было выявлено половых и возрастных различий в мотивационных показателях. Вне зависимости от пола и возрастного периода общий уровень перфекционизма, субъектно-ориентированный и объектно-ориентированный перфекционизм взаимосвязаны с мотивацией достижения успеха.

Заключение. Данные, полученные в результате исследования, позволили представить более полное и развернутое представление о феномене перфекционизма, раскрывая его мотивационную составляющую.

Ключевые слова: перфекционизм, субъектно-ориентированный перфекционизм, объектно-ориентированный перфекционизм, социально предписываемый перфекционизм, мотивация достижения успеха, мотивация избегания неудач, ранняя взрослость.

Individuals' With Different Levels and Types of Perfectionism Motivation for Success and Failure Avoiding in Early Adulthood

Sokolovich E.A.

Belarusian State University

Perfectionism is a distortion of the cognitive structure, which is characterized by the excessive importance of achievements and the lack of the ability to objectively evaluate one's own and others' capabilities of oneself and others.

The purpose of this article is to establish the relationship between the motivation for achieving success and the motivation for avoiding failure of young men and females with different levels and types of perfectionism in early adulthood.

Material and methods. The results of psychological studies on perfectionism and motivational indicators (motivation to achieve success and motivation to avoid failure) among males and females aged 17 to 28 living in the Republic of Belarus were used as research material. The following techniques were applied: the multidimensional scale of perfectionism by P. Hewitt and G. Flett in the adaptation of I.I. Gracheva, the technique for diagnosing a personality on the motivation for success by T. Ehlers, a technique for diagnosing a personality on the motivation for avoiding failures by T. Ehlers.

Findings and their discussion. Regardless of the level of general perfectionism and the age period, no differences between young men and females in the indicators of motivation for success and the motivation for avoiding failure were identified. Females in the transition to early adulthood with a high level of subject-oriented perfectionism have higher indicators of motivation to avoid failure than males. Individuals with a high level of general and subject-oriented perfectionism during the period of entering into early adulthood have higher indicators of motivation for avoiding failures than during the transition to early adulthood. Individuals with object-oriented and socially prescribed perfectionism did not reveal gender and age differences in motivational indicators. Regardless of gender and age, the general level of perfectionism, subject-oriented and object-oriented perfectionism are interconnected with the motivation for success.

Conclusion. The data obtained as a result of the study made it possible to present a more complete and detailed idea of the phenomenon of perfectionism, revealing its motivational component.

Key words: perfectionism, self-oriented perfectionism, object-oriented perfectionism, socially prescribed perfectionism, success motivation, failure avoidance motivation, early adulthood.

В настоящее время феномен перфекционизма достаточно широко распространен в обществе, являясь культом и религией современного человека, стремящегося к совершенству во всех сферах своей жизнедеятельности. Перфекционизм представляет собой искажение когнитивной структуры, для которого характерны отсутствие способности адекватно оценивать возможности самого себя и окружающих, значимость достижений, высокий уровень притязаний, сверхтребовательность и отсутствие терпимости к ошибкам. Данный феномен формируется еще в детстве, когда успешность во всем навязывается ребенку со стороны значимых индивидов – в семье и школе, а также благодаря средствам массовой информации. Перфекционизм может оказывать негативное влияние на соматическое и психологическое здоровье индивида, продуктивность деятельности и формирование межличностных контактов. В западной психологии изучением перфекционизма и его составляющих, развитием идей о многомерности данного феномена занимаются Р. Hewitt и G. Flett, R. Frost с коллегами, R. Slaney и J. Ashby, в отечественной психологии – Н.Г. Гаранян, С.Н. Ениколопов, И.Г. Иванченко, Е.П. Ильин, А.Б. Холмогорова, Т.Ю. Юдеева, В.А. Ясная, исследованием перфекционистской самопрезентации – А.А. Золотарева. Тем не менее при всем разностороннем изучении данного феномена количество исследований, посвященных перфекционизму, не является достаточным, чтобы составить развернутые и полноценные представления о нем, а изучение мотивационных составляющих перфекционизма характеризуется противоречивыми данными, которые рассматриваются преимущественно в рамках клинического аспекта. Поэтому данное исследование является наиболее актуальным. Работа направлена на выявление половозрастных различий в показателях мотивации достижения успеха и мотивации избегания неудач у индивидов с разными уровнями и видами перфекционизма, а также установление взаимосвязи перфекционизма и мотивационных показателей у мужчин и женщин в период ранней взрослости.

В качестве методологических оснований выступают:

1) Модель перфекционизма Р. Hewitt и G. Flett, в рамках которого перфекционизм представляет собой предъявление самому себе и/или окружающим чрезвычайно высоких требований, а также включает в себя три составляющие – субъектно-ориентированный перфекционизм (ожидание высоких результатов от самого себя), объектно-ориентированный (ожидание высоких результатов от окружающих) и социально предписываемый перфекционизм (убеждение в том, что окружающие предъявляют завышенные требования к тебе) [1–3]. Особенностью и преимуществом данного подхода является выбор в качестве основы для типологии видов перфекционизма одного параметра – высокие требования, которые могут быть направлены на разных объектов (самого себя, окружающих либо ожидания со стороны других индивидов).

2) Подход к изучению мотивации Д. Макклелланда, в рамках которого одними из регуляторов деятельности индивида выступают мотивация достижения успеха и мотивация избегания неудач [4]. Индивидов с высоким уровнем мотивации достижения можно охарактеризовать как стремящихся к достижению высоких результатов, склонных к соревновательности при выполнении деятельности, инициативных, активных. Индивиды с высоким уровнем мотивации избегания неудач тревожны и стремятся к защите, для них характерны страх и избегание неудач в собственной деятельности, они могут неадекватно оценивать ожидаемый результат деятельности, занижая уровень своих возможностей и способностей.

3) Возрастная периодизация Д. Левинсона, в соответствии с которой к периоду ранней взрослости относится возраст от 17 до 28 лет. Период ранней взрослости делится на два этапа: переход к ранней взрослости (от 17 до 21 года) и вхождение в раннюю взрослость (от 22 до 28 лет) [5].

Цель данной работы – установление взаимосвязи мотивации достижения успеха и мотивации избегания неудач у мужчин и женщин с разными уровнями и видами перфекционизма в период ранней взрослости.

Материал и методы. Выборку составили 812 мужчин и женщин в возрасте от 17 до 28 лет, среди которых 305 мужчин и 507 женщин. Средний возраст респондентов составил 20,0 лет. Среди них 19,5% с низким уровнем перфекционизма, 60,2% со средним и 20,3% с высоким, что соответствует нормальному распределению.

В качестве методик использовались «Многомерная шкала перфекционизма (MPS)» Р. Hewitt и С. Flett (в адаптации И.И. Грачевой) [6], «Методика диагностики личности на мотивацию к успеху» Т. Элерса, «Методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач» Т. Элерса [7].

Полученные данные подвергались статистической обработке с помощью программы SPSS 17.0 for Windows. Непараметрический U-критерий Манна-Уитни и корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) позволили проверить достоверность данных.

Результаты и их обсуждение. В ходе проведенного эмпирического исследования были получены следующие результаты.

Половые различия в мотивационных показателях у индивидов с разным уровнем и видами перфекционизма. Сравнительный анализ показал, что у мужчин и женщин с низким и высоким уровнями общего перфекционизма как в период перехода к ранней взрослости, так и в период вхождения в раннюю взрослость не было выявлено статистически значимых различий по показателям мотивации достижения успеха и мотивации избегания неудач. Следовательно, выраженность мотивационных показателей у индивидов с разными уровнями перфекционизма не обусловлена половой принадлежностью.

У женщин с высоким уровнем субъектно-ориентированного перфекционизма в период перехода к ранней взрослости выше показатели мотивации избегания неудач, чем у мужчин ($p = 0,049$). Таким образом, женщины с высоким уровнем перфекционизма, ориентированным на самого себя, в возрасте от 17 до 21 года более тревожны и стремятся к защите, чем мужчины, для которых характерны страх и избегание неудач в собственной деятельности. У мужчин и женщин с высоким уровнем перфекционизма, ориентированного на самого себя, в возрасте от 22 до 28 лет не выявлено статистически значимых различий по мотивационным показателям. Кроме того, не было установлено статистически значимых половых различий по мотивационным показателям у индивидов с высокими уровнями объектно-ориентированного и социально предписываемого перфекционизма.

Возрастные различия в мотивационных показателях у индивидов с разным уровнем и ви-

дами перфекционизма. У индивидов с высоким уровнем общего перфекционизма в период вхождения в раннюю взрослость выше показатели мотивации избегания неудач, чем в период перехода к ранней взрослости ($p = 0,047$), что проявляется в тревожности и страхе допустить ошибку или оплошность при выполнении деятельности, стремлении защитить себя от чувства дискомфорта и стыда. Различий по мотивационным характеристикам в разные возрастные периоды не было установлено у индивидов с низким уровнем перфекционизма.

У мужчин с высоким уровнем общего перфекционизма в период вхождения в раннюю взрослость выше показатели мотивации избегания неудач, чем в период перехода к ранней взрослости ($p = 0,022$). Следовательно, для мужчин с высоким уровнем перфекционизма в возрасте от 22 до 28 лет в большей степени характерны тревожность и страх допустить оплошность, стремление защитить себя при отсутствии положительного исхода деятельности, чем для мужчин в возрасте от 17 до 28 лет. У мужчин с низким уровнем перфекционизма нет различий в мотивационных показателях в зависимости от возрастного периода. Кроме того, у женщин также вне зависимости от уровня общего перфекционизма не было выявлено статистически значимых возрастных различий в показателях мотивации достижения успеха и мотивации избегания неудач.

У индивидов с высоким уровнем субъектно-ориентированного перфекционизма в период вхождения в раннюю взрослость выше показатели мотивации избегания неудач, чем в период перехода к ранней взрослости ($p = 0,029$), что проявляется в более высоком уровне тревожности, страхе допустить ошибку при выполнении деятельности, стремлении защитить себя от чувства стыда при отсутствии положительного результата деятельности.

У мужчин с высоким уровнем перфекционизма, ориентированного на самого себя, в период вхождения в раннюю взрослость выше показатели мотивации избегания неудач, чем в период перехода к ранней взрослости ($p = 0,002$). Следовательно, юноши с высоким уровнем данного перфекционизма в период вхождения в раннюю взрослость более тревожны, боятся допустить ошибку при выполнении деятельности, в большей степени стремятся защитить себя от чувства стыда при неудачном выполнении деятельности, чем юноши в другой возрастной период. В отличие от мужчин – у женщин с высоким уровнем субъектно-ориентированного перфекционизма не выявлено различий по показателям мотивации достижения успеха и мотивации избегания неудач

в разные возрастные периоды. У индивидов вне зависимости от пола с высокими показателями объектно-ориентированного и социально предписываемого перфекционизма не было установлено возрастных различий по показателям мотивации достижения успеха и мотивации избегания неудач.

Взаимосвязь показателей перфекционизма с мотивацией достижения успеха и мотивацией избегания неудач у мужчин и женщин в период перехода к ранней взрослости (возраст от 17 до 21 года). В результате корреляционного анализа было определено, что общий уровень перфекционизма в данный возрастной период у мужчин взаимосвязан с мотивацией достижения успеха ($r = 0,39$; $p < 0,001$). Таким образом, можно сделать выводы, что чем выше уровень общего перфекционизма, тем выше чрезмерная ориентация и стремление к достижению успешного результата при выполнении деятельности. У женщин общий уровень перфекционизма в период перехода к ранней взрослости коррелирует с мотивацией достижения успеха ($r = 0,34$; $p < 0,001$). Следовательно, чем выше уровень общего перфекционизма у женщин в данный возрастной период, тем выше ориентация на достижение успешного результата при выполнении деятельности.

Субъектно-ориентированный перфекционизм у мужчин в период перехода к ранней взрослости взаимосвязан с мотивацией достижения успеха ($r = 0,53$; $p < 0,001$). Это может свидетельствовать о том, что перфекционизм, ориентированный на самого себя, положительно коррелирует с такими личностными особенностями, как чрезмерное стремление к достижению успешного результата при выполнении деятельности. Субъектно-ориентированный перфекционизм у женщин в возрасте от 17 до 21 года взаимосвязан с мотивацией достижения успеха ($r = 0,41$; $p < 0,001$), что проявляется в том, что чем выше требования женщины в данный возрастной период предъявляют самим себе, тем более у них ярко выражены такие особенности, как чрезмерная ориентация и стремление к достижению успешного результата при выполнении деятельности.

Объектно-ориентированный перфекционизм у мужчин взаимосвязан с мотивацией достижения успеха ($r = 0,3$; $p < 0,001$), что проявляется в ориентации и стремлении к достижению успешного результата при собственном выполнении деятельности. Объектно-ориентированный перфекционизм у женщин в данный возрастной период положительно коррелирует с мотивацией достижения успеха ($r = 0,32$; $p < 0,001$) и отрицательно – с мотивацией избегания неудач ($r = -0,2$; $p < 0,001$). Следовательно, чем выше у женщин

уровень перфекционизма, ориентированного на других, тем выше ориентация и стремление к достижению успешного результата при выполнении деятельности, а также ниже тревожность и страх допустить ошибку, оплошность при выполнении деятельности, стремление защитить себя от чувства дискомфорта и стыда при отсутствии положительного исхода деятельности.

Социально предписываемый перфекционизм у мужчин и женщин в период перехода к ранней взрослости не имеет статистически значимых взаимосвязей с мотивацией достижения успеха и мотивацией избегания неудач.

Взаимосвязь показателей перфекционизма с мотивацией достижения успеха и мотивацией избегания неудач у мужчин и женщин в период вхождения в раннюю взрослость (возраст от 22 до 28 лет). В результате корреляционного анализа было установлено, что общий уровень перфекционизма в период вхождения в раннюю взрослость у мужчин взаимосвязан с мотивацией достижения успеха ($r = 0,46$; $p < 0,001$). Кроме того, общий уровень перфекционизма у женщин в данный возрастной период тоже коррелирует с таким мотивационным показателем, как мотивация достижения успеха ($r = 0,37$; $p < 0,001$). Следовательно, можно сделать выводы, что чем выше уровень общего перфекционизма у мужчин и женщин в возрасте от 22 до 28 лет, тем выше чрезмерная ориентация и стремление к достижению успешного результата при выполнении деятельности.

Субъектно-ориентированный перфекционизм в данный возрастной период взаимосвязан с мотивацией достижения успеха у мужчин ($r = 0,51$; $p < 0,001$) и у женщин ($r = 0,41$; $p < 0,001$). Следовательно, чем выше у мужчин и женщин уровень перфекционизма, ориентированного на самого себя, тем выше показатели по таким личностным особенностям, как чрезмерная ориентация и стремление к достижению успешного результата при выполнении деятельности. Выявлена положительная корреляция субъектно-ориентированного перфекционизма у женщин в период вхождения в раннюю взрослость с мотивацией достижения успеха.

Объектно-ориентированный перфекционизм у мужчин в данный возрастной период положительно коррелирует с мотивацией достижения успеха ($r = 0,37$; $p < 0,001$). Таким образом, чем выше у мужчин уровень перфекционизма, ориентированного на других, тем выше стремление к достижению успешного результата при выполнении деятельности. У женщин в период вхождения в раннюю взрослость объектно-ориентированный перфекционизм взаимосвязан с мотивацией

достижения успеха ($r = 0,36$; $p < 0,001$), что проявляется в чрезмерной ориентации на достижение успешного результата при выполнении собственной деятельности.

Социально предписываемый перфекционизм у мужчин и женщин в возрасте от 22 до 28 лет не имеет статистически значимых взаимосвязей с мотивацией достижения успеха и мотивацией избегания неудач.

Результаты корреляционного исследования согласуются с результатами сравнительного анализа. Вне зависимости от возраста у мужчин и женщин общий уровень перфекционизма, субъектно-ориентированный и объектно-ориентированный перфекционизм взаимосвязаны с мотивацией достижения, что соответствует выводам по итогам сравнительного анализа – не было выявлено различий у мужчин и женщин с высоким уровнем перфекционизма по данной мотивационной характеристике.

Заключение. Обобщив вышеизложенное, можно сделать вывод, что вне зависимости от уровня общего перфекционизма и возрастного периода у мужчин и женщин не было установлено различий в показателях мотивации достижения успеха и мотивации избегания неудач. У женщин с высоким уровнем субъектно-ориентированного перфекционизма в возрасте от 17 до 21 года выше показатели мотивации избегания неудач, чем у мужчин. У мужчин и женщин с высоким уровнем субъектно-ориентированного перфекционизма в период вхождения в раннюю взрослость, а также у индивидов с высокими уровнями объектно-ориентированного и социально предписываемого перфекционизма не было определено статистически значимых половых различий в показателях мотивации достижения и мотивации избегания неудач.

У индивидов с высоким уровнем общего перфекционизма и субъектно-ориентированного, преимущественно у мужчин, в период вхождения в раннюю взрослость выше показатели мотивации избегания неудач, чем в период перехода к ранней взрослости. У женщин с высокими показателями данных показателей перфекционизма не было выявлено статистически значимых различий по мотивационным показателям в разные возрастные периоды. Вне зависимости от пола у индивидов с высокими уровнями объектно-ориентированного и социально предписываемого перфекционизма не было установлено различий в показателях мотивации достижения успеха и мотивации избегания неудач.

В результате корреляционного анализа были определены общие тенденции во взаимос-

вязи перфекционизма с мотивацией достижения успеха и мотивацией избегания неудач для мужчин в периоды перехода и вхождения в раннюю взрослость. У мужчин вне зависимости от возрастного периода общий уровень перфекционизма, субъектно-ориентированный и объектно-ориентированный перфекционизм положительно коррелируют с мотивацией достижения успеха. У женщин во взаимосвязи показателей перфекционизма и личностных характеристик были выделены следующие особенности. Вне зависимости от возрастного периода общий уровень перфекционизма, субъектно-ориентированный и объектно-ориентированный перфекционизм коррелирует с мотивацией достижения успеха. Кроме того, в период перехода к ранней взрослости у женщин объектно-ориентированный перфекционизм отрицательно взаимосвязан с мотивацией избегания неудач.

Данные, полученные в результате исследования, позволили сформировать более полное и развернутое представление о феномене перфекционизма, раскрывая его мотивационную составляющую. Хотя остается открытым вопрос о предикторах перфекционизма – являются ли мотивация достижения успеха и мотивация избегания неудач факторами, оказывающими влияние на возникновение перфекционизма у мужчин и женщин, так как обнаружение взаимосвязи не дает возможности говорить о причинности. Данные вопросы представляют собой перспективу для дальнейших исследований.

Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках научного проекта Г18М-024.

Литература

1. Flett, G.L. Components of perfectionism and procrastination in college students / G.L. Flett, K.R. Blankstein, P.L. Hewitt, S. Koledin // *Social behavior and personality*. – 1992. – № 20(2). – P. 85–94.
2. Flett, G.L. Dimensions of perfectionism, unconditional self-acceptance, and depression / G.L. Flett, A. Besser, R.A. Davis, P.L. Hewitt // *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*. – 2003. – Vol. 21, № 2. – P. 119–138.
3. Flett, G.L. Perfectionism in the self and social contexts: Conceptualization, assessment, and association with psychopathology / G.L. Flett, P.L. Hewitt // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1991. – Vol. 60, № 3. – P. 456–470.
4. Макклелланд, Д. Мотивация человека / Д. Макклелланд. – СПб.: Питер, 2007. – 672 с.
5. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг, Д. Бокум. – СПб.: Питер, 2005. – 940 с.
6. Грачева, И.И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта / И.И. Грачева // *Психол. журн.* – 2006. – № 6. – С. 73–80.
7. Райгородский, Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие / Д.Я. Райгородский. – Самара: Изд. Дом «БАХРАХ-М», 2001. – 672 с.

Поступила в редакцию 21.11.2019

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет

(-ют);

- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть, по возможности, лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во **введении** дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «**Материал и методы**» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «**Результаты и их обсуждение**» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В **заключении** в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. **Список литературы** должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на нео-

публикованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:
– реферат (200–250 слов), который должен полностью передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

– ключевые слова на языке оригинала;

– название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

– номер телефона, адрес электронной почты автора;

– рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

– экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

INSTRUCTIONS TO THE AUTHORS

Scientific and practical journal “**Law. Economics. Psychology**” publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year post-graduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles:

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section “Materials and methods”;
- section “Findings and their discussion”;
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The **introduction** provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section “**Materials and methods**” includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section “**Findings and their discussion**” the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section “**Conclusion**” must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. **References** should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript

are indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200–250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;

- key words in the original language;

- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;

- the author's phone number, e-mail address;

- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;

- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat.VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews – at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

Подписано в печать .09.2020. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,70. Уч.-изд. л. 9,73. Тираж экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.